

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 23 / 2017

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;
Бабич И.Л., д.и.н.;
Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,
Почетный работник юстиции России;
Мельников С.А., д.ю.н.;
Мигушенко О.Н., д.ю.н., профессор;
Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;
Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;
Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;
Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;
Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор;
Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;
Зенин С.С., к.ю.н.;
Клименко А.И., д.ю.н., доцент;
Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;
Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,
Белых В.С.,
Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Правовая идеология и законность: исторические аспекты

- Шавеко Н.А.** Концепция науки теоретической юриспруденции Рудольфа Штаммлера 3
- Бредихин А.А., Руденко Д.А.** Теория юридического позитивизма: философско-методологический и идеологический аспекты 10
- Козюк М.Н.** Институт медиации в контексте архаизации общества 15
- Корчаго Е.В.** Соглашение (сделка) о признании вины (Plea Bargaining): особенности российской историографии 20
- Клеандров М.И.** Ответственность судьи в государствах Древнего Мира 26

Право и хозяйство: опыт истории

- Ворождухин С.Е.** Генезис и особенности отдельных видов пошлин в Российской империи в первой четверти XIX в. 32
- Баев В.Г., Фролов С.А.** Деятельность крестьянского поземельного банка в пореформенной России (1884–1895) (на примере Тамбовской губернии). Историко-правовой анализ 36
- Ланцева В.Ю.** Особенности правового регулирования торгового мореплавания в Российской империи 42
- Артеменков В.К.** Самодостаточность как историко-правовая детерминанта некоммерческой природы общественного объединения 45
- Табалин В.В.** Историко-правовые аспекты понятия «город» 50
- Когай И.С.** Введение Городового положения 1870 г. в Вологодской губернии: опыт взаимодействия государственной власти и городского общественного управления 55
- Ромашов Р.А., Пасешникова А.А., Ковалев В.А.** Мир грядущего будущего: преодоление системного кризиса современности и место России в новой системе глобальных мировых экономико-правовых отношений (аналитический обзор материалов XVII Международных Лихачевских научных чтений «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» (Санкт-Петербург, 18–20 мая 2017 г.)) 60

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).
Формат 170x252 мм. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.
Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.
Номер подписан в печать 22.11.2017.
Номер вышел в свет 21.12.2017.
Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы: Роспечать — 47643;
Каталог российской прессы — 10866;
Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).
Также можно подписаться на www.gazety.ru
Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.
Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 23 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФЧ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Legal ideology and legitimacy: historical aspects

- Shaveko N.A.** Rudolf Stammler's Concept of Theoretical Jurisprudence3
Bredikhin A.L., Rudenko D.A. Legal Positivism Theory: Philosophical, Methodological and Ideological Aspects10
Kozyuk M.N. Mediation Institution against the Background of Society Archaization15
Korchago E.V. Plea Bargain: Peculiarities of Russian Historiography20
Kleandrov M.I. Responsibility of a Judge in the Ancient World26

Law and business: historical experience

- Vorodyukhin S.E.** Genesis and Peculiarities of Separate Duty Types in the Russian Empire in the First Quarter of the XIX Century32
Baev V.G., Frolov S.A. Activities of the Peasants' Land Bank in the Post-Reform Russia (1884 to 1895) (on the Example of the Tambov Governorate). Historical and Legal Analysis36
Lantseva V.Yu. Peculiarities of Legal Regulation of Merchant Shipping in the Russian Empire42
Artemenkov V.K. Self-Containment as a Historical and Legal Determinant of Non-Commercial Nature of a Public Association45
Tabolin V.V. Historical and Legal Aspects of the "City" Notion50
Kogay I.S. Adoption of the Municipal Statute of 1870 in the Vologda Governorate: Experience of Interaction between the State Authority and the City Public Administration55
Romashov R.A., Paseshnikova L.A., Kovalev V.A. The World of the Future: Overcoming a Systemic Crisis of Modern Times, and the Role of Russia in the New System of Global World Economic and Legal Relations (Analytical Review of Materials of the XVII International Likhachev Scientific Readings Global World: Systemic Shifts, Challenges and Contours of the Future, Saint Petersburg: the St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, May 18 to 20, 2017)60

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 5.0.

Conventional printed sheet 5.0.

Passed for printing 22.11.2017.

Issue was published 21.12.2017.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;

Catalogue of the Russian press — 10866;

United Catalogue — 85492 (for 6 months)

and on www.gazety.ru

Printed by "National Polygraphic Group".

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:

Publishing Group "Jurist".

Концепция науки теоретической юриспруденции Рудольфа Штаммлера

Шавеко Николай Александрович,

научный сотрудник

Удмуртского филиала Института философии и права

Уральского отделения Российской академии наук (УрО РАН),

кандидат юридических наук

Nickolai_91@inbox.ru

В статье анализируется предложенная Р. Штаммлером концепция науки теоретической юриспруденции, разработкой которой ученый занимался на завершающем этапе своего творчества. Раскрываются система и основные понятия данной науки, изложенные Р. Штаммлером в фундаментальной работе «Theorie der Rechtswissenschaft» (1911). Анализируются проблемы систематического метода, положенного Штаммлером в основу науки о праве. Делается вывод, что основополагающие понятия юриспруденции не должны и не могут иметь априорный характер.

Ключевые слова: Штаммлер, неокантианство, систематический метод, теория права, чистое учение о праве, нормативизм.

Rudolf Stammler's Concept of Theoretical Jurisprudence

Shaveko Nikolay A.

Research Scientist of the Udmurt branch of the Institute of Philosophy and Law

of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences

Candidate of Legal Sciences

The article analyzes the idea of theoretical jurisprudence, proposed by R. Stammler, in the development of which the thinker was engaged at the final stage of his creativity. The system and the basic concepts of this science are described by R. Stammler in the fundamental work "Theoretical Reformation" (1911). The article analyzes problems of the systematic method, which was put by Stammler in the basis of the theoretical jurisprudence. It is concluded that the basic concepts of jurisprudence should not and can not be a priori.

Key words: Stammler, Neo-Kantianism, systematic method, theory of law, pure doctrine of law, normativism.

Рудольф Штаммлер — известный немецкий философ права, предложивший собственную оригинальную концепцию социального (правового) идеала как учения о должном, понятия права как сущего, а также систематической науки теоретической юриспруденции, лежащей в основе всякого познания права и правового идеала.

Систематический метод предполагает, что изучение правовых явлений изначально предполагает не выводимое из конкретных фактов объективно существующее понятие права. «Если бы мы не обладали в общем понятии прочно логической опорой, то мы никогда не могли бы генетически наблюдать смены стоящих рядом определений, как развитие одного и того же института»¹. Поэтому изучение правовых явле-

ний, данных в истории, предполагает изначальное понятие права, существующее в мышлении².

Понятие права, по Штаммлеру, выглядит так: право — это *ненарушимое самовластное социальное (связующее) воление*. Ненарушимость отличает право от произвола (право — это нормы, которые соблюдает в том числе и тот, от кого они исходят), а самовластность — от конвенциональных норм (право само определяет границы своего времени в пространстве, времени и по кругу лиц, независимо от чьего-либо согласия). Связующий характер разграничивает право и мораль, которая представляет

¹ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведе-ния. М., 1908. С. 133.

² Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. СПб., 1907. Т. 1. С. 7, 9, 10; Алексеев Н.Н. Социальная философия Рудольфа Штаммлера // Вопросы философии и психологии. 1909. № 1 (96). С. 15–17.

собой, по мысли автора, индивидуальное воление и указывает на то, что без права общество вообще не существует. Наконец, отнесение права к волею (которое противоположно восприятию) означает, что его нужно рассматривать посредством категорий цели и средства, а не причины и следствия.

Отстаивая возможность научной постановки вопроса о должном праве, Штаммлер различал первоначально два вида правоповедения: теоретическое и техническое. Первое исследует вопрос о том, «каким право должно быть?», а второе — «каким право фактически является в данных исторических условиях?»³. Ученый сетует, что современное ему правоповедение в лице позитивизма явно относится ко второму виду, что создает опасность превращения средства в цель⁴. Между тем техническое правоповедение способно познать смысл закона, но оно не способно судить о соответствии его социальному идеалу, то есть оценить его как надлежащее или ненадлежащее средство.

Взгляды ученого на сущность и задачи юридической науки были развиты в работе «Теория юриспруденции» (1911).

На вершине юриспруденции находится понятие права. Генеральным по отношению к нему является понятие воления и, в частности, социального воления. Юридическая наука имеет дело с правом как с ненарушимым самовластным социальным волением.

По мнению Штаммлера, из понятия права можно логически вывести чистые мыслетформы (*reine Denkformen*) юридической науки. Они представляют собой понятия, выступающие критерием, посредством которого опыт и расценивается нами как юридический. Использование чистых мыслетформ юриспруденции для упорядочивания эмпирии является методологической основой юридического мышления и теоретической юриспруденции как отдельной науки, построенной полностью на систематическом методе и эксплицирующей особенности юридического мышления.

Ученый справедливо отмечает, что чистые мыслетформы юриспруденции не даны нам от рождения: их априорность заключается совсем не в этом⁵. Ребенок не обладает понятием права, он познает его постепенно, но генетический процесс осмысления понятия права и основных категорий юриспруденции никак не влияет на их систематическую суть.

В юридической науке следует различать не зависящие от опыта направляющие чистые мыслетформы (например, категория субъекта права), которые сами выступают логической предпо-

сылкой юридического опыта, от обусловленных опытом понятий (например, понятия продавца). Таким образом, в науке о праве сосуществуют обуславливающее (безусловное) и обусловленное (условное); отделение одного от другого представляет собой задачу критической теории права. Позитивистская теория права представляется Штаммлеру необоснованно ограниченной и неполной, поскольку сосредоточена на юридическом опыте, но не задается вопросом о фундаментальных предпосылках этого опыта, ставя на место общезначимого научного метода субъективные максимы. Концентрация на обусловленной материи, по мнению ученого, вовсе не делает науку более объективной. Наука вообще представляется Штаммлеру, как стороннику Марбургской школы неокантианства, упорядочением опыта с помощью внеопытных категорий, и объективность науки зависит от того, познаны ли такие категории. Отсюда необходимость теоретической науки о праве.

На основании изложенного в юриспруденции ученый предлагает различать чистое учение о праве (*die reine Rechtslehre*), или теоретическую юриспруденцию, и общее учение о праве (*die gesamte Rechtslehre*)⁶.

Это разграничение особенно важно в связи с тем, что в литературе правовое учение Штаммлера иногда относят к нормативизму⁷. Такая классификация воззрений Штаммлера представляется обоснованной в том смысле, что немецкий ученый предпринял попытку вывести понятие права как специфичного (ненарушимого и самовластного) социального нормирования, не связанного непременно с понятием государства (по Штаммлеру, существует, в частности, церковное право).

Таким образом, ученый более чем за 20 лет до появления основного труда Г. Кельзена (1911 г. против 1934 г.) предложил свое собственное нормативистское «чистое учение о праве», под которым понимал систему априорных систематических мыслетформ, экспликация которых логически необходима для определения опыта как правового. Причем в отличие от Кельзена, замствовавшего у Штаммлера неокантианский методологический дуализм, Штаммлер считал возможным дать в рамках чистого учения о праве научный ответ на проблему справедливости.

В свою очередь «общее учение о праве», по Штаммлеру, предполагает изучение исторически данного права при использовании чистых

³ Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. S. 3–11.

⁴ Ibid. S. 4–6.

⁵ См., напр.: Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin; Leipzig, 1922. S. 5.

⁶ Stammler R. Theorie der Rechtswissenschaft. Halle, 1911. S. 27, 32.

⁷ Упоров И.В., Схатун Б.А. Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития. Краснодар, 2000. С. 34; Радько Т.Н. Теория государства и права в схемах и определениях. М., 2011. С. 16.

мыслеформ (по всей видимости, ученый имеет в виду здесь «техническую» юриспруденцию).

Р. Штаммлер разрабатывает закрытую систему центральных правовых категорий (мыслеформ). Ненарушимость права предполагает категории *правомерности* и *неправомерности*; самовластность выражается в категориях *правового верховенства* и *правовой подчиненности*; объединяющий характер права позволяет выделить *правовое основание* и *правовое отношение*; волеие же как таковое предполагает разграничение на *субъект* и *объект* права. С помощью этих восьми категорий мы оцениваем материю социальной жизни с точки зрения права. Субъект права, кого бы мы ни относили к нему на практике, есть по определению «самоцель», объект — это всегда только средство⁸. Правовое основание ученый определяет в качестве правового установления многих содержаний воли как средств к общим целям, а правовое отношение, по Штаммлеру, есть установление многих содержаний воли как средств друг по отношению к другу (это возможно только между субъектами права). Правовое верховенство характеризуется содержанием в самом себе своей причины; правовая подчиненность есть ориентирование воли на чужую волю, для которой она выступает лишь средством. Правомерность означает соответствие объединенного содержания воли правовому волеию; противоправность есть их противоречие⁹. Взаимосвязь перечисленных категорий образует так называемые основные понятия права. Так, например, категории субъекта и правомерности соединяются в понятие правомочия, а категории верховенства и противоправности порождают вместе понятие правового запрета и т. д. Всего Штаммлер выделяет 24 основных понятия права¹⁰:

Правовая связь (Rechtsbindung): правовое основание + субъект права,

Правовое действие (Rechtsleistung): правоотношение + субъект права,

Правовая возможность (Rechtsverfügung): правовое основание + объект права,

Правовое лишение (Rechtsausschliessung): правовое основание + объект права,

Правотворчество (Rechtssetzung): верховенство + субъект права,

Правопретворение (Rechtsausführung): подчиненность + субъект права,

Правовое сходство (Rechtsgemeinsamkeit): верховенство + объект права,

Правовое участие (Rechtsanteil): подчиненность + объект права,

Правовое первоначальное (Rechtsursprünglichkeit): верховенство + правовое основание,

Правовое производное (Rechtsabteilung): подчиненность + правовое основание,

Правовая целостность (Rechtsgesamtheit): верховенство + правоотношение,

Правовая особенность (Rechtssonderheit): подчиненность + правоотношение,

Правомочие (Rechtsbefugnis): правомерность + субъект права,

Вина (Rechtsschuld): противоправность + субъект права,

Обязанность (Rechtspflicht): правомерность + объект права,

Ущерб (Rechtsschaden): противоправность + объект права,

Юридическая сила (Rechtsgültigkeit): правомерность + правовое основание,

Юридическая ничтожность (Rechtsverneinung): противоправность + правовое основание,

Приобретение прав (Rechtserwerb): правомерность + правоотношение,

Потеря прав (Rechtsverlust): противоправность + правоотношение,

Предписание (Rechtsgebot): правомерность + верховенство,

Запрет (Rechtsverbot): противоправность + верховенство,

Соблюдение права (Rechtsforderung): правомерность + подчиненность,

Правонарушение (Rechtsweigerung): противоправность + подчиненность.

К сожалению, несмотря на то что, по мнению Штаммлера, каждая из указанных категорий заслуживает написания о ней монографии, сам он поясняет далеко не все из них, полагаясь на общую ясность сказанного.

К этим 24 основным понятиям права, продолжает ученый, присоединяются восемь понятий, отображающих правовую материю во времени, и еще восемь понятий, определяющих сравнение правовых содержаний друг с другом. Временные характеристики выражаются через парные понятия: начало — продолжение, статичность — изменчивость, постоянство — временность, отсрочка — отмена. Сравнительные характеристики выражаются также через парные понятия: простой — составной, определенный — условный, приоритетный — второстепенный, единый — различный¹¹.

⁸ Ю. Биндер высказывал недоумение ввиду такого употребления понятия «самоцель». По Канту, пишет автор, только человек является носителем нравственного закона, а потому обладает достоинством и называется самоцелью. У Штаммлера понятие «самоцель» становится тождественным понятию «носитель прав и обязанностей» (субъект права — это далеко не только физическое лицо, причем «самоцелью» он является по внешней правовой воле, а не ввиду внутренней нравственной ценности). См.: Binder J. Rechtsbegriff und Rechtsidee. Aalen: Scientia-Verlag, 1967 (Leipzig, 1915). S. 94–95.

⁹ Wielikowski G.A. Stammlers Rechtsphilosophie. München: Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1913. S. 42–48.

¹⁰ Stammler R. Theorie der Rechtswissenschaft... S. 222–223.

¹¹ Wielikowski G.A. Op. cit. S. 50; Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie... S. 240–241.

Все эти категории и понятия, по Штаммлеру, логически неизбежны для любой дискуссии о праве. Из них же вытекают основные задачи правоправедения, которые только и делают его возможным. Касаемо «воли» задачей является определение тех, кто будет субъектом (право-способным), и того, что мы называем объектом (правовым благом). Касаемо «связи» задачей является определение юридически значимого действия и вменяемости. Элемент «самовластности» ставит вопрос о том, кому будет принадлежать последнее слово в установлении права. Элемент «ненарушимости» поднимает вопрос о правовой защите (реализовать ее через штрафы или кровную месть и т. п.)¹².

Как обоснованно писали Великовский и Биндер, предложенные Штаммлером абстрактные категории на самом деле невозможны и невысказаны вне опыта, хотя и являются тем инструментом, с которым мы подходим к опыту, в итоге мы наблюдаем порочный круг. Можно было бы, пишет Великовский, вслед за Когеном считать, что априорные формы изначально содержатся в сознании, но это выводит нас на вечный философский вопрос: имеется ли нечто в сознании, чего не было бы в чувствах? Однако, даже если опыт окажется первичнее, чистота понятий критического метода представляется критике более приемлемой, чем поверхностный эмпиризм¹³. Биндер также отмечал важность ясного определения базовых понятий правоправедения, но пояснял, что для выполнения задачи обобщения и оформления опыта эти понятия вовсе не обязательно должны быть абсолютно «чистыми», то есть априорными, да и не могут быть таковыми¹⁴. Со своей стороны считаем необходимым заметить, что правовые категории являются условием именно правового, а не всякого опыта, поэтому решение проблемы могло бы состоять в видении опыта не как круга (порочного), а как спиралевидного движения (от опыта к правовым категориям, а от них — к правовому опыту). Представляется, что обоснование понятий путем полного отрыва от опыта действительно невозможно, так как в этом случае аналитика оборачивается догматизмом.

Нельзя не отметить, что вышеуказанные «основные понятия права», даже если признать их априорность, напрямую зависят от самого понятия права и обоснованы в той же мере,

в которой обосновано понятие права. Однако при обосновании понятия права особенности аргументации Штаммлера состоят в том, что он во всех направлениях прибегает к эмпирическим данным. Получается, что понятие права поставлено в зависимость от конкретных фактов, что прямо противоречит первоначальной задумке Штаммлера, согласно которой это понятие должно составлять именно логический, а не исторический *prius*¹⁵. При таких обстоятельствах изменение эмпирических данных должно было бы вести к совершенствованию формулировки *prius'a*, но это уже невозможно, так как соответствующие данные будут отбрасываться как не относящиеся к понятию. В связи с этим возникает проблема выработки способа совершенствования научного знания и непревращения науки в догматизм.

На основе выработанных чистых понятий права Штаммлер дает систематическое описание основных видов юридического мышления: конструирования, толкования и восполнения, систематизирования, умозаключения, оценки права. Все перечисленные виды юридического мышления, кроме последнего (оценки), не создают нового знания, а только упорядочивают имеющееся. Оценка касается проблемы правового идеала и предоставляет знание должного. Выявление общезначимых методов перечисленных видов юридического мышления образует предмет теоретической юриспруденции, а конкретное их претворение — деятельность практикующего юриста.

Юридическое конструирование ученый определяет как «научную переработку исторически данного содержания права»¹⁶, как методическое изучение юридических вопросов в четко установленных правовых понятиях¹⁷, как «разложение имеющегося синтеза содержания правовой воли на мыслимые составные части», то есть установление в них «обусловленной материи и того способа, которым она определяется формальным единством чистых основных понятий права»¹⁸, как раскрытие зависимости низших понятий от высших и связи отдельных правовых представлений (содержаний воления) друг с другом. Речь идет о том, как мы это понимаем, что каждое правовое понятие, будучи синтезом правовой воли, обусловленным конкретной материей социальной жизни, содержит в себе элементы некоторых вышестоящих понятий, связь которых и дана в этом понятии

¹² Wielikowski G.A. Op. cit. S. 51–52.

Штаммлер подчеркивает, что во всей этой системе не находится места понятию наказания, поскольку оно не является постоянным спутником права в качестве одной из априорных его категорий.

¹³ Ibid. S. 81–82.

¹⁴ Binder J. Op. cit. S. 22–23, 90.

Так, пишет критик, понятия сервитута или ипотеки, не будучи априорными, выполняют функцию формализации опыта так же успешно, как и понятие права, по Штаммлеру.

¹⁵ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории... С. 111. Собственно, именно к этой идее сводится вся критика Штаммлером «юридического эмпиризма»: понятие права не может быть выработано индуктивно, а должное не следует из сущего.

¹⁶ Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie... S. 252.

¹⁷ Stammler R. Theorie der Rechtswissenschaft... S. 336.

¹⁸ Ibid. S. 244, 352.

(синтезе), создаваемом на основе чистых мыслеформ права. Юридическое конструирование, таким образом, представляет собой учение о созидаании и осмыслении правовых понятий общезначимым методом. При этом правовых явлений не существует вне правовых понятий и наоборот.

Штаммлер утверждает четыре принципа (*Lehrsätze*) юридического конструирования: «1) в любом правовом вопросе необходимо установить, кто согласно данному правовому волеию считается самоцелью, а что лишь средством; 2) необходимо рассмотреть все право в отдельных связях, в которых многие содержания волеий определяются правовой волей как средства друг для друга; 3) содержания правовых устремлений подчинены как средства и цели друг для друга правовой воле, носящей в себе собственное основание; 4) движения правовой жизни необходимо рассматривать как изменения правового целеполагания»¹⁹.

Правовое понятие, пишет Штаммлер, есть один из видов телеологических (связанных с науками о целях, а не с естественными науками) понятий и представляет собой «единое определение правовой воли» через три взаимосвязанных действия: наблюдение окружающих явлений, их сравнение и, наконец, соединение посредством чистых основных понятий права. Эти три действия не существуют одно без другого и являются логически необходимыми для построения понятий.

Эмпирически обусловленные юридические понятия, конструирующиеся с учетом безусловных чистых мыслеформ права, численно не ограничены и выстраиваются в определенную иерархию, которую можно представить в виде концентрических кругов, так что общее (высшее) понятие включает ряд специальных (низших) и обуславливает их (именно целое обуславливает часть, а не наоборот). Например, обязательственные договорные отношения включают куплю-продажу, наем, дарение и пр. Каждое понятие характеризуется содержанием (выражает особенное правовой воли) и объемом (выражает общее правовой воли), так что чем больше содержание понятия, тем меньше его объем и наоборот.

От правовых понятий следует отличать правоположения (*Rechtssätze*), которые ученый определяет как гипотетические суждения (*Urteil*). Точно так же как в логике соотносятся понятие и суждение, в юриспруденции соотносятся правовое понятие и правоположение. Они обращены к одной и той же материи и различаются по специфике содержания, точнее, по способу использования. Содержанием правоположения является взаимосвязь различных частей правовой воли. Каждое правовое понятие

предполагает некоторое правоположение и реализуется в нем. Правоположение — это не просто мозаика из правовых понятий, скорее, каждое правоположение может быть рассмотрено как понятие, а каждое понятие развернуто в правоположение.

Штаммлер отрицает традиционное деление правоположений на управомочивающие, запрещающие и обязывающие, отмечая, что в силу основных понятий права верховное установление может содержать лишь запрет или предписание, но не правомочие. По мнению ученого, количество видов правоположений зависит от количества основных понятий права.

Учение о понятиях, правоположениях и конструировании права Штаммлер называет *методикой права*²⁰. Другим важным разделом теоретической юриспруденции является учение о *технике права*, под которым Штаммлер понимает науку о выражении права, то есть о «способе, которым правовая воля выступает вовне, желая стать понятной и познаваемой»²¹. Таким способом, по мнению ученого, является правоположение. Поскольку право представляет собой связующую волю, ключевыми категориями для описания выражения права являются правовое основание и правовое отношение. В конкретных правоположениях эти категории преобразуются в понятия предпосылки и следствия²². Таким образом, у каждого правоположения имеются предпосылка и следствие. Штаммлер определяет их следующим образом: предпосылка есть указание на изменение существующего целеполагания (юридический факт), в связи с которым требуются новые средства, а следствие представляет собой соответствующее изменение правоотношения, выступающая средством для достижения новой цели²³. По всей видимости, ученый имеет в виду нечто близкое гипотезе и диспозиции правовой нормы. Язык предлагает нам различные способы выражения правовой воли, и мы должны выбрать те, которые согласуются с основными понятиями права и принципами юридического конструирования. В случае неясности содержания или объема правоположения осуществляются соответственно толкование и восполнение.

Говоря о толковании права, Штаммлер утверждает, что должен существовать единый общезначимый способ толкования права. Толкование применимо только к «формально определенному» (*geformtes*) праву, то есть к такому, которое имеет четко установленные предпосылки и следствия, и не применимо к «краткому» праву (Штаммлер употребляет здесь

¹⁹ Ibid. S. 357.

²⁰ Подробнее о методике права см.: Ibid. S. 263–363.

²¹ Ibid. S. 563.

²² Ibid. S. 566.

²³ Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie... S. 258–259.

термин «auszuwählendes» (диспозитивный), который, очевидно, равнозначен ранее использованному им же термину «gelindes» (кроткий, мягкий), — реализация «кротких» правоположений происходит не через толкование, а через юридические умозаключения, ориентированные на идею правильного права). Суть толкования состоит в познании духа закона, какой бы ни была его буква. Сами по себе способы выражения духа закона (например, правила языка), будучи его формой, не могут ничего достоверно утверждать о его содержании, хотя и помогают его выяснить. Любые способы толкования могут рассматриваться лишь как относительно пригодные средства постижения подлинного смысла закона (его цели, поскольку воление есть сообщение цели). Безусловно, воля закона не может отождествляться с волей конкретных законодателей: текст существует совершенно независимо от его создателя. Поэтому нам не следует задаваться вопросами: как разрешил бы сам законодатель, установивший неясную норму права, конкретное дело и как бы он применил указанную норму в этом деле?

Толкование права осуществляется, когда неясен один из двух элементов правоположения: предпосылка или следствие. Единный общезначимый метод толкования состоит в гармонизации целей и средств для конкретной ситуации. Например, если нам известны только следствия нормы права (диспозиция), но не известны ее предпосылки (гипотеза), то мы должны задать себе вопрос: для какой цели такое регулирование является наилучшим? В противоположной ситуации, при неясности, мы должны спросить себя: какие средства в данном случае являются наилучшими для установленной цели? Если же неясны ни предпосылка, ни следствие нормы права, то нужно обратить внимание на то, что все законодательство представляет собой единую систему взаимоупорядоченных целей и средств, поэтому толкование может осуществляться путем обращения к вышестоящим правоположениям. На самой вершине находится общезначимая цель права — «чистое общество» (общество свободновольных людей), поэтому в случае крайней неясности нормы при ее толковании нужно обращаться к самой идее права. Таким образом, процедуру толкования права Штаммлер объясняет целиком через ранее разработанные им категории цели и средства, предпосылку и последствий, правового основания и правоотношения и тем самым раскрывает общезначимый метод толкования права.

Особого внимания заслуживает у ученого вопрос восполнения формально определенного права через два связанных процесса: юридическую индукцию и заключение по аналогии. Юридическую индукцию ученый определяет как обобщение специального содержания права, то есть поиск вышестоящего и видообразующего правоположения на основании знания исполь-

зуемых чистых мыслеформ права. Юридическая индукция раскрывает тождественность понятий. Заключение по аналогии, в свою очередь, опираясь на юридическую индукцию²⁴, предполагает применение схожих специальных правоположений, при этом под схожестью понимается частичная тождественность предпосылок (выражающаяся в однообразном использовании в них одних и тех же чистых мыслеформ права). На основании схожести предпосылок выводится схожесть следствий тех или иных правоположений²⁵. Штаммлер утверждает, что задача теоретической юриспруденции — установление единых методов этих мыслительных процессов.

От конструирования, толкования и восполнения правовых понятий и правоположений, пишет ученый далее, следует отличать юридическое умозаключение (*практику права*), которое представляет собой логическую операцию по квалификации частного случая на основе общих норм права. Главное правило юридического умозаключения (квалификации) состоит в том, чтобы принимать во внимание в отношении следствий то, что принималось во внимание в предпосылках.

По Штаммлеру, существует опосредованное и непосредственное умозаключение. Опосредованное умозаключение представляет собой классический силлогизм на основе правоположений (например: А относится к Б, в свою очередь, у любого Б есть В, следовательно, у А есть В). Определение большей (суждения, т. е. правоположения) и меньшей (правового явления) посылок осуществляется с учетом методики и техники права. Большая посылка требует правильного установления объема правоположения. Меньшая посылка по сравнению с ней менее объемна, но более содержательна. Предикат меньшей посылки должен соответствовать предпосылке большей посылки. После четкого установления посылки происходит собственно умозаключение.

Непосредственное умозаключение означает выведение правовых последствий из одного правоположения. В непосредственном умозаключении, пишет Штаммлер, меньшая посылка не имеет самостоятельного значения и только повторяет содержание большей посылки применительно к конкретному случаю. Речь идет об «умолчании права» или так называемом кротком праве (сформулированном при использовании оценочных понятий, таких как «добрые нравы», «справедливость», «разумность», «уважительность» и т. п.), при реализации которого частный случай истолковывается на основе идеи правильного права.

Таким образом, опосредованное умозаключение применяется к формально опреде-

²⁴ Ibid. S. 270.

²⁵ Подробнее о технике права см.: Stammler R. Theorie der Rechtswissenschaft... S. 459–652.

ленному (geformtes) праву, а непосредственное умозаключение — к кроткому (gelindes, auszuwählendes) праву²⁶.

Наконец, Штаммлер указывает, что деление права по отраслям носит практический характер, но помимо него существует деление права, основанное исключительно на чистых мысленных формах права, а именно деление права на:

1) личное (связанное с субъектом) и вещное (связанное с объектом) право;

2) общее (указывающее на правовые основания) и особенное (указывающее на правоотношения) право (с учетом этого деления в кодексах выделяют обычно общую и особенную части);

3) объективное (исходящее от суверена) и субъективное (исходящее от подчиненного) право;

4) материальное (устанавливающее незыблемые правила) и процессуальное (обеспечивающее эту незыблемость) право²⁷.

Таким образом, Р. Штаммлер заложил основы теоретической юриспруденции и разработал целый ряд фундаментальных юридических категорий. Следует отметить, однако, что новое здание Штаммлер начал возводить на весьма зыбком фундаменте — дискуссионном понятии права. Дискуссионной является сама попытка экстраполировать поиск априорной правовой идеи на понятие права²⁸. Биндер пишет о Штаммлере, что «его чистое учение о праве в действительности только всеобщая, но позитивная теория права»²⁹. Теория права Штаммлера оказывается, по сути, догматичной. Вероятно, именно поэтому идея систематической теории права не нашла отклика в научном сообществе. Верно констатировал Г. Радбрух: «Мысль о едином каталоге правовых категорий (Kategorientafel), то есть о таблице симметричных (соотносящихся друг с другом) априорных правовых понятий... нереализуема»³⁰.

²⁶ Подробнее о практике права см.: Ibid. S. 653–750.

²⁷ Подробнее о системе права см.: Ibid. S. 364–436 ; Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie... S. 273–274.

²⁸ Binder J. Op. cit. S. 93.

²⁹ Ibid. 98.

³⁰ Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 48.

Литература

1. Алексеев Н.Н. Социальная философия Рудольфа Штаммлера / Н.Н. Алексеев // Вопросы философии и психологии. 1909. № 1 (96). 283 с.
2. Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. М., 2004. 240 с.
3. Радько Т.Н. Теория государства и права в схемах и определениях / Т.Н. Радько. М., 2011. 176 с.
4. Упоров И.В. Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития / И.В. Упоров, Б.А. Схатум. Краснодар, 2000. 146 с.
5. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения / Р. Штаммлер. М., 1908. 147 с.
6. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории правоведения / Р. Штаммлер. СПб., 1907. Т. 1. 347 с.
7. Binder J. Rechtsbegriff und Rechtsidee / J. Binder. Aalen : Scientia-Verlag, 1967 (Leipzig, 1915). 316 s.
8. Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte / R. Stammler. Berlin, 1902. 627 s.
9. Stammler R. Theorie der Rechtswissenschaft / R. Stammler. Halle, 1911. 851s.
10. Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie / R. Stammler. Berlin ; Leipzig, 1922. 392 s.
11. Wielikowski G.A. Stammer's Rechtsphilosophie / G.A. Wielikowski. München : Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1913. 102 s.

References

1. Alekseev N.N. Sotsial'naya filosofiya Rudol'fa Shtammlera [Rudolf Stammler's Social Philosophy] / N.N. Alekseev // Voprosy filosofii i psikhologii — Issues of Philosophy and Psychology. 1909. № 1 (96). 283 s.
2. Binder J. Rechtsbegriff und Rechtsidee / J. Binder. Aalen : Scientia-Verlag, 1967 (Leipzig, 1915). 316 s.
3. Radbruch G. Filosofiya prava [Legal Philosophy] / G. Radbruch. Moskva — Moscow, 2004. 240 s.
4. Radko T.N. Teoriya gosudarstva i prava v skhemakh i opredeleniyakh [Theory of State and Law in Charts and Definitions] / T.N. Radko. Moskva — Moscow, 2011. 176 s.
5. Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte / R. Stammler. Berlin, 1902. 627 s.
6. Stammler R. Khozyajstvo i pravo s tochki zreniya materialisticheskogo ponimaniya istorii pravovedeniya [Economy and Law According to the Materialist Conception of History] / R. Stammler. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1907. Vol. 1. 347 s.
7. Stammler R. Lehrbuch der Rechtsphilosophie / R. Stammler. Berlin ; Leipzig, 1922. 392 s.
8. Stammler R. Sushchnost' i zadachi prava i pravovedeniya [The Essence and Tasks of Law and Legal Science] / R. Stammler. Moskva — Moscow, 1908. 147 s.
9. Stammler R. Theorie der Rechtswissenschaft / R. Stammler. Halle, 1911. 851 s.
10. Uporov I.V. Estestvennoe i pozitivnoe pravo: ponyatie, istoriya, tendentsii i perspektivy razvitiya [Natural and Positive Law: Notion, History, Development Tendencies and Prospects] / I.V. Uporov, B.A. Skhatum. Krasnodar — Krasnodar, 2000. 146 s.
11. Wielikowski G.A. Stammer's Rechtsphilosophie / G.A. Wielikowski. München : Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1913. 102 s.

Теория юридического позитивизма: философско-методологический и идеологический аспекты

Бредихин Алексей Леонидович,
старший преподаватель кафедры
конституционного и административного права
Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
кандидат юридических наук
axel_b@mail.ru

Руденко Дмитрий Александрович,
главный специалист-юриисконсульт АО «Тандер», соискатель
alfabet81@mail.ru

В статье авторы анализируют доктрину юридического позитивизма, его философско-методологический и идеологические аспекты, определяют соотношение юридического позитивизма с философским позитивизмом и позитивистской теорией права.

Ключевые слова: позитивизм, идеология, юридический позитивизм, социологический позитивизм, философский позитивизм.

Legal Positivism Theory: Philosophical, Methodological and Ideological Aspects

Bredikhin Aleksey L.
Senior Lecturer of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Saint Petersburg branch of the National Research University "Higher School of Economics"
Candidate of Legal Sciences

Rudenko Dmitry A.
Chief Lawyer at Tander, JSC
Degree-Seeking Student

In article authors analyze the doctrine of legal positivism, its philosophical and methodological and ideological aspects, define a ratio of legal positivism with philosophical positivism and the positivistic theory of the right.

Key words: positivism, ideology, legal positivism, sociological positivism, philosophical positivism.

Юридический позитивизм как теория, основывающаяся формально-догматическую юриспруденцию, возникла в период укрепления в обществе позиций буржуазии, в период, когда создавались развитые буржуазные системы права.

Впервые юридический позитивизм сложился в Англии. Его непосредственным основателем и главным представителем был Джон Остин (1790–1859), усилиями которого в 30–40-х гг. XIX в. было положено начало так называемой аналитической юриспруденции, занявшей до-

минирующее положение в англосаксонской правовой системе. Со второй половины XIX в. юридический позитивизм постепенно распространяется и в Европе, в частности, в Германии 1850–1860-х гг. юридический позитивизм завоевывает позиции как в гражданском (Б. Виндшайд), так и в государственном праве (И. Гербер).

В России свое становление юридический позитивизм начинает с конца 60-х гг. XIX в. В 1868 г. увидели свет две работы: «Теория права (юридическая догматика)» М.Н. Капустина и

«Очерки юридической энциклопедии» Н.К. Ренненкампа. Наибольшей глубиной и самостоятельностью отличалась работа М.Н. Капустина, в которой вперемежку с некоторыми идеями исторической школы права автор в духе формально-догматической юриспруденции и юридического позитивизма стремился построить общее учение о праве как «юридическую догматику», «догму права» преимущественно на основе догмы гражданского права. Общая догма права, по его мнению, должна иметь своим содержанием «систематическое изложение основных юридических понятий»¹.

В 1882 г. выходит фундаментальная для юридического позитивизма в России работа «О современном движении в науке права»². Ее автором был Семен Викентьевич Пахман.

Пришедший к нам из Европы на волне усиления влияния буржуазии на государственные процессы юридической позитивизм, благодаря таким ученым, как Г.Ф. Шершеневич, Д.Д. Гримм, Н.И. Палиенко, А. Рождественский и другие, с начала 80-х гг. XIX в. являлся в России господствующим направлением в общей теории права и в отраслевых юридических дисциплинах, особенно и в первую очередь в цивилистике.

Правильное осмысление места и роли юридического позитивизма в развитии буржуазной юриспруденции зависит от уяснения его философско-методологических, мировоззренческих и идеологических ориентаций. Однако именно этот аспект не получил однозначной интерпретации в научной литературе. Разногласия имеют место прежде всего в трактовке понятия «позитивность».

Позитивизм как особое течение современной буржуазной философии возник в 30–40-х гг. XIX в. и развивался в условиях промышленного переворота, когда резко возрос интерес к научно-техническим знаниям и поразительные успехи делали теоретические и прикладные естественные науки (физика, биология), а также происходило становление и развитие таких гуманитарных наук, как социология, психология и др. Кроме того, западноевропейская буржуазия одержала не только экономическую, но и политическую победу, стала господствующим классом.

В познавательно-методологическом аспекте буржуазная теория права второй половины XIX столетия развивалась преимущественно на основе позитивизма, который вытеснил спекулятивно-метафизическую философию.

Позитивизм отрицает теоретическую спекуляцию, умозрение как средство получения знаний; единственным источником знаний он

объявляет конкретные (эмпирические) науки и полагает, что у философии нет самостоятельного, отдельного от конкретных наук предмета исследования; задачу научного исследования он видит в описании явлений, а не в объяснении их (исследование их сущности, причинных связей и т. п. — все это исключается из поля зрения науки); наука, с точки зрения позитивистов, отвечает на вопрос «как», а не на вопрос «почему».

На основе философии позитивизма в рамках позитивистской теории права второй половины XIX — начала XX вв. сложились два направления: первое — юридический позитивизм, или аналитическая юриспруденция, как один из теоретических способов обоснования формально-догматического метода, одна из разновидностей формально-догматической теории права; второе — социологический позитивизм — непосредственный предшественник буржуазной социологии права XX в.

Юридический позитивизм в узком смысле слова, или аналитическая юриспруденция, продолжая традиции юридического мировоззрения буржуазии, стремился рассматривать право как самодовлеющую форму в отрыве от содержания. Юридический позитивизм явился одним из теоретических выражений формально-догматической юриспруденции, формально-догматического метода. Применяя философию позитивизма, юридический позитивизм свел наблюдаемые явления к текстам источников права, преимущественно закона, и ограничил юридическую науку догмой права, а именно описанием, обобщением, систематизацией и классификацией нормативных предписаний законодателя и выработкой на основе этого соответствующих юридических понятий и конструкций. Из проблематики юридической науки как таковой были исключены не только сущностные и аксиологические аспекты права (общая черта всей позитивистской юриспруденции), но и социальная обусловленность права, его возникновение, структура и функционирование в общем потоке социальных взаимосвязей и отношений.

Социологический позитивизм не ограничивался догмой права, но, в отличие от юридического позитивизма, считал ее вспомогательной, чисто технической частью теории права, стремился понять право в связи с его содержанием, т. е. прежде всего выработать социологическое понятие права, а также поставить и решить проблему возникновения и функционирования права («динамика» права) во взаимосвязи с другими многообразными фактами, отношениями и т. п. Здесь была применена та же позитивистская методология и теория познания. Однако право было истолковано уже не формально-догматически как абстрактная система нормативных предписаний суверенной власти государства, а как один из взаимосвязанных социальных фактов, как широкая социальная структура, социальный порядок в контексте других фактов-явлений.

¹ Капустин М.Н. Теория права. Общая догматика. М., 1868. С. 13, 18.

² Пахман С.В. О современном движении в науке права. СПб., 1882. С. 1–68.

Юридический позитивизм взял у философского позитивизма теорию познания и отбросил его социологические идеи. Напротив, социологический позитивизм ориентировался на позитивистскую социологию в ее вульгарно-биологической, социал-дарвинистской, натуралистической и психологической разновидностях. В рамках этого направления развивалось также историко-сравнительное правоведение, компаративистская теория права.

Многие буржуазные исследователи предлагают иную классификацию позитивистских концепций права.

Так, В. Фридмен выделяет в позитивистской теории права следующие направления: 1) аналитическую юриспруденцию (в качестве метода доминирует формальная логика); 2) утилитаризм, эволюционизм, биологизм; 3) «экономизм (марксизм)»; 4) солидаризм (дюгизм); 5) социально-психологическую школу («реалисты»); 6) этнографическую теорию права и компаративизм³.

М.Э. Майер насчитывает четыре разновидности позитивизма в праве: «абстрактно-обобщающий» (соответствует аналитической юриспруденции и юридическому позитивизму), социологический, психологический и исторический⁴.

Э. Вольф различает позитивизм «логический», исторический и натуралистическо-социологический⁵.

На наш взгляд, неверно выделять натуралистический, исторический, биологический и т. п. позитивизм наряду с социологическим и юридическим. Правильнее было бы говорить о двух направлениях теории права, основанной на философии позитивизма, о двух направлениях позитивистской теории права: юридическом и социологическом позитивизме, поскольку речь идет о классификации не позитивистской социологии, а позитивистской теории права. В противоположность юридической догматике натуралистический и психологический позитивизм ориентируются на «социологическое», т. е. неформалистическое понятие права, и, следовательно, входят в социологический позитивизм как его разновидности, или варианты.

В данном случае должен быть применен специфический именно для теории права критерий классификации: рассматривается ли право как «факт-явление» формально-догматически, в отрыве от прочих явлений социальной действительности или же, напротив, оно берется как социальный факт в контексте других явлений.

Что касается историко-сравнительного изучения права, то это скорее метод, нежели общая теория права, опирающаяся на особое, отличное от социологического, понятие права. Историко-сравнительное исследование права как метода изучения ориентируется на одно из социологических понятий права и в этом смысле не может быть поставлено в один ряд с натуралистическим и психологическим вариантами социолого-позитивистского понятия права и социологического позитивизма.

В данном случае примечательно мнение В.Д. Зорькина: «Юридический позитивизм не следует отождествлять со всей позитивистской теорией права, или позитивизмом в праве, второй половины XIX в. Юридический позитивизм представляет собой лишь один из ее вариантов, или тенденций, а именно один из способов теоретического обоснования формально-догматического подхода к праву, формально-догматической теории права с помощью философии позитивизма»⁶.

Юридический позитивизм не сводится к формально-догматическому методу, к формально-догматическим приемам обработки права, он выливается в определенную теорию права, в которой важнейшие правовые понятия обоснованы с позиций философии позитивизма в преломлении через формально-догматическое мышление и юридическое мировоззрение.

Юридический позитивизм есть лишь один из конкретно-исторических вариантов формально-догматической теории права. Формализм означает здесь, что исследуемые явления воспринимаются догматически и сводятся к текстам закона, к текстам источников права, к нормативным суждениям законодателя в отрыве от их реального содержания, социальной обусловленности, социального контекста, социальной структуры, социального функционирования. В результате получается абстрактная система понятий или, по выражению Р. Иеринга, «юриспруденция понятий», из которой элиминируются сущностные и социологические аспекты права. Действующее право воспринимается в этой теории некритически, на веру, т. е. именно догматически. Оно воспринимается как позитивный очевидный факт, не нуждающийся в каком-либо оправдании. Тем самым понятие права, понятие позитивности, установленности права получает свое подкрепление в основных принципах философии позитивизма.

К типичным представителям юридического позитивизма исследователи единодушно относят Дж. Остину, Ш. Амоса, К. Гербера, П. Лабанда, Г.Ф. Шершеневича. Но именно у этих правоведов ярко выражена формально-догматическая трактовка права. Поэтому следовало бы сохранить название «юридический позитивизм»

³ Friedmann W. *Legal Theory*. 4th ed. London, 1960. P. 255–256.

⁴ Mayer M.S. *Rechtsphilosophie*. 3 Aufl. Berlin, 1933. S. 16.

⁵ Wolf E. *Grosse Rechtsdenker der deutschen Geistesgeschichte*. 4 Aufl. Tubingen, 1963. S. 627, 660.

⁶ Зорькин В.Д. *Позитивистская теория права в России*. М., 1978. С. 17.

именно за этим направлением позитивистской теории права, которое, в отличие от социологического позитивизма, ориентируется на формально-догматическое понятие права («путь к логике правовых конструкций», «аналитический позитивизм», «формалистический позитивизм» и т. д.). Иными словами, юридический позитивизм и социологический позитивизм являются двумя самостоятельными направлениями того течения буржуазной теории права, которое базируется на принципах философии позитивизма. В таком случае «путь к натурализму» (юриспруденция интересов, доктрины Дж. Грея, Дж. Салмонда, частично, по крайней мере в области понятия права, Н.М. Коркунова и др.) должен рассматриваться как предшественник социологической юриспруденции новейшего времени, поскольку он исключал формалистическое понятие права, ограничение общей теории права так называемой догмой права и стремился выработать социологическое понятие права.

Юридический позитивизм, бесспорно, связан с понятием «позитивности», «установленности» права, отрицающим естественное право. Сама теоретическая трактовка «позитивности», равно как и формально-догматического подхода, уходит корнями в определенную философию, выражена как ориентирующаяся на определенную философию и конкретизирующая эту философию применительно к учению о праве система теоретических категорий и понятий, иначе это будет не теория, а лишь конкретно-исторический политико-правовой взгляд. Как только встает вопрос о способе обоснования «позитивности» права, о самом понятии права, то прежде всего обнаруживается выход на ту или другую философию.

Как верно отмечал Г.Ф. Шершеневич: «Среди юридических наук философия права призвана играть в миниатюре ту же роль, какая выпала на долю философии в отношении всего человеческого знания»⁷.

Деидеологизация юридической науки, отрицание самостоятельного предмета философии и общей теории права, формалистическое понятие права и т. п. — все это не может быть обосновано лишь ссылкой на «позитивность» права. Напротив, сама эта «позитивность» истолковывается в определенных теоретических (философско-теоретических) рамках и тем самым оказывается не просто конкретно-историческим политико-правовым взглядом или технико-прикладным, идеологически нейтральным способом обработки правового материала, а именно политико-правовой теорией, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе определенным способом обоснования (в данном случае косвенным оправданием) кон-

кретно-исторических политических и правовых взглядов и учреждений.

Итак, анализ непосредственной связи юридического позитивизма с позитивистской философией является необходимым условием исследования понятийного аппарата, основных черт, познавательных и идеологических функций данной теории права. Это возможно сделать только в том случае, если понимать юридический позитивизм как формально-догматическую теорию права, основанную на философии позитивизма.

Развитие буржуазного по духу законодательства в России (реформы 60–70-х гг. XIX в.) создавало практическую почву для интенсивной разработки догмы права. Спекулятивно-метафизическая философия права с ее дедуктивным априорным методом не годилась для эмпирического обобщения, классификации и систематизации, т. е. главных догматических приемов. Первичная научная обработка юридического материала, непосредственно выходящая на юридическую практику, могла успешно развиваться лишь при создании относительно развитой догмы, отвечающей новым условиям развития законодательства.

Юридическая догма создавала приемы формально-логической обработки нормативного (законодательного) материала и его совершенствования в рамках заданной политической программы (в России — курс на постепенную дальнейшую капиталистическую трансформацию правового строя, намеченную в буржуазных реформах 1860–1870-х гг.). Именно этот курс законодательства воспринимался в качестве догмы правоведами западной буржуазно-либеральной ориентации. Способы толкования норм служили для разъяснения их смысла. Но, кроме того, необходимо было упростить, упорядочить и преобразовать весь нормативный материал в единую систему. Эту задачу прежде всего и преследовала юридическая догматика.

Важнейшими элементами догматического процесса и, следовательно, задачами юридической догматики, как они представлялись Р. Иерингу и его последователям в России, являются описание (подготовительная стадия), обобщение и установление юридических принципов, юридические определения, классификация и систематизация, создание юридических конструкций.

Юрист-догматик не выходит за рамки формально-логической обработки нормативного материала (описание, обобщение, дефиниция, классификация, систематизация). Догматик берет существующий юридический материал в качестве непреложного эмпирического факта, он не создает новых законов и норм, не ставит вопрос о целесообразности существующих норм, а занимается формально-логической обработкой существующего законодательства, т. е. воспринимает существующие нормы именно как догму.

⁷ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. Вып. 1. С. 19.

На основе этого юрист-догматик имеет дело в дальнейшем уже не столько с живым, действующим правом, сколько с препарированными в догматическую систему понятиями. Каждый возникший практический случай подводится под какое-либо юридическое понятие, входящее в формально-догматическую систему понятий, принципов и положений, и тогда остается только применить те принципы и правила, которые приурочены к этому понятию в догматической системе.

Без формально-догматической обработки права юриспруденция не может обойтись. Но когда эта первичная и вспомогательная научная задача превращается в самоцель и единственное занятие юриспруденции, тогда последняя отделяет себя глухой стеной от живого права, от прогрессивного развития и превращается в средство консервации и апологии существующего, даже если это существующее изжило себя. Применительно к конкретно-историческим условиям России это была апология и догматизация пробуржуазного законодательства и всего политико-правового строя, делавшего первые шаги по капиталистическому пути. С этой точки зрения юридический позитивизм в конечном счете выражал позиции либеральной буржуазии.

В качестве «социологического», точнее метаюридического, момента понятия права юридический позитивизм берет государство. Государство в этой теории есть источник и творец права. Подобно тому как в религиозных теориях бог является первоначалом, источником миро-

здания, так и в юридическом позитивизме право, понимаемое формалистически и в отрыве от его социального содержания и социальной обусловленности, все же нуждается в метаюридическом первотолчке, в государстве.

Допущение метаюридических моментов в понятие права свидетельствовало о непоследовательности, несовершенстве и противоречивости методологии юридического позитивизма. Последний, как было показано, понимал право как волеизъявление компетентной суверенной власти без объяснения того, откуда происходит эта компетенция и, следовательно, значимость юридических норм. Ответ на этот вопрос буржуазная юриспруденция искала или в социологии права (признание социальной обусловленности права, отказ от формализма и догматизма, рассмотрение права в связи с его содержанием и в контексте социальной жизни), или в метафизических, естественно-правовых теориях, в положениях о философском праве, о надпозитивном, идеальном праве, идее права: неогегельянстве (Б.Н. Чичерин, Т.Х. Грин), неокантианстве (Б.А. Кистяковский, Г. Радбрух), феноменологизме (Н.Н. Алексеев, А. Раинах, Г. Гуссерль, Р. Циппелиус).

Таким образом, позиция представителей юридического позитивизма, признававших лишь право, исходящее от государства, право положительное (позитивное), свидетельствует о наивысшей степени зависимости правопонимания от политической идеологии в силу того, что в общественной жизни нет ничего более идеологизированного, нежели воля государства.

Литература

1. Капустин М.Н. Теория права. Общая догматика / М.Н. Капустин. М. : Катков и К°, 1868. 352 с.
2. Пахман С.В. О современном движении в науке права / С.В. Пахман // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. 3. С. 1–68.
3. Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России / В.Д. Зорькин. М. : Издательство Московского университета, 1978. 270 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1911. 698 с.
5. Friedmann W. Legal Theory / W. Friedmann ; 4th ed. London, 1960. 248 p.
6. Mayer M.S. Rechtsphilosophie / M.S. Mayer ; 3 Aufl. Berlin, 1933. 487 s.
7. Wolf E. Grosse Rechtsdenker der deutschen Geistgeschichte / E. Wolf ; 4 Aufl. Tubingen, 1963. 660 s.

References

1. Friedmann W. Legal Theory / W. Friedmann ; 4th ed. London, 1960. 248 p.
2. Kapustin M.N. Teoriya prava. Obshchaya dogmatika [Law Theory. General Dogmatics] / M.N. Kapustin. Moskva : Katkov i K°— Moscow : Katkov and Co, 1868. 352 s.
3. Mayer M.S. Rechtsphilosophie / M.S. Mayer ; 3 Aufl. Berlin, 1933. 487 s.
4. Pakhman S.V. O sovremennom dvizhenii v nauke prava [On the Contemporary Movement in the Law Science] / S.V. Pakhman // Zhurnal grazhdanskogo i ugovornogo prava — Civil and Criminal Law Journal. 1882. Book 3. S. 1–68.
5. Shershenevich G.F. Obshchaya teoriya prava [General Law Theory] / G.F. Shershenevich. Moskva : Izd. Br. Bashmakovykh — Moscow : Publishing house of the Bashmakovy Brothers, 1911. 698 s.
6. Wolf E. Grosse Rechtsdenker der deutschen Geistgeschichte / E. Wolf ; 4 Aufl. Tubingen, 1963. 660 s.
7. Zorkin V.D. Pozitivistskaya teoriya prava v Rossii [Positivism Law Theory in Russia] / V.D. Zorkin. Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta — Moscow : Publishing house of the Moscow University, 1978. 270 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2017-23-15-19

Институт медиации в контексте архаизации общества*

Козюк Михаил Николаевич,

доцент кафедры теории и истории права и государства

Волгоградского института управления — филиала

Российской академии народного хозяйства и

государственной службы при Президенте Российской Федерации,

кандидат юридических наук

mkozuk@yandex.ru

Поскольку посредничество в примирении является древнейшей социальной технологией, то есть основания для постановки вопроса о связи развития института медиации с процессами архаизации в современном обществе. Данная проблема имеет большое методологическое значение, поскольку отсутствие осмысления этих процессов на практике блокирует развитие этой гуманитарной технологии. Автор подвергает критике тот путь, который был избран в стране для развития медиации, считая его тупиковым. При этом ключевой проблемой для него является вопрос о соотношении медиации как правового и социального института.

Ключевые слова: *архаизация, конфликтность, посредничество в примирении (медиация), социально-правовой институт, национальный менталитет.*

Mediation Institution against the Background of Society Archaization

Kozyuk Mikhail N.

Assistant Professor of the Department of Theory and History of Law and State

of the Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration

Candidate of Legal Sciences

Since mediation conciliation is the oldest social technology, there is every reason for raising the question about communication development Institute of mediation arhaizacii processes in modern society. This problem has a great methodological significance because the lack of understanding of these processes in practice blocks development of this humanitarian technology. The author criticizes the way, who was elected in the country for the development of mediation, believing it to be a dead-end. When you do this, the key issue is the question of the relationship of mediation as a legal and social institution.

Key words: *arhaizacija, conflict, mediation conciliation (mediation), the socio-legal institution, the national mentality.*

В философских работах посвященных анализу состояния социальных отношений в современном обществе, очень часто используется концепт архаизации. Причем эта тенденция прослеживается на всех уровнях социальной жизни, как на межличностных, так и на групповых и массовых. Как пишет Л.В. Карнаушенко, «достаточно актуальной гносеологической проблемой применительно к современному российскому обществу выступает архаизация значимых элементов социального пространства. Процесс архаизации затрагивает основные со-

циальные институты и подсистемы, в том числе оказывает влияние на систему духовной, социокультурной регуляции обществом»¹.

Что же такое архаичность и архаизация? Данное явление довольно сложно и имеет уже богатые теоретические трактовки. Не вдаваясь в глубокую аналитику, отметим в «рабочем

¹ Карнаушенко Л.В. Правовая культура в контексте процессов архаизации современного российского общества // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 143.

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект «Медиативные технологии снижения социальной конфликтности в деятельности должностных лиц органов местного самоуправления Волгоградской области» № 16-13-34020.

порядке», что, говоря об архаизации, обычно имеют в виду воспроизводство каких-то социальных практик, зародившихся в глубокой древности (обычно на догосударственном этапе развития социальной общности), в современных условиях и в специфических исторических ситуациях, которые сделали эти практики востребованными и порой и эффективными. Загадочным феноменом здесь выступает то обстоятельство, что эти практики каким-то образом сохранились в сообщениях и в результате своей современной востребованности стали не только возрождаться, но и расширяться, при этом становясь более эффективными (хотя бы временно), подтверждая свою жизнеспособность.

Проблема архаизации общества является одним из столпов социокультурной концепции А.С. Ахиезера. Его подход заключается в том, что: «Архаизация является результатом следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в тех пластах культуры, которые сформировались в более простых условиях, в условиях догосударственной жизни, не отвечающих сегодня возросшей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. Архаизация выступает как форма регресса, где программы деятельности связаны с доосевой культурой, с господством ценностей чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей круг общения был весьма ограничен. Развитие не являлось их культурной ценностью. Архаизация имеет место в условиях большого общества, государства как попытка полностью или частично вернуться к догосударственным формам культуры и деятельности»². В.Г. Федотова подчеркивает, что архаика — это «нечто укорененное, что оживает при всех социальных турбулентностях и представляет собой проявление исторически сложившегося социокода, который глубоко впитался в психику и культуру народа»³. Современный специалист по проблеме Ч.К. Ламажаа рассматривает архаику «как культуру, сформированную на раннем (древнем) этапе социальной истории, представляющую собой систему практик солидарных действий, освоенных в ходе взаимодействия общества с природной средой и другими обществами и выраженных в общественном сознании (менталитете)»⁴.

В настоящее время в нашей стране наблюдается повышенный интерес к проблемам примирения. Это выразилось в частности, и в социально-правовой сфере: с 1 января 2011 г.

действует Федеральный закон о медиации⁵, на основе которого складывается некая правоприменительная практика. Согласно закону под медиацией (посредничество в примирении) понимается процесс самостоятельного урегулирования конфликта сторонами при помощи нейтрального посредника (медиатора). Применительно к проблеме медиации как социально-правовой технологии проблема архаизации имеет прямое отношение. Как показывает изучение современной литературы по вопросам примирения, снятия социальной конфликтности, исторический анализ данных тем является ее обязательной частью. Это обращение дает богатый материал для дальнейшей проработки проблем. «Сегодня можно говорить о некой мировой тенденции, проявляющейся в повышенном интересе к традиционным способам разрешения споров и конфликтов и их увязывании с системами социальной юстиции»⁶.

Федеральный закон о медиации создал довольно специфический правовой институт. Дело в том, что поскольку в данном случае довольно сложные социальные проблемы даются на «откуп» самим гражданам, то, кроме бюрократических, необходимо видеть и иные более глубокие причины принятия такого решения. Они заключаются в том, что медиация как разновидность социального примирения имеет глубокие и в общем-то архаичные корни. Как пишет Д.Л. Давыденко: «Способность людей договариваться о том, как разрешить конфликт, сыграла решающую роль в формировании человеческого общества и человеческого способа существования. Это была та самая способность, которая и позволила человеку выживать и совместно добывать себе пищу, охотясь на животных, намного превосходящих силой человека. Умение договариваться, в том числе о том, как разрешить конфликты, и стало условием выживания человека и выделило его из мира живой природы»⁷. Примирительные процедуры с участием третьих лиц известны во все времена и на всех континентах. Россия, выросшая в своей значительной части из крестьянской общины, где подобные технологии широко применялись даже в условиях окрепшей государственной системы правосудия и существовали параллельно

² Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 1. С. 90.

³ Федотова В.Г. Российская история в зеркале модернизации // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 3–19.

⁴ Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Гуманитарные науки: теория и методология. 2011. № 3. С. 35.

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162 ; 2013. № 27. Ст. 3477. № 30. Ст. 4066.

⁶ Карнозова Л.М. Научно-теоретический семинар «Роль примирения в традиционных практиках разрешения конфликтов» // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 3. С. 160.

⁷ Давыденко Д.Л. Примирительные процедуры в европейской правовой традиции. М.: Инфотропик-Медиа, 2013. С. 32.

ей почти до первой трети прошлого века⁸, а по менее значительным конфликтам существуют и сейчас в семейных, соседских, профессионально-корпоративных и т. п. системах примирения, также является частью если не возвращения этих технологий (в широком смысле), то, по крайней мере, любопытного правового эксперимента. Однако за прошедший период после вступления закона в силу, согласно справке Верховного Суда России, который проводит мониторинг проблемы, ситуация выглядит не очень убедительно: «По информации, поступившей из судов, стороны практически не используют процедуру медиации»⁹. И здесь проявляется большая проблемность на стыке социальных и правовых полей.

Продолжая анализ, отметим, что наш законодатель, вводя институт медиации в ткань общества и надеясь на скорый позитивный эффект от таких благих помыслов, совершил несколько методологических ошибок. Во-первых, социально-правовой институт был создан по лекалам частного права, в его коммерческом видении, что, конечно, не имеет возможностей (в частности, финансовых) для широкого распространения в России. Во-вторых, в основе энтузиазма «родителей» правового института медиации был не национальный взгляд на проблему, а некие идеи, пришедшие с зарубежными социальными «миссионерами», которые наряду с хитростями рыночной экономики учили и медиации. Был всецело проигнорирован отечественный опыт решения социальных проблем, отзвуком чего и являются представления некоторых исследователей о зарождении медиации в западных странах в середине прошлого века, во времена так называемого «модерна». В-третьих, это проявившееся в законе незнание национальной специфики не столько развивает, сколько блокирует развитие технологий примирения в нашем обществе. Так, например, закон строго-настрого запрещает применять технологию медиации государственным и муниципальным служащим, исходя, наверное, из логики враждебного отношения между государством и граж-

данским обществом. То есть, другими словами, участковым уполномоченным полиции, главам сельских администраций запрещено принимать меры к примирению конфликтующих жителей, а только лишь довольствоваться юрисдикционными методами. Однако, как свидетельствуют наши исследования, на самом деле эти и иные должностные лица, особенно нижнего звена управления в различных качествах, в том числе и посредников, активно участвуют в снятии социальной напряженности, при этом, как правило, не имея представления о процедуре медиации и ограничениях федерального закона. Во вновь принятом законе об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации¹⁰ также ничего не говорится о примирительных процедурах, а общественные организации, имеющие довольно серьезный примиренческий потенциал, даже не вошли в число субъектов профилактики (ст. 5). Тем не менее в законе есть понятие «антиобщественного поведения», т. е. поведения, не попадающего в уголовную и административную юрисдикции, но явно конфликтного. Отсутствие хорошего инструментария для работы с носителями такого поведения на практике будет только подталкивать их к указанным юрисдикциям.

Еще один момент проявляется довольно ярко в проблеме медиации и архаизации. На него уже изначально обращал внимание Ахиезер, когда писал, что в условиях архаизации «программы деятельности связаны с доосевой культурой, с господством ценностей чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей круг общения был весьма ограничен». На такое сужение круга социальных субъектов, как на важный отличительный момент архаизации, обращают внимание и другие исследователи. В своей довольно критической статье В.А. Кузьменков пишет: «Доверие — абсолютно необходимый залог существования любого общества — присутствует, как и положено в архаическом обществе, только к представителям своего круга общения»¹¹. Вообще переход к такому естественному индивидуализму причудливо сочетается с методологическим индивидуализмом как идеологической доктриной. Вместе с тем это грозит распадом «больших обществ». Так, отмечая данную тенденцию, Е.А. Ревуцкая отмечает: «Прежняя советская идентичность, гражданская в своей основе, сменилась разными по происхождению и более архаичными идентичностями: этнической, конфесси-

⁸ По отечественной истории посредничества в примирении см., напр.: Гаева О.Х., Хайрусов Д.С. Историко-правовой аспект развития института примирения // История государства и права. 2008. № 6. С. 30–32; Мордовцев А.Ю., Агафонова Т.П. Медиация в истории российской государственности: юридико-конфликтологический аспект // История государства и права. 2013. № 24. С. 29–34; Смирнов А.М. Неофициальное народное правосудие в среде российского крестьянства // История государства и права. 2016. № 10. С. 17–21.

⁹ Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 199-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) за 2015 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (21). Ст. 3851.

¹¹ Кузьменков В.А. Архаизация мировоззрения и системы ценностей в современной России // Система ценностей современного общества. 2014. № 33. С. 117.

ональной или региональной. Представляется, что на уровне общества произошла более четкая артикуляция именно этих, более архаичных идентичностей. В результате общая устойчивость конструкции государства и плотность центростремительных коммуникаций в целом уменьшилась»¹². Тем не менее данный момент «сужения» социального пространства именно для медиации является в целом положительным, ведь если не иметь в виду особые виды медиации, когда ее субъектами становятся широкие массы людей, что, например, возможно в условиях политической медиации, то обычные формы медиации применяются в довольно камерной обстановке. А здесь важно то, что: «Архаическое сознание вводит в ядро аксиологической структуры ценности семьи, безопасности, выживания и т. д., что отражает основные цели жизнедеятельности»¹³. Опираясь на эти довольно очевидные мотивы, вполне можно успешно выстраивать медиативные сессии, не боясь, что сознание «клиентов» будет заполнено некими большими «нарративами». Наоборот, в этом случае архаизация социальных практик происходит на основе архаизации мировоззрений, т. е. на переходе от рационалистических типов мышления к религиозным и мифологическим. Очевидно, что такое состояние делает людей особо подверженными к манипулированию, отсутствию возможности точного анализа сложившейся ситуации, особенно в результате стрессов на фоне имеющегося конфликта. Здесь особо опасны возможности злоупотреблений как со стороны участников, так, собственно, и медиатора.

Таким образом, социально-правовой институт медиации довольно тесно связан с процессами архаизации в их различных проявлениях, наблюдаемыми в современной России. Ведущими здесь, конечно, являются процессы архаизации, сами по себе порожденные масштабными соци-

альными трансформациями. Соответственно, повышенная социальная напряженность и социальная конфликтность породили необходимость в технологиях их снятия или, если более конкретно, в технологиях социального примирения, что можно назвать некой естественной реакцией социального организма на возникшие угрозы. Вместе с тем эти технологии изначально не должны быть инновационными, пугающими своей новизной, а, наоборот, простыми и надежными, обеспечивающими доверие и защиту. То есть это должен быть набор из знакомых и надежных феноменов: семья, соседи, родственники, друзья, уважаемые и лично известные авторитетные люди, дом, понятные условия существования сейчас и в будущем, снятие угроз и тревог и т. п. Однако в этот круг «опорных точек» плохо вписывается чужой человек под непонятным иностранным названием «медиатор», который должен быть одновременно и независим, и авторитетен и которому, как он сам предупреждает, в соответствии с законом запрещено давать сторонам даже советы. Трудно, исходя из своих «архаических» представлений, сделать шаг в сторону такой медиации.

Эта, пусть даже несколько утрированно нарисованная, сложившаяся сейчас ситуация в общем-то требует некоей «перезагрузки» в рассмотрении института медиации. Как представляется, его следует поддержать, развивая в социальном смысле, устраняя все формально-бюрократические нагромождения, созданные действующим законодательством, и аккуратно вписать его в действующую правовую и управленческую систему. Уже сейчас возможно путем внесения изменений и дополнений в законодательство о местном самоуправлении создать на уровне местных сообществ, а именно здесь и живут люди, первичные структуры, призванные снимать социальную напряженность и разрешать социальные конфликты неюрисдикционного уровня. Вообще-то, в большинстве поселений речь будет идти только о некоторой формализации и упорядочивании уже существующих неформальных структур и механизмов. Все, что здесь требуется, это скорее лишь общественная поддержка.

¹² Ревуцкая Е.А. Архаизация в российском социокультурном процессе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (30). Ч. 2. С. 152.

¹³ Кузьменков В.А. Указ. соч.

Литература

1. Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) / А.С. Ахиезер // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 1. С. 89–100.
2. Гаева О.Х. Историко-правовой аспект развития института примирения / О.Х. Гаева, Д.С. Хайрусов // История государства и права. 2008. № 6. С. 30–32.
3. Давыденко Д.А. Примирительные процедуры в европейской правовой традиции / Д.А. Давыденко. М.: ИнфотропикМедиа, 2013. 232 с.
4. Карнаущенко Л.В. Правовая культура в контексте процессов архаизации современного российского общества / Л.В. Карнаущенко // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 139–144.
5. Карнозова Л.М. Научно-теоретический семинар «Роль примирения в традиционных практиках разрешения конфликтов» / Л.М. Карнозова // Труды института государства и права Российской академии наук. 2014. № 3. С. 160–168.

6. Кузьменков В.А. Архаизация мировоззрения и системы ценностей в современной России / В.А. Кузьменков // Система ценностей современного общества. 2014. № 33. С. 115–119.
7. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций / Ч.К. Ламажаа // Гуманитарные науки: теория и методология. 2011. № 3. С. 35–42.
8. Михель Д.Е. Правовое регулирование как средство развития социальных институтов / Д.Е. Михель // Архивариус. 2015. № 4. С. 97–101.
9. Мордовцев А.Ю. Медиация в истории российской государственности: юридико-конфликтологический аспект / А.Ю. Мордовцев, Т.П. Агафонова // История государства и права. 2013. № 24. С. 29–34.
10. Ревуцкая Е.А. Архаизация в российском социокультурном процессе / Е.А. Ревуцкая // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (30). Ч. 2. С. 150–153.
11. Смирнов А.М. Неофициальное народное правосудие в среде российского крестьянства / А.М. Смирнов // История государства и права. 2016. № 10. С. 17–21.
12. Федотова В.Г. Российская история в зеркале модернизации / В.Г. Федотова // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 3–19.

References

1. Akhiezer A.S. Arkhaizatsiya kak kategoriya obshchestvennykh nauk (na opyte Rossii) [Archaization as a Social Science Category (on the Example of Russia)] / A.S. Akhiezer // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii — Journal of Sociology and Social Anthropology. 2001. Vol. IV. № 1. S. 89–100.
2. Davydenko D.L. Primiritel'nye protsedury v evropejskoj pravovoj traditsii [Conciliation Procedures in the European Legal Tradition] / D.L. Davydenko. Moskva : InfotropikMedia — Moscow : Infotropic Media, 2013. 232 s.
3. Fedotova V.G. Rossijskaya istoriya v zerkale modernizatsii [The Russian History in the Context of Modernization] / V.G. Fedotova // Voprosy filosofii — Issues of Philosophy. 2009. № 1. S. 3–19.
4. Gaeva O.Kh. Istoriko-pravovoy aspekt razvitiya instituta primireniya [Historical and Legal Aspect of the Conciliation Institution Development] / O.Kh. Gaeva, D.S. Khayrusov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2008. № 6. S. 30–32.
5. Karnauschenko L.V. Pravovaya ku'tura v kontekste protsessov arkhaizatsii sovremenno go rossijskogo obshchestva [Legal Culture against the Background of the Modern Russian Society Archaization Processes] / L.V. Karnauschenko // Zakonnos' i pravoporyadok v sovremenno m obshchestve — Legitimacy, Law and Order in the Modern Society. 2016. № 29. S. 139–144.
6. Karnozova L.M. Nauchno-teoreticheskij seminar «Rol' primireniya v traditsionnykh praktikakh razresheniya konfliktov» [Scientific and Theoretical Seminar The Role of Conciliation in the Traditional Conflict Resolution Practices] / L.M. Karnozova // Trudy instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk — Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2014. № 3. S. 160–168.
7. Kuzmenkov V.A. Arkhaizatsiya mirovozzreniya i sistemy tsennostej v sovremennoj Rossii [Archaization of the Worldview and the System of Values in Modern Russia] / V.A. Kuzmenkov // Sistema tsennostej sovremenno go obshchestva — The System of Values of the Modern Society. 2014. № 33. S. 115–119.
8. Lamazhaa Ch.K. Arkhaizatsiya obshchestva v period sotsial'nykh transformatsij [Society Archaization within the Social Transformation Period] / Ch.K. Lamazhaa // Gumanitarnye nauki: teoriya i metodologiya — The Humanities: Theory and Methodology. 2011. № 3. S. 35–42.
9. Mikhel D.E. Pravovoe regulirovanie kak sredstvo razvitiya sotsial'nykh institutov [Legal Regulation as a Means of the Social Institution Development] / D.E. Mikhel // Arkhivarius — Archivist. 2015. № 4. S. 97–101.
10. Mordovtsev A.Yu. Mediatsiya v istorii rossijskoj gosudarstvennosti: yuridiko-konfliktologicheskij aspekt [Mediation in the History of the Russian Statehood: Legal and Conflictological Aspect] / A.Yu. Mordovtsev, T.P. Agafonova // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2013. № 24. S. 29–34.
11. Revutskaya E.A. Arkhaizatsiya v rossijskom sotsiokul'turnom protsesse [Archaization in the Russian Sociocultural Process] / E.A. Revutskaya // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki — Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Study of Art. Issues of Theory and Practice. 2013. № 4 (30). Part 2. S. 150–153.
12. Smirnov A.M. Neofitsial'noe narodnoe pravosudie v srede rossijskogo krest'yanstva [Unofficial People's Justice among the Russian Peasantry] / A.M. Smirnov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2016. № 10. S. 17–21.

Соглашение (сделка) о признании вины (Plea Bargaining): особенности российской историографии

Корчаго Евгений Викторович,
адвокат
korchago@mail.ru

Прослеживаются особенности в описании российскими учеными института соглашения о признании вины, известного в Англии и США как Plea Bargaining.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, соглашение сторон о признании вины, Plea Bargaining.

Plea Bargain: Peculiarities of Russian Historiography

Korchago Evgeny V.
Attorney

The peculiarities in the description by the Russian scientists of the institute of the agreement on the recognition of guilt, known in England and the USA as Plea Bargaining.

Key words: criminal proceedings, plea agreement on plea, Plea Bargaining.

Актуальность исследования

Признание, раскаяние виновного во все времена, как правило, расценивалось как нечто, пусть и аморфное, но положительное. Достаточно вспомнить следующие русские поговорки: «Признание — сестра покаянью», «Правдивое признание проступка приближает к невиновности», «Сознание — очищение», «Бог сделал из признания добродетель смертных»¹.

Естественно, что аналогичные понятия всегда существовали и в Англии. Известна, например, поговорка: «To confess a fault freely is the next thing to being innocent of it», которую можно перевести так: «Откровенно признать свою ошибку — это почти что искупить свою вину за ее совершение».

Сакральный смысл признания вины усиливался еще и тем, что в рамках христианского учения виновный — грешник до самого конца жизни не теряет права на спасение, которое всегда допустимо через раскаяние. Для того чтобы спастись от кары за прегрешения, требуется покаяться перед богом, его помазанником, судьями, а то и просто людьми. Отсюда поговорки: «Начало спасения — сознание вины», «Правдивое признание проступка приближает к невиновности»².

Законы в старину зачастую были суровы. За сущую, по нашим пониманиям, мелочь легко можно было лишиться и головы, отсюда на Руси

и название права — уголовное. Впрочем, при стечении определенных обстоятельств голову можно было и сохранить. Так, по древним в России законам обидчика отдавали головою обиженному. Обыкновенно обидчик посылался от царя с дьяком или сыном боярским в дом к обиженному, особенно в спорах о местничестве, и должен был ему поклониться в землю и до тех пор не вставать, пока тот не скажет: «Повинную голову и меч не сечет», и сам его не поднимет. Известно, что Петр I предпочитал прощать виновных, принесших чистосердечное признание и раскаяние. Живой человек — всегда ценность, ценность же казенного «нулевая», более того, при определенных условиях казенный приобретает статус мученика, а то и героя.

Аналогичные правила известны и английской юриспруденции: «Bowed heads don't get chopped off». Переводится: «Повинную голову меч не сечет». Или: «A fault confessed is half redressed». Обычно перевод бывает таким: «Повинную голову меч не сечет; за признание — половина наказания».

В настоящей публикации автор не ставит перед собой глобальной цели проследить институт покаяния с последующим смягчением наказания за содеянное, а то и прощением с самых что ни на есть древнейших времен. Наша задача скромнее — изучить базовую отечественную историографию английского института «Plea Bargaining».

Как и в предыдущих публикациях³, посвященных анализу коллизий, свойственных со-

¹ Прощение за признание — категория не только русская. Ср.: Bekannt ist halb gebüsst (нем.); Qui seipsum erent est presque innocent (лат.).

² Ср.: Initium est salutis notitia peccati (лат.).

³ Корчаго Е.В. Коллизии, свойственные современному российскому институту «досудебное соглашение

временным российским институтам «особого порядка рассмотрения уголовных дел в случае признания вины подсудимым» (глава 40 УПК РФ), «досудебного соглашения о сотрудничестве» (глава 40.1 УПК РФ), далее именуемых Соглашение, мы констатировали, что система заключения таких Соглашений в уголовном процессе России является пусть и самостоятельным предметом исследования для ряда юридических наук, однако такое характерно для целого ряда отраслей права, в рамках которых допускается ведение переговоров между государством и правонарушителем.

Позволим себе повторить, что сам факт наличия Соглашений между «идеальным государством» и «законченным грешником» — преступником до сих пор рассматривался отечественной доктриной как нечто неприличное. Очевидно, что не последнюю роль в этом играл некорректный перевод термина «Plea Bargaining» — «сделка с правосудием». Профессор-демократ И.Л. Петрухин прямо и однозначно заявил: «Да не наш это институт, ибо чужд он российскому менталитету»⁴. Большинство отечественных авторов, пишущих на тему Plea Bargaining, предпочитают больше говорить о форме, чем о сути института⁵.

Мы же констатируем, несмотря на то что за 25 лет судебной реформы в развитии института Соглашений сделано на первый взгляд и немало, система эта до настоящего времени все еще не сложилась⁶.

Безусловно, цель нашего исследования включает в себя обоснование необходимости обновления понятийно-категориального аппарата в теории уголовного процесса, касающегося института Соглашения. Анализируемый нами институт имеет весьма длинное название. Явление это в процессе нередкое, к длинным названиям прибегают тогда, когда в силу каких-то обстоятельств не желают о явлении сказать прямо и честно.

Пока категория «Соглашение» в единый и понятный всем термин не трансформировано, позволим себе наряду с вышеприведенным словом использовать и термин «Plea Bargaining». Используя иностранные слова, следует помнить их значение, которое они имеют в языках стран прородительниц. Например, апелляция — воззвание, а кассация — слом. До революции позволяли себя заявить: хочу кассировать дело, то

есть его сломать. Кто же его ломал? Да жалобщик. Аромат таких слов приятен далеко не всем, поэтому сейчас жалобы подает заявитель. Апеллировать можно, а вот кассировать неприлично⁷.

Plea Bargaining — что это?

Plea Bargaining обычно переводится как переговоры о заключении сделки о признании вины. При этом Plea — заявление, просьба, даже мольба (данный термин имеет и еще не один десяток значений). Bargaining — переговоры, точнее, действие — ведение таковых. Чьи заявление, просьба и мольба? Очевидно, что подсудимого. Иными словами, Plea Bargaining — не что иное, как юридический смысловой штамп, который имеет довольно емкое наполнение, базовая суть которого — переговоры. Кому нужны переговоры, если таковые не заканчиваются обоюдной выгодной сделкой? Сделка кого и с кем? Безусловно, что речь идет о сделке (договоренности) сторон: обвинения и защиты. Возникает вопрос: стороны примирились по делу частного обвинения? Возражений нет? Почему с подсудимым не может примириться государство, естественно, что в лице его представителя — следователя, прокурора? Закон такое примирение в России допускает. При этом такая возможность принимается далеко не всеми. Почему? Наш ответ по традиции, согласно которой преступник — враг, любые переговоры с которым не уместны, следовательно, подсудимый имеет право лишь каяться.

Plea Bargaining, к истории вопроса

Англоязычные общества обычно не любят излишне распространяться о сути своих социально-правовых институтов. В этом отношении Plea Bargaining исключением не является. Англичанам суть явления ясна, а иностранцы пусть присматриваются. В такой ситуации нам остается лишь наблюдать за судебной практикой, имевшей место последние два века.

Plea Bargaining — взгляд немецкого ученого середины XIX в.

Профессор Гейдельбергского института К.Ю.А. Миттермайер, в частности, писал примерно следующее⁸. Основное положение английской судебной практики состоит в том, что когда обвиняемый признает себя вполне виновным в преступлении, против которого направлено обвинение, то рассмотрение дела перед присяжными и вердикт их считаются излишними. Вследствие этого при открытии ассизов каждого обвиняемого спрашивают, желает ли он объявить себя виновным или невинным. Автор делает вывод о том, что нет никакого сомнения, что этот вопрос объясняется историче-

о сотрудничестве» // Юридическая техника. Ежегодник. 2017. № 11. С. 654–660.

⁴ Петрухин И.Л. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 35–36.

⁵ Александров А.С. Основание и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Государство и право. 2003. № 12. С. 43–52. См. также обширную библиографию к данной статье.

⁶ См. подр.: Корчаго Е.В. Институт Plea Bargaining: Америка и Россия, история и современность // Уголовное судопроизводство. 2017. № 1. С. 9–17.

⁷ Там же.

⁸ Миттермайер К.Ю.А. Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке. М., 1864. 446 с.

ским развитием суда присяжных. Впрочем, он тут же признает, что об основании этого обычая в Англии существуют различные мнения.

Идея, защищаемая немецкими писателями. Вердикт присяжных, как выражение совести, не должен иметь место в тех случаях, когда сам обвиняемый произносит себе приговор по собственной совести, не разделяется английскими юристами. Последние считают это установление прямым следствием обвинительного начала, которому английский закон всегда оставался верным. Таким образом, уличение виновного посредством присяжных казалось ненужным, когда обвиняемый сам признавался в вине. При таком объяснении ссылались на то, что *Jurata* имела место лишь тогда, когда обвиняемый подчинялся ее решению, чего не могло быть в тех случаях, когда он сам признавал себя виновным и когда он тем легче мог прийти до подобного объявления, что *justitarius*, которому представлялся обвиняемый, должен был соображать свою деятельность с тем, *si indicatus do crimine ei iuriposito culpabilis sit vel non*.

Старинные летописи свидетельствуют, что судья спрашивал у представленного ему обвиняемого, не признает ли он себя виновным. Обычай этот существует и теперь; только в последнее время нашли, что вопрос: признает ли себя подсудимый виновным или невиновным, не достигает цели, потому что многие добросовестные обвиняемые приходят в недоумение, что им отвечать; совесть говорит им, что они виновны, и общественное мнение положительно признает их виновными, между тем обвиняемый знает, что убыточное судопроизводство поведет к обвинительному приговору и что отрицание публично представленных доказательств возбудит только негодование присяжных, судей и сограждан, вследствие этого он не решается объявить себя невиновным, а между тем не желает признавать себя и виновным, потому что боится строгого, определенного законом наказания, или потому что виновен не во всем, что на него взводится, или невинен в том преступлении, которое обозначено в обвинительном акте; например, его могут обвинять в умышленном нападении (*to do bodily harm*), тогда как он виновен только в простом нападении (*common assault*).

Вследствие этого верхний парламент при обсуждении билля лорда Кэмпбелля об улучшении уголовного судопроизводства постановил: предлагать вопрос обвиняемому таким образом: «признает ли он себя виновным или желает быть судим на основании обвинительного акта», если дается последний ответ, то он вносится в протокол и дело рассматривается таким образом, как будто обвиняемый объявил себя невиновным.

Когда обвиняемый отказывался отвечать, то в прежнее время он подвергался за это страшным наказаниям (*peine forte et dure*), которые выполнялись с неслыханной жестокостью, но позднейшие законы (7. 8. *Georg IV cap. sect. 2*) положили этому конец.

В настоящее время отказ отвечать обозначает, что обвиняемый объявляет себя невиновным; но в тех случаях, когда обвиняемый оказывается неспособным к ответу, потому что он глухонемой или помешанный.

Итак, объявление обвиняемого, что он виновен, ведет к устранению судебных прений и вердикта присяжных: судья прямо определяет наказание. Из уголовных дел видно, что подсудимые в Англии довольно часто объявляют себя виновными (*plea guilty*), как в четвертных заседаниях, так и в ассизах; особенно часто это бывает в лондонском центральном суде. Из 200 обвиняемых, которые были представлены в ассизные суды в марте 1850 г., 55 объявили себя виновными, и не только в нетяжких уголовных преступлениях, но даже в тяжких. Например, некто Эттей признался в растлении пятилетнего ребенка, следствием чего ему была назначена пожизненная ссылка.

Нередко обвиняемый признает себя виновным в одном и по большей части второстепенном преступлении (например, Стэйльз, который обвинялся в делании и распространении фальшивой монеты, признался только в последнем). Как часто бывает в подобных случаях, обвинитель прекращает более важные обвинения.

Plea Bargaining — взгляд профессора Н.Н. Полянского (1878–1961)

С научной точки зрения применительно к анализируемому нами институту особо интересны исследования профессора П.И. Люблинского (1882–1938) «Очерки уголовного суда и наказания в современной Англии» (СПб., 1911) и Н.Н. Полянского (1878–1961) «Уголовное право и уголовный суд Англии» (М., 1939, 1969. 399 с.). Оба именитых автора проблему *Plea Bargaining* излагали на базе книги британского юриста Кенны С.С. (Кенни Кортни Стэнхуп, 1847–1930) «Основы уголовного права»⁹ (выдержала 15 изданий, в том числе и в США), описали основные правила, как тогда выражались, *пледирования* (признания вины).

Профессор Н.Н. Полянский, где излагая предыдущий перевод, сделанный с Кенны С.С. П.И. Люблинским, где давая свое личное прочтение самого метра, писал: «Если обвиняемый признает себя виновным (пледировать виновность), то необходимость в проверке доказательств отпадает. Суд переходит прямо к постановлению приговора на основании «собственного сознания» обвиняемого. Признание вины должно исходить лично от обвиняемого, а не от его адвоката, это положение было установлено в 1950 году по делу Хэйса. В тех случаях, когда обвиняемые признают себя виновными частично по одним пунктам обвинения, но от-

⁹ Кенни К. Основы уголовного права / пер. В.И. Каминской. М. : Иностранная литература, 1949. LVII + 599 с.

рицают свою вину по другим пунктам, сторона обвинения нередко идет «на соглашение», отказываясь от обвинения в более серьезном преступлении с тем, чтобы обвиняемый был без судебного разбирательства, сразу, осужден за менее серьезное»¹⁰.

Ниже Н.Н. Полянский пишет: «В этой практике с особой наглядностью проявляется ее полная несовместимость с задачей установления истины, изобличения виновного в меру его действительной вины и наказания в соответствии с содеянным. В таких случаях имеет место самая обыкновенная сделка обвинителя с обвиняемым, ничего общего с правосудием в его подлинном смысле не имеющая»¹¹.

Если сознание обвиняемого явно противоречит фактическим обстоятельствам дела или явно вызвано неправильным пониманием закона, а также по наиболее серьезным делам судья может порекомендовать обвиняемому отказаться от своего признания. В 1954 г. по делу Мак Нэлли было признано, что судья до вынесения приговора вправе в любой момент признать сознание обвиняемого недействительным¹².

Обычно, прежде чем постановить приговор, суд предоставляет обвинителю изложить главные обстоятельства дела и выслушать заявления, которые обвиняемый или защитник пожелают сделать. Обычно также в целях определения размера наказания суд принимает к рассмотрению материалы, относящиеся к репутации обвиняемого, если они могут оказать влияние на размер наказания¹³.

Формы пledирования против обвинительного акта могут быть различны. Основной является, конечно, пledирование невиновности, то есть возражение против предъявленного обвинения по существу. Но обвиняемый может представить и возражения формально-правового характера, которые за исключением обвинительного акта также подходят под понятие «пledирование». Это могут быть: 1) указания на неподсудность дела данному суду; 2) указание, что подсудимый по тому же обвинению уже судился и был оправдан или обвинен и т. д.¹⁴

Если П.И. Любличский, описывая институт Plea Bargaining, ограничился описанием правового явления в том виде, в каком оно существует, то Н.Н. Полянский однозначно констатировал, что данный вид судопроизводства ничего общего с правосудием не имеет. Современный читатель, знакомый с главами 40 «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинени-

ем» и 40.1 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», а также практикой их применения¹⁵, легко поймет, что в отечественном УПК РФ воспроизведены регламенты Plea Bargaining 150-летней давности.

Plea Bargaining — взгляд профессора М.А. Чельцова-Бебутова

Найти упоминание об институте Plea Bargaining в трудах профессора М.А. Чельцова-Бебутова довольно сложно. В его основном труде «Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах» (1957), базирующемся на упомянутой выше книге профессора К.Ю.А. Миттермайера «Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке», предельно кратко пишется о том, что после опроса обвиняемого (arraignment) у последнего есть право признать безоговорочно свою вину. Ниже М.А. Чельцов-Бебутов, опять же со ссылкой на приведенного выше К. Кенни, приводит «страшные примеры», как, например, была немедленно, после полного признания вины, в 1865 г. казнена некая Констанция Кент, взявшая на себя вину в убийстве, совершенном ее покойным отцом¹⁶.

Plea Bargaining — это просто сделка

В главе 5 «Основные модели уголовного процесса и современная уголовно-процессуальная карта мира» авторы «Курса уголовного процесса» под ред. профессора А.В. Головки отмечают, что «судебное разбирательство в США сегодня имеет место примерно по 3 % уголовных дел (в Англии чаще). В остальных случаях обвинение и защита заключают „сделку“: обвиняемый признает свою вину, а прокурор „снимает“, например, часть обвинения или переквалифицирует его на менее тяжкое. В такой ситуации признание вины обозначает своеобразное «признание иска» — суд сразу определяет меру наказания, даже не ознакомившись с доказательствами, поскольку он не обязан устанавливать «истину», а является лишь арбитром в споре (нет спора — нет процесса)»¹⁷.

¹⁰ Кенни К. Указ. соч. С. 587. Цит. по: Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии. М., 1969. С. 315.

¹¹ Там же. С. 315–316.

¹² Там же. С. 316.

¹³ Там же. С. 316.

¹⁴ Там же. С. 316–317.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (в ред. от 22.12.2016); Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Чельцов (Чельцов-Бебутов) М.А. Избранное. М., 2017. Т. 1. С. 365–366, 455–456.

¹⁷ Курс уголовного процесса / под ред. А.В. Головки. М., 2016. С. 186.

Перевод термина «Plea Bargaining» как «делка» употребляется не только в «Курсе», но и в других публикациях кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ, возглавляемой профессором Л.В. Головки. Например, аспирант данной кафедры Е.А. Мельников, излагая широко известную благодарю У. Бернаму¹⁸ ситуацию¹⁹, связанную с признанием конституционным факта давления прокурора на подсудимого, прямо пишет, что прокурор предложил Хайесу²⁰ сделку. При этом обвинитель предупредил, что в случае несогласия дело последнего будет рассмотрено судом присяжных (juri trial).

Верховный суд США подтвердил законность действий прокурора, наличие у него полномочий по заключению такой сделки. Более того, в доктрине появился новый термин «trial tax» — налог на судебное разбирательство, который должен заплатить обвиняемый, отказавшийся от заключения сделки о признании вины (Plea Bargaining)²¹.

Информация П.К. Барабанова

В книге П.К. Барабанова, популяризатора законодательства, регламентирующего уголовное судопроизводство в зарубежных странах, мы находим упоминание об институте раннего признания вины (early guilty plea hearing), суть которого — получить максимальную скидку при назначении наказания. В данном случае суд, «управляя сторонами», подталкивает их к достижению обоюдовыгодного соглашения, которое они достигают без участия коронного судьи²².

¹⁸ К книге У. Бернам термин «Plea Bargaining» переведен именно как сделка. См.: Бернам У. Правовая система США. М., 2006. С. 466–468.

¹⁹ Там же. С. 467.

²⁰ Решение Верховного суда США по делу *Bordenkircher v. Hayes*, 434 U.S. 357 (1978) // [Электронный ресурс] // URL : <http://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/434/357.html>

²¹ Мельников Е.А. Прокуратура в уголовном судопроизводстве: мировые тенденции // Закон. 2017. № 3. С. 60–68.

²² Барабанов П.К. Уголовный процесс в Англии. М., 2015. С. 354–357.

Литература

1. Александров А.С. Основание и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением / А.С. Александров // Государство и право. 2003. № 12. С. 43–52.
2. Барабанов П.К. Уголовный процесс в Англии / П.К. Барабанов. М., 2015. С. 33–38.
3. Бернам У. Правовая система США / У. Бернам. М., 2006. 1216 с.
4. Кенни К. Основы уголовного права / К. Кенни. М., 1949. LVII + 599 с.
5. Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность / Н.А. Колоколов. М., 2014. 208 с.
6. Корчаго Е.В. Институт Plea Bargaining: Америка и Россия, история и современность / Е.В. Корчаго // Уголовное судопроизводство. 2017. № 1. С. 9–17.
7. Корчаго Е.В. Мировая юстиция: институт Plea Bargaining / Е.В. Корчаго // Мировой судья. 2017. № 4. С. 8–11.
8. Корчаго Е.В. Plea Bargaining — институт добросовестных правоприменителей / Е.В. Корчаго // Уголовное судопроизводство. 2017. № 1. С. 9–17.

Основные научно-практические выводы

1. Институт Plea Bargaining, история которого восходит к истокам уголовного процесса, — особый вид процессуальной деятельности, который практически полностью поглотил классический the multi-track процесс, прижился он и в России, так как в отдельных регионах различные the fast tracks составляют около 90 % производств. Поглощение части оставшихся 10 % the multi-track — дело времени, поскольку их существование в основном объясняется не позицией защиты, а судебным управлением.

2. Plea Bargaining суть феномен, и в силу данного обстоятельства четкого объяснения 150-летию его популярности пока нет.

3. Исключительно важное практическое значение имеют научные изыскания Plea Bargaining в условиях современности. Plea Bargaining и все подобные системы, свойственные их функционированию технологии, — порождение эпохи индустриальной (века позапрошлого). Есть ли им место в постиндустриальном обществе? Пока мы можем констатировать, что смена систем мысли неизбежно ведет к смене всех прочих стратегических схем и систем, в ряду которых система Plea Bargaining.

4. Современные авторы далеко не всегда уделяют достаточное внимание вопросам значимости инфраструктуры института Plea Bargaining, в частности, забывают, что суд — это в первую очередь не учреждение, а метод. Напрашивается ошеломляющий вывод: в суде по делам, где применим Plea Bargaining, первостепенное значение имеет не судья, а стороны, ибо невежество последних с легкостью «похоронит» самое совершенное процессуальное законодательство.

5. Система Plea Bargaining — не более чем одна из государственных подсистем, причем в их ряду далеко не самая важная. Вспомним, у государства — не одна цель, а иерархия целей. Следовательно, эффективность работы системы (фактически подсистемы) правоохраны напрямую зависит от схемы сложения активностей всего ряда подсистем.

6. Важно обозначить и четкую позицию относительно роли личности в организации управления системой Plea Bargaining. Вместе с тем именно идеология кадрового корпуса — одна из основ эффективности функционирования любой системы.

9. Корчаго Е.В. Коллизии, свойственные современному российскому институту «досудебное соглашение о сотрудничестве» / Е.В. Корчаго // Юридическая техника. Ежегодник. 2017. № 11. С. 691–699.
10. Корчаго Е.В. Институт Plea Bargaining в США (первая половина XIX века) / Е.В. Корчаго // Эволюция государства и права: история и современность : материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного университета (Курск, 25–27 мая 2017 г.) : сб. науч. ст. Курск, 2017. Ч. 1. С. 388–393.
11. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л.В. Головки. М., 2016. 1278 с.
12. Мельников Е.А. Прокуратура в уголовном судопроизводстве: мировые тенденции / Е.А. Мельников // Закон. 2017. № 3. С. 60–68.
13. Миттермайер К.Ю.А. Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке / К.Ю.А. Миттермайер. М., 1864. 446 с.
14. Петрухин И.Л. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету / И.Л. Петрухин // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 35–36.
15. Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии / Н.Н. Полянский. М., 1969. 399 с.
16. Чельцов-Бebutov М.А. Курс уголовно-процессуального права / М.А. Чельцов-Бebutov. СПб., 1995. 846 с.
17. Fisher G. Plea Bargaining's Triumph: A History Of Plea bargaining In America / G. Fisher. California : Stanford Univ. Press, 2003. 397 p.

References

1. Aleksandrov A.S. Osnovanie i usloviya dlya osobogo poryadka prinyatiya sudebnogo resheniya pri soglasii obvinяемого s pred'yavlenным обвинением [The Grounds and Conditions for a Special Court Judgment Adoption Procedure upon the Consent of the Convicted to the Charge] / A.S. Aleksandrov // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 2003. № 12. S. 43–52.
2. Barabanov P.K. Ugolovnyj protsess v Anglii [English Criminal Procedure] / P.K. Barabanov. Moskva — Moscow, 2015. S. 33–38.
3. Burnham W. Pravovaya sistema SShA [Legal System of the United States] / W. Burnham. Moskva — Moscow, 2006. 1216 s.
4. Cheltsov-Bebutov M.A. Kurs ugovolno-protsessual'nogo prava [Criminal Procedure Law Course] / M.A. Cheltsov-Bebutov. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1995. 846 s.
5. Fisher G. Plea Bargaining's Triumph: A History of Plea bargaining in America / G. Fisher. California : Stanford Univ. Press, 2003. 397 s.
6. Kenny C. Osnovy ugovolnogo prava [Outlines of Criminal Law] / C. Kenny. Moskva — Moscow, 1949. LVII + 599 s.
7. Kolokolov N.A. Ugolovnaya politika: zagadochnaya ochevidnost' [Criminal Policy: Mysterious Obviousness] / N.A. Kolokolov. Moskva — Moscow, 2014. 208 s.
8. Korchago E.V. Institut Plea Bargaining: Amerika i Rossiya, istoriya i sovremennost' [Plea Bargaining Institution: America and Russia, History and the Modern Times] / E.V. Korchago // Ugolovnoe sudoproizvodstvo — Criminal Proceedings. 2017. № 1. S. 9–17.
9. Korchago E.V. Institut Plea Bargaining v SShA (pervaya polovina XIX veka) [Plea Bargaining Institution in the USA (the First Half of the XIX Century)] / E.V. Korchago // Evolyutsiya gosudarstva i prava: istoriya i sovremennost' : materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoj 25-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Yugo-Zapadnogo universiteta (Kursk, 25–27 maya 2017 g.) : sb. науч. st. — Evolution of State and Law: History and the Modern Times : Files of the II International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 25th Anniversary of the Law Faculty of the Southwest University (Kursk, May 25 to 27, 2017) : Collection of Scientific Articles]. Kursk — Kursk, 2017. Part 1. S. 388–393.
10. Korchago E.V. Kollizii, svojstvennyye sovremennomu rossijskomu institutu «dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve» [Collisions Typical of the Modern Russian Plea Bargaining Institution] / E.V. Korchago // Probely kollizionnogo kharaktera v sisteme obzhalovaniya, proverki i peresmotra sudebnykh reshenij v ugovolnom sudoproizvodstve i puti ikh vospolneniya — Collisional Gaps in the System of Appellation, Verification and Review of Court Judgments in the Criminal Proceedings and the Ways to Fill Such Gaps // Yuridicheskaya tekhnika. Ezhegodnik — Legal Writing. Yearbook. 2017. № 11. S. 691–699.
11. Korchago E.V. Mirovaya yustitsiya: institut Plea Bargaining [Justice of the Peace: the Plea Bargaining Institution] / E.V. Korchago // Mirovoj sud'ya — Justice of the Peace. 2017. № 4. S. 8–11.
12. Korchago E.V. Plea Bargaining — institut dobrosovestnykh pravoprимenitelej [Plea Bargaining — an Institution of Good Faith Executors of the Law] / E.V. Korchago // Ugolovnoe sudoproizvodstvo — Criminal Proceedings. 2017. № 1. S. 9–17.
13. Kurs ugovolnogo protsessа / pod red. prof. L.V. Golovko [Criminal Procedure Course / edited by Professor L.V. Golovko]. Moskva — Moscow, 2016. 1278 s.
14. Melnikov E.A. Prokuratura v ugovolnom sudoproizvodstve: mirovye tendentsii [Prosecutor's Office in the Criminal Proceedings: the World Tendencies] / E.A. Melnikov // Zakon — Law. 2017. № 3. S. 60–68.
15. Mittermaier C.J.A. Ugolovnoe sudoproizvodstvo v Anglii, Shotlandii i Severnoj Amerike [Criminal Proceedings in England, Scotland and the North America] / C.J.A. Mittermaier. Moskva — Moscow, 1864. 446 s.
16. Petrukhin I.L. Sdelki o priznanii viny chuzhdy rossijskomu mentalitetu [Plea Bargaining is Alien to the Russian Mentality] / I.L. Petrukhin // Rossijskaya yustitsiya — Russian Justice. 2001. № 5. S. 35–36.
17. Polyansky N.N. Ugolovnoe pravo i ugovolnyj sud Anglii [English Criminal Law and Criminal Court] / N.N. Polyansky. Moskva — Moscow, 1969. 399 s.

Ответственность судьи в государствах Древнего мира

Клеандров Михаил Иванович,
главный научный сотрудник Института
государства и права Российской академии наук (ИГП РАН),
член-корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук, профессор
mklean@ksrf.ru

Важной частью проблемы высокого качества состава судейского корпуса современной и будущей России является (и будет являться) повышение эффективности механизма очищения и самоочищения этого корпуса от лиц, недостойных быть судьями. При этом без ущерба для самостоятельности и независимости судей.

Имеется обширный исторический опыт решения этой задачи как в России, так и за рубежом, анализ которого представляет несомненный научный и практический интерес, в том числе при конструировании новых и совершенствовании существующих звеньев механизма ответственности судей. В данной статье рассматривается не сама по себе проблема ответственности судей в ретроспективе в узком смысле (как мера наказания), а механизм судейской ответственности, точнее отдельные звенья этого механизма в ряде государств Древнего мира (Вавилон, Древний Египет, Древняя Греция, Древний Рим, Персия, Древняя Индия), те звенья, которые, на взгляд автора, являются наиболее вычлуклыми, значимыми, достойными внимания, расширяющими кругозор.

Ключевые слова: судья, судейский проступок, ответственность, наказание судьи, механизм ответственности судьи.

Responsibility of a Judge in the Ancient World

Kleandrov Mikhail I.

Chief Research Scientist of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Doctor of Law

Professor

An important part of the problem of high quality of the judiciary of modern and future Russia is (and will be) an increase in the efficiency of mechanism for purification of that corps from unworthy individuals. Herewith — without harm to the independence and self-dependence of the judges.

There is a vast — domestic and foreign — experience in solution of this problem, the analysis of which is of scientific and practical interest, including when designing new and improving the existing links in the mechanism of the responsibility of judges. In this article, the responsibility of judges in the narrow sense (as a measure of punishment) is not considered in itself, but the mechanism of judicial responsibility, more precisely, individual links of this mechanism of a number of states of the Ancient World (Babylon, Ancient Egypt, Ancient Greece, Ancient Rome, Persia, Ancient India), those links, which in the opinion of the author are most interesting.

Key words: judge, judicial misconduct, judge responsibility, punishment of a judge, mechanism of judge responsibility.

Известно, что механизм правосудия является продуктом исторического развития конкретного общества. При этом в основном для каждого общества (в рамках государственных образований) он самобытен, и в силу этого эффективно он может развиваться только в естественном, органичном для данного общества режиме. Этот механизм весьма сложно позаимствовать из другого, пусть само-

го продвинутого в этом деле, государства. Да и в рамках отдельного государства революционные, проводимые с самыми благими целями реформы механизма правосудия, если они не подготовлены предшествующим историческим развитием, если общество для них не созрело, будут противоестественными, повлекут отрицательные последствия для самого механизма правосудия, для всего общества, а осо-

бенно пагубно скажутся на судьбах конкретных людей.

Отсюда вытекает значимость проблематики научных исследований в области истории правосудия, как и отдельных звеньев его механизма. А поскольку всякое дело делается людьми, и правосудие здесь не исключение, особенно важным является изучение — в историческом измерении — статусных характеристик судей. Это касается и механизма отбора судей и назначения их на должность, и механизма обеспечения устойчивости в правосудной деятельности судьи, и механизма очищения и самоочищения судейских рядов от лиц, недостойных быть судьями.

Последний из названных механизмов обладает повышенной сложностью и определенной щепетильностью в глазах общества — любой формы государства и на любом этапе его исторического развития. Ибо пригодное для иных категорий работников государственных органов ужесточение требований в отношении судей означает снижение уровня их независимости, что неизбежно сказывается на их непредвзятости и справедливости выносимых ими судебных решений.

Тем ценнее для решения названной проблемы исторический опыт механизмов ответственности судей. Не случаен интерес современных отечественных ученых к истории механизмов ответственности судей прежней России¹. При этом стоит подчеркнуть, что этот интерес возник не вчера, и в российской юридической науке ушедшей эпохи подчас приводятся любопытные факты в этой сфере. Например, в работе полустароветской давности Н.А. Дювернуа отметил: «...судьи, однако, не всегда были безграмотными. Ив.Дм. Беяев в своих рассказах приводит из одного жития случай, где судья взял взятку книгой...»². Но не меньший интерес представляет исторический опыт ответственности судей в иных государствах, в том числе и прежде всего в древнейших государственных образованиях, поскольку именно там возникла потребность в специализирующихся на осуществлении судебной деятельности членах общества. Ведь такой потребности не было в догосударственных образованиях, суд там вел вождь племени, владыка либо жрец. Сегодня повышение интереса к этому процессу обусловлено также появлением на карте мира ряда

новых государственных образований (непризнанных республик), государственные устои в которых, в том числе механизмы правосудия (и, соответственно, требования к судьям), только формируются.

Правда, нужно оговориться, прямая калька механизма правосудия в древнейших государствах сегодня вряд ли будет востребована. Ведь там, в Шумере, Египте, Вавилоне и т. д., законодательство подчеркивало божественный характер власти владыки, причем Бог выступал там в качестве высшего судьи.

Так, в Законах Хаммурапи, где фигурирует бог Шамаш, жестоко карающий все несправедливое, законодатель (владыка) указывал: «По велению Шамаша, великого судьи небес и земли, сияет моя справедливость в стране, по слову Мордука, моего владыки, да не найдут мои предначертания никого, кто бы отменил их»³. В Древнем Египте периода Древнего царства фараон — прямой наследник богов, и являлся, подобно им, олицетворением правосудия⁴.

А Рональд Дворкин (английский ученый-правовед) вообще полагает, что исследование абсолютного идеала правосудия христианского общества логично начать с Ветхого завета, отражающего политическую теорию Древнего Египта и Вавилона, согласно которой правосудие является исключительной милостью «царя-спасителя», защищающего свой народ от бедствий и способствующего богатству и процветанию населения⁵. Эту милость, в свою очередь, царь получал от Бога, так как, по представлению древних, беспристрастность есть исключительное божественное свойство, которое трудно достичь простым людям⁶.

Сам по себе божественный характер власти, включая фараона, чиновников, жрецов (а также, наверняка, судей), и официально одобренных правил поведения, включающих основные источники тогдашнего права, в том числе судебные решения, означала, что все они соответствуют (или должны соответствовать) Ма-ат — естественно-божественному порядку справедливости⁷, что, впрочем, не останавливало отдельных тамошних судей от вымогательства и поборов.

Поэтому и действовали в отношении неправедных судей меры карательные, меры прямой ответственности. В известных любому российскому студенту-юристу законах Вавилонского

¹ См., напр.: Кудашев Ш.А. Ответственность судей в Древней Руси: период Киевской Руси // История государства и права. 2011. № 4. С. 42–46; Габо А.М. Ответственность судьи в дореволюционной и советской России // Мировая судья. 2014. № 17. С. 39–45.

² Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. С. 205.

³ Вестник древней истории. 1952. № 3. С. 259.

⁴ Матье М.Э. Древнеегипетские мифы. М.; Л., 1956. С. 28.

⁵ Гаген С. Абсолютный идеал правосудия в общественном правосознании от Древнего Египта до поздней Византии // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 4. С. 2–5.

⁶ Там же.

⁷ Нерсисянц В.С. Право и закон. Из истории правовых учений. М.: Наука, 1983. С. 10.

царя Хаммурапи говорилось: «Если судья будет судить судебное дело, постановит решение, изготовит документ с печатью, а потом свое решение изменит, то этого судью должно изобличить в изменении решения, и он должен уплатить сумму иска, предъявленного в этом судебном деле, в 12-кратном размере, а также должен быть в собрании (значит — в народном собрании города или в совете старейшин) поднят со своего судейского кресла и не должен возвращаться и заседать с судьями на суде»⁸.

В «Указе Харемхеда» (фараон Верхнего и Нижнего Египта, середина XIV в. до н. э.), в частности, сказано: «...чтобы творить суд в судебном присутствии, которое дано, чтобы судить, и он творит в нем неправду против праведного, то это будет вменяться как преступление, достойное смерти»⁹. Что современными исследователями трактуется как введение смертной казни для продажных судей¹⁰.

Но когда судейскую функцию осуществлял властитель (или его региональный наместник), т. е. когда судейская функция была для них не основной (второстепенной), говорить, что они подлежали той или иной ответственности именно за нарушения (в том числе злоимство) при осуществлении правосудия, вряд ли уместно. Исключением является ответственность в этом случае перед богами, почему поэтам того периода приходилось лишь констатировать:

«И страдает

Целый народ за несчастья царей, злоумышленно правду

Неправосудьем своим от прямого пути отклонившихся»¹¹.

После свержения власти царей в Древнем Риме перешедшая к консулам судебная власть еще больше ограничила консулов в данном вопросе — в силу Валериева закона консулы обязаны были допустить апелляцию на всякий приговор, присуждающий римского гражданина к смертной казни, телесным наказаниям и штрафу, превышающему определенный предел, если только этот приговор был вынесен не по военным законам. «Оттого всякий раз, — отмечает М.А. Чельцов-Бебутов, — когда консул действовал в качестве судьи, а не в качестве военачальника, ликторы откладывали в сторону свои скиры, служившие символом того, что консул имел право карать смертной казнью»¹².

Иное дело, когда правосудие осуществлял, выражаясь современным языком, профессиональный судья, который как спецпредставитель властителя (либо его регионального наместника) другими, несудейскими, полномочиями не наделялся (хотя были и исключения, но не во властно-руководящей сфере). Такие спецпредставители — профессиональные судьи появились не внезапно и из ниоткуда, а с возникновением государственных образований. Имело место обособление уже не должности, а профессии судьи. И чем больше и мощнее было государство, тем больше было работы у профессиональных судей.

Но профессиональный судья на должность назначался непосредственно властителем (редко в ином порядке, но тогда сам порядок, без сомнения, определялся властителем) из числа «своих» людей. И уж если он «не оправдывал доверия», наказание бывало скорым и жестоким, соответствующим обычаям времени. Так, древнеперсидский царь Камбиз (сын Кира, внук Дария I, основателя древнеперсидской державы, правивший с 529 по 522 гг. до н. э.), которого один из судей своим корыстолюбием и злоимством, что называется, «достал», приказал с этого судьи снять кожу и обить ею судейское кресло в назидание другим судьям, в том числе будущим¹³. Наверняка, это кресло (в смысле, место того судьи) долго оставалось вакантным.

Что касается видов наказаний, предусматриваемых в юридических документах Древнего Египта, то они разнообразны и внушительны:

- а) изувечение и отправка на каторжные работы в Эфиопию;
- б) просто отправка на каторжные работы в Эфиопию;
- в) сажание на кол;
- г) наказание 100 ударами и нанесением 50 ран;
- д) наказание 100 ударами и утрата прав на долю спорного имущества или на все спорное имущество;
- е) наказание 100 ударами и уплата двойной стоимости оспариваемого имущества;
- ж) уплата двойной стоимости, имущественная ответственность;
- з) отрезание языка, лишение звания и превращение в ремесленника;
- и) отдача на съедение крокодилу; и, наконец,

феодалных и буржуазных государствах. М., 1957 (Здесь и далее цитируется по переизданию: Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. С. 137.)

⁸ Вестник древней истории. 1952. № 3. С. 201–202.

⁹ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 1. М., 1980. С. 102–103.

¹⁰ Гаген С. Указ. соч.

¹¹ Гесиод (VIII — VII вв. до н. э.) — автор дидактической поэмы «Работы и дни» (см.: Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1: Античный мир и Восточные цивилизации. М.: Мысль, 1999. С. 103).

¹² Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих,

¹³ Тот самый Камбиз, о котором Геродот говорил: «Вы ведь знаете, до чего дошло своеволие Камбиза... Но вот я перехожу к самому плохому: он нарушает отеческие обычаи и законы, насилует женщин, казнит людей без суда...» (см.: Геродот. История / пер. Г.А. Строгановского. М., 1993. С. 164).

к) помещение (что это такое, из контекста не ясно) на задворки дома¹⁴.

Нет сомнений в том, что подобным наказаниям подвергались и судьи (профессиональные, но, видимо, и выполняющие судебные функции в числе иных властных функций, поскольку, как сказано выше, нарушение судьями законов считалось тягчайшим преступлением). Правда, механизм определения того, нарушил ли конкретный судья тот или иной закон, находился целиком в руках властей соответствующего уровня...

Беспристрастность же судей официализировать, в частности в Древнем Египте, было трудно. Дело в том, что судьи, отмечает И.М. Лурье, как, видимо, и прочие чиновники, кормились не только от тех земель, которыми фараон оплачивал их службу, но и от тех «подношений», которые доставляли им все лица, обращавшиеся к ним по своим делам. И если размеры доходов, поступавших с земель, были ограничены в какой-то мере обычаем или законом, то размер подношений, которые они вымогали от просителей, всецело зависел от того, насколько умело это делали чиновники. А возможностей же к этому у них было очень много. Видимо, можно парадоксальным образом определить взаимозависимость уровня развитости механизма правосудия в государстве, во всяком случае его судопроизводственной составляющей, от возможности у судьи длительное время волоките процесс.

Так вот, И.М. Лурье описывает процесс Меса, который касался прав собственности на землю. Эта тяжба велась на протяжении многих лет, по крайней мере двух поколений. В течение этого процесса и истец, и ответчик должны были предъявлять различные доказательства, в том числе выписки из земельных описей, хранившихся в сокровищнице и в управлении закромов фараона. Дело было возбуждено во время приезда визира в Гелиополь и разбиралось в суде Мемфиса, а затем в центральном суде Египта, в Фивах. Стороны должны были побывать также в тогдашней столице Перрамсесе. Суд посылал некоторых из своих членов в ту местность, где находились спорные земли, допрашивал там многих свидетелей. Понятно, что весь этот длительный процесс, усложненный к тому же тем, что ответчик не только представил, как это выяснилось позднее, фальшивые кадастровые описи, но сумел устроить подлог в документах, хранившихся в царской сокровищнице в г. Перрамсесе, был сопряжен для сторон со многими расходами, а для судейских чиновников — с изрядными доходами¹⁵. И это при том,

что названный выше Указ Харемхеба не запрещал судьям вообще принимать «подношения», а требовал от них лишь того, чтобы они не брали их «от другого», т. е. от обоих тяжущихся сторон. Следовательно, указ исходил из той же идеи, которая вложена в восхваление Амона-Ра, принимающего дары лишь от стороны, признанной правой. Такие «подношения», делавшиеся после суда, считались, видимо, вполне нормальными и законными.

Судебно-правовая мысль была достаточно развитой и в Древней Индии, во всяком случае, относительно судей. Так, в тексте Брихаспати-смитри (сер. 1 тыс. н. э.) указывалось:

«I. 102. За тайные беседы с тяжущимися до окончания дела даже главный судья должен понести наказание, а члены суда — тем более...

I.103. Если член суда судит под влиянием пристрастия или невежества, заблуждения или алчности — он заслуживает наказания и не может быть членом суда...

V. 34. Аживый судья или лжесвидетель — все равно, что убийца брахмана; их грех не меньше, чем у того, кто убил младенца или собственноручно друга»¹⁶.

Широко известна развитость правовой системы Древнего Рима (более позднего периода). Ее подчеркивает и то обстоятельство, что там наряду с профессиональными судьями широко действовали и судьи третейские, причем государство довольно детально регламентировало их деятельность, в том числе вопросы их ответственности. Так, по жалобе сторон претор мог привлечь третейского судью к штрафной ответственности (обусловленной, как отмечается в литературе, существованием договорного отношения сторон о передаче спора на разрешение третейского судьи, что предполагает возможность предъявления иска к нему): как об исполнении договорной обязанности рассмотреть и разрешить правовой конфликт, так и о возмещении убытков, причиненных ее неисполнением. В этом и заключается правовая санкция, охраняющая осуществимость третейского разбирательства от строптивости или недобросовестности третейских судей. В этом также проявляется и дисциплинарная ответственность: если третейский судья не рассмотрел спорное правоотношение в срок, определенный сторонами, претор мог заставить его рассматривать дело и вынести по нему решение и в праздничный день¹⁷.

Следует признать, что нужной в плане исследуемой здесь проблемы научно-исторической

¹⁴ Лурье И.М. Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н. э. Памятники и исследования. Л. : Издательство Государственного Эрмитажа, 1960. С. 108.

¹⁵ Там же. С. 53.

¹⁶ Антология мировой правовой мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1999. Т. 1. С. 445, 448.

¹⁷ Зарубина М.Н. Причины возникновения и особенности реализации гражданско-правовой ответственности третейского суда (третейского судьи) в дореволюционной России // Третейский суд. 2010. № 1. С. 111.

информации по многим древним государственным образованиям мало либо ее нет вообще. Не только о судебной власти, но и о государственных устройствах древних государств: Атлантиды (любопытно, что британскому философу А. Уайтхеду принадлежит мысль о том, что европейская философия представляет собой лишь серию примечаний к Платону¹⁸; впрочем, сведения об Атлантиде есть и у Диодора Сицилийского, поместившего в свой компилятивный труд «Историческая библиотека» немало подробностей относительно Атлантиды, которые ему поведали африканские аборигены)¹⁹;

¹⁸ Уайтхед А. Избранные работы по философии. М. : Прогресс. 1990. С. 32.

¹⁹ Назаров В.В. Введение в эзотерику : учебник. М. : Гардарики, 2008. С. 136.

Южной Америки (инки, майя, ацтеки, ольмеки и др.); Мохенджо — Доро на территории современной Индии (3 тыс. до н. э.) и т. д., нам известно крайне мало. Но ведь совсем невероятно полное отсутствие сколь-нибудь крупных древних государственных образований на территориях Северной Америки, Австралии... а о них современной науке вообще ничего неизвестно, но ведь их не могло не быть!

Да и относительно территории современной России проблема малоизучена. Что, например, мы знаем о государственном и общественном устройстве Аркаима — образований на территории Южного Урала? Ведь там цивилизация была не менее развитой, чем Троянская, но намного древнее. А о гиперборейских государственных образованиях? Радует, что впереди много интереснейших на этот счет открытий.

Литература

1. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Т. 1 : Античный мир и Восточные цивилизации. М. : Мысль, 1999. 749 с.
2. Габо А.М. Ответственность судьи в дореволюционной и советской России / А.М. Габо // Мировой судья. 2014. № 17. С. 39–45.
3. Гаген С. Абсолютный идеал правосудия в общественном правосознании от Древнего Египта до поздней Византии / С. Гаген // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 11. С. 2–5.
4. Геродот. История / Геродот ; пер. Строгановского. М., 1993.
5. Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права / Н. Дювернуа. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2004. 400 с.
6. Зарубина М.Н. Причины возникновения и особенности реализации гражданско-правовой ответственности третейского суда (третейского судьи) в дореволюционной России / М.Н. Зарубина // Третейский суд. 2010. № 1. С. 109–113.
7. Кудашев Ш.А. Ответственность судей в Древней Руси: период Киевской Руси / Ш.А. Кудашев // История государства и права. 2011. № 4. С. 42–46.
8. Лурье И.М. Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н. э. Памятники и исследования / И.М. Лурье. Л. : Издательство Государственного Эрмитажа. 1960. 354 с.
9. Матье М.Э. Древнеегипетские мифы / М.Э. Матье. М. ; Л., 1956. 173 с.
10. Назаров В.В. Введение в эзотерику : учебник / В.В. Назаров. М. : Гардарики, 2008. 303 с.
11. Нерсисянц В.С. Право и закон. Из истории правовых учений / В.С. Нерсисянц. М. : Наука, 1983. 366 с.
12. Чельцов-Бebutov М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бebutov. М., 1957. 839 с.
13. Уайтхед А. Избранные работы по философии / А. Уайтхед. М. : Прогресс, 1990. 720 с.

References

1. Antologiya mirovoj pravovoj mysli : v 5 t. T. 1 : Antichnyj mir i Vostochnye tsivilizatsii [Anthology of the World Legal Thought : in 5 Vol. Vol. 1 : the Ancient World and the Eastern Civilizations]. Moskva : Mysl' — Moscow : Thought, 1999. 749 s.
2. Cheltsov-Bebutov M.A. Kurs sovetskogo ugolovno-protsessual'nogo prava. Oчерki po istorii suda i ugolovnogo protsessu v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuznykh gosudarstvakh [A Course of the Soviet Criminal Procedure Law. Sketches of the History of Court and Criminal Procedure in the Slave-Owning, Feudal and Bourgeois States] / M.A. Cheltsov-Bebutov. Moskva — Moscow, 1957. 839 s.
3. Duvernois N. Istochniki prava i sud v Drevnej Rossii. Opyty po istorii russkogo grazhdanskogo prava [Law Sources and Court in the Ancient Russia. Experience of the Russian Civil Law History] / N. Duvernois. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij tsentr «Press» — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2004. 400 s.

4. Gabo A.M. Otvetstvennost' sud'i v dorevoljucionnoj i sovetskoj Rossii [Responsibility of a Judge in the Pre-Revolutionary and Soviet Russia] / A.M. Gabo // Mirovoj sud'ya — Justice of the Peace. 2014. № 17. S. 39–45.
5. Gagen S. Absolyutnyj ideal pravosudiya v obshchestvennom pravoznanii ot Drevnego Egipta do pozdnej Vizantii [The Absolute Ideal of Justice in the Public Legal Consciousness from the Ancient Egypt to the Late Byzantium] / S. Gagen // Arbitrazhnyj i grazhdanskij protsess — Arbitral and Civil Procedure. 2009. № 11. S. 2–5.
6. Herodotus. Istoriya / per. Stroganovskogo [History ; translated by Stroganovsky] / Herodotus. Moskva — Moscow, 1993.
7. Kudashev Sh.A. Otvetstvennost' sudej v Drevnej Rusi: period Kievskoj Rusi [Responsibility of Judges in the Ancient Rus: the Kievan Rus Period] / Sh.A. Kudashev // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2011. № 4. S. 42–46.
8. Lurie I.M. Oчерки древнеегипетского права XVI–X веков до н. е. Памятники и исследования [Sketches of the Ancient Egyptian Law of the XVI–X Centuries BC. Monuments and Research] / I.M. Lurie. Leningrad : Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha — Leningrad : Publishing house of the State Hermitage Museum. 1960. 354 s.
9. Matye M.E. Drevneegipetskie mify / M.E. Matye [The Ancient Egyptian Myths / M.E. Matye]. Moskva ; Leningrad – Moscow ; Leningrad, 1956. 173 s.
10. Nazarov V.V. Vvedenie v ezoteriku : uchebnik [Introduction to Esoterics : Textbook] / V.V. Nazarov. Moskva : Gardariki — Moscow : Gardariki, 2008. 303 s.
11. Nersesyants V.S. Pravo i zakon. Iz istorii pravovykh uchenij [Right and Law: from the History of Legal Doctrines] / V.S. Nersesyants. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1983. 366 s.
12. Whitehead A. Izbrannye raboty po filosofii [Philosophy: Selected Essays] / A. Whitehead. Moskva : Progress — Moscow : Progress, 1990. 720 s.
13. Zarubina M.N. Prichiny voznikoveniya i osobennosti realizatsii grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti tretejskogo suda (tretejskogo sud'i) v dorevoljucionnoj Rossii [Grounds for Appearance and Implementation Peculiarities of the Civil Law Responsibility of the Arbitration Court (Arbitrator) in the Pre-Revolutionary Russia] / M.N. Zarubina // Tretejskij sud — Arbitration Court. 2010. № 1. S. 109–113.

Генезис и особенности отдельных видов пошлин в Российской империи в первой четверти XIX в.

*Вородюхин Станислав Евгеньевич,
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина,
кандидат исторических наук
vorodyukhin-stani@mail.ru*

В статье рассматривается процесс возникновения и анализируется развитие отдельных видов пошлин (крепостной, гербовой и канцелярской) в Российской империи в первой четверти XIX в. Особое внимание уделено основным преобразованиям в финансовой отрасли государства, которые пришлись именно на первую четверть XIX в., а именно утверждению Министерства финансов в 1802 г. Автор дифференцирует совершенствование законодательной базы рассматриваемых пошлин. В ходе исследования выяснилось, что крепостные и гербовые пошлины имели схожую специфику их предназначения, но существовало и отличие, которое было выражено в том, что первые взимались за внесение в официальные реестры сделок специальной категории, тогда как гербовым сбором облагались самые разнообразные бумаги административно-судебного и коммерческого характера. В свою очередь, схожая тенденция взимания пошлин государственными учреждениями наблюдалась у канцелярских и гербовых пошлин. Важное значение исследуемых пошлин в системе налогообложения в Российской империи в первой четверти XIX в. заключалось в том, что спрос на акты и документы, требующие письменной формы, постоянно увеличивался, а следовательно, государственная казна от данного источника дохода постоянно пополнялась, в основном из-за обложения новых актов и документов, обходясь при этом минимальными расходами.

Ключевые слова: пошлина, крепостная пошлина, гербовая пошлина, канцелярская пошлина, Министерство финансов, Департамент разных податей и сборов, Государственное казначейство, Государственный контроль.

Genesis and Peculiarities of Separate Duty Types in the Russian Empire in the First Quarter of the XIX Century

*Vorodyukhin Stanislav E.
Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Putilin Belgorod Law Institute of the
Ministry of the Interior of Russia
Candidate of Historical Sciences*

The article deals with the process of origin and analyzes the development of certain types of duties (serfdom, coat of arms and clerical) in the Russian Empire in the first quarter of the XIX century. Particular attention is paid to the main changes in the financial industry of the state, which occurred precisely in the first quarter of the XIX century, namely the approval of the Ministry of Finance in 1802. The author differentiates the improvement of the legislative base of the duties in question. In the course of the study it was found out that the serf and stamp duties had a similar specificity to their destination, but there was also a difference, which was expressed in the fact that the former were levied for entering into the official registers of transactions of a special category, while the stamp duty was subject to a wide variety of administrative court documents And commercial nature. In turn, a similar tendency of charging fees by state institutions was observed in clerical and stamp duties. Of great importance, the investigated duties in the system of taxation in the Russian Empire in the first quarter of the XIX century was that the demand for acts and documents requiring written form constantly increased, and therefore the state treasury from this source of income was constantly replenished, mainly due to taxation new acts and documents, while at the same time minimizing costs.

Key words: duty, serf fee, stamp duty, clerical fee, Ministry of Finance, Department of various taxes and fees, State Treasury, State Control.

Актуальность данной статьи не вызывает сомнения, поскольку пошлины в Российской империи в первой четверти XIX в. фрагментарно рассматривались историками, правоведами и экономистами, а их структурный анализ развития в России в указанный период времени оставался за рамками исследований.

Исследуемый период времени выбран не случайно, так как основные преобразования в финансовой отрасли государства пришлось именно на первую четверть XIX в., которые оказали существенное влияние на развитие российской государственности в целом. Самой важной государственной реформой первой четверти XIX в. стало утверждение Министерства финансов в 1802 г., окончательно же оно было сформировано к 1811 г. В его функции входило управление финансами, кредитом, государственными имуществами, горными и соляными промыслами. Министерство финансов занималось всеми источниками доходов. Расходами ведало Государственное казначейство — самостоятельное ведомство, но спустя 10 лет оно уже было включено в Министерство финансов на правах департамента. Ревизией всех счетов занимался Государственный контроль¹. Структурным подразделением Министерства финансов, ответственным за сбор налогов и пошлин, являлся Департамент податей и сборов, который был образован 25 июня 1811 г.²

Пошлины ведут свое начало от регалий, и как таковые они имели раньше крупное финансовое значение. Фактически все эти сборы были раньше не чем иным, как замаскированными налогами, взимаемыми с населения под видом оказания им услуги. Часто даже сама услуга была в значительной степени сомнительна. При этом сумма сбора сильно превалировала над действительной ценностью услуги³. В первой четверти XIX в. пошлина представляла собой действие по сбору денежных повинностей, в основе которых лежало оформление и предоставление государством соответствующих документов. И.И. Янжул отмечал главное достоинство пошлины — «малочувствительность»⁴ ее уплаты.

Для того чтобы выявить достоинства и недостатки, а также проанализировать развитие налоговой системы в России в первой четверти XIX в., рассмотрим отдельные виды пошлин, а именно три их категории: крепостную, гербовую и канцелярскую пошлины в исследуемый период времени.

В России крепостная или актовая пошлина появилась в середине XVII столетия и представляла собой акт, которым укреплялось право собственности или владения⁵, то есть под ней подразумевались сборы за внесение в официальные правительственные книги или реестры записей различных имущественных сделок, действительность которых обуславливалась такого рода засвидетельствованием.

В первой четверти XIX в. в основном крепостные пошлины использовались при переходе права собственности на недвижимость в виде купли-продажи, дарения и т. д.

С 1808 г. актовые пошлины взимались с духовных завещаний, которые составлялись в пользу посторонних, а не прямых и ближайших наследников⁶.

В Российской империи в первой четверти XIX в. размер крепостной пошлины был увеличен с 5 до 6 %, но с 24 ноября 1821 г. он был понижен до 4 %⁷, так как это стало связано с тем, что прежний высокий размер затруднял обращение движимых и недвижимых капиталов, а казна получала меньше, нежели ожидалось от подобного источника.

В 1821 г. были произведены реформы в отношении крепостной пошлины, теперь процесс взимания данной пошлины затрагивал переход имущества от одного лица к другому посредством продажи, дара, отдела, наследства и духовного завещания.

Особенность крепостной пошлины заключалась в том, что государство играло важную роль в процессе покупки и продажи недвижимости различными учреждениями, сделки, совершенные с помощью этой пошлины, носили документный характер, им придавались надежность, прочность.

Крепостные наряду с гербовыми пошлинами имели схожую специфику их предназначения, но существовало и отличие, которое выразилось в том, что первые вносились за внесение в официальные реестры сделок специальной категории, тогда как гербовым сбором облагались самые разнообразные бумаги административно-судебного и коммерческого характера.

Гербовые пошлины в России начали употребляться с 1699 г., с ведением гербовой бумаги. До этого времени существовали подобные им пошлины — печатные. Уже с самого появления особенность гербовой пошлины выражалась в двойственном характере: как платы за услуги государства (по челобитным) и как налога на переход ценностей — имущества (по крепостям).

Гербовая бумага представляла собой вид клейменной («орленой») бумаги, которая изго-

¹ Толкушкин А.В. История налогов в России / А.В. Толкушкин. М., 2001. С. 70.

² Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб., 2001. Т. 2. С. 124.

³ Финансовая энциклопедия. 1927 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.http://finance.sainfo.ru/>

⁴ Янжул И.И. Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах / под ред. А.Н. Козырина. М., 2002. С. 85.

⁵ Блиох И.С. Финансы России XIX столетия. История — статистика. СПб., 1882. Т. II. С. 128.

⁶ Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Т. I. С. 99–100.

⁷ Блиох И.С. Указ. соч. С. 129.

тавливалась государством. В качестве клейма использовалось изображение государственного герба (орла) с указанием стоимости листа гербовой бумаги, даты выпуска и размера суммы сделки, для которой данный вид гербовой бумаги предназначен. Стоимость (разбор) гербовой бумаги зависела от вида деловых бумаг и суммы сделок⁸.

Гербовую бумагу первой четверти XIX в. различали четырех видов: простая гербовая бумага, гербовая бумага для крепостных актов, вексельная гербовая бумага и гербовая бумага для заемных писем. Простая гербовая бумага предназначалась для оформления различных выписей, копий, прошений и других документов при письменном обращении в государственные или местные (казенные) учреждения. Гербовая бумага для крепостных актов представляла собой письменное обязательство, составленное на специально предназначенной гербовой бумаге. Вексельная гербовая бумага начала употребляться с 1798 г., представляла собой письменное долговое обязательство, которое необходимо было составить по установленной законом форме. Гербовая бумага для заемных писем представляла собой заверенное письменное обязательство, согласно которому взятые в займы деньги необходимо было возвратить в указанные сроки⁹.

Процесс взимания гербовых пошлин до 1810 г. оставался слабым. С 1810 г. был издан «Манифест о мерах к уменьшению государственных долгов и об увеличении некоторых податей и пошлин», согласно которому гербовые пошлины были увеличены на 50 % простой и 75 % вексельной гербовых бумаг.

В дальнейшем нередко применялась практика повышения окладов гербового сбора. В 1821 г. устанавливались правила о гербовой бумаге, которые регулировали ее цену и порядок употребления.

Среди рассматриваемых пошлин в России к категории древних платежей относятся канцелярские пошлины. Еще первые упоминания об особой пошлине в пользу писца («метальщика») у вирника находим в Русской Правде. Затем эволюционный путь развития канцелярской пошлины претерпел ряд изменений, и в первой четверти XIX в. она представляла собой оплату по словесным или письменным просьбам различных официальных документов, так как бесплатная выдача подобных документов не являлась обязательной по закону, а производилась лишь по ходатайству и желанию заинтересованных лиц. Канцелярские пошлины так же, как и гербовые пошлины, взимались государственными, административными и судебными учреждениями.

В Российской империи в первой четверти XIX в. канцелярская пошлина подразделялась на несколько видов: канцелярская актовая пошлина, канцелярская судебная пошлина, канцелярский таможенный сбор и т. д.¹⁰ Канцелярская актовая пошлина взималась с бумаг по гражданским и уголовным делам в судебных учреждениях.

Специфика канцелярской пошлины выражалась в том, что в начале XIX столетия не было четкой ценовой политики, и эта пошлина взималась разнообразно, хаотично: «...по иным местам более, по иным менее»¹¹.

Все полученные деньги от взимания канцелярских пошлин поступали в государственную казну, а также полученная прибыль шла на усиление тех учреждений, которые занимались процессом взимания указанной пошлины.

Если крепостная, гербовая и канцелярская пошлины имели не слишком высокую ставку при оформлении каких-либо сделок, то данные пошлины носили справедливый характер. Если же ставки при процессе взимания указанных пошлин были высоки, то оплата данных пошлин являлась тяжелым бременем для лица, служащего предметом сделки, и не всегда отвечала законным интересам, вследствие этого наступала определенная ответственность, например, конфискация значительной доли имущества.

В свое время, будучи министром финансов, граф Д.А. Гурьев пытался совершить попытки к объединению крепостных, гербовых, канцелярских пошлин и упрощению правил их взимания. Однако никаких серьезных изменений в консолидации данных пошлин не произошло.

Важно отметить, что крепостная, гербовая и канцелярская пошлины имели ряд недостатков. К ним относились такие пробелы в отечественном законодательстве в сфере взимания пошлин, как несбалансированность системы контроля над поступлением доходов, низкая ответственность за нарушения правил крепостной, гербовой и канцелярской пошлины.

В России в первой четверти XIX в. существовала потребность в кодификации порядка взимания пошлин, так как они закреплялись многими постановлениями и регламентировались различными указами. Казна терпела убытки от недостатка определенности в существующих законах и от разделения взимания пошлин между многими учреждениями, независимыми как друг от друга, так и от Министерства финансов¹².

Налоги и пошлины в Российской империи в первой четверти XIX в. составляли основу государственного бюджета. Согласно дан-

⁸ Денисов А.Е. Гербовая бумага Российской империи 1699–1917 годов. М., 2003. С. 117.

⁹ Там же. С. 117–119.

¹⁰ Свод Законов Гражданских. 1887. Ст. 708. Прил. I. Ст. 91.

¹¹ Министерство финансов... С. 100.

¹² Там же.

ным историка П.Н. Милюкова, в 1825 г. доходы от государственных регалий (чеканка монеты, почтовая, телеграфная и т. д.) составляли 3,9 % доходов, пошлины — 5,4 %, доходы от государственных имуществ — 2,4 %¹³.

Все эти три категории исследуемых пошлин носили обыкновенный налоговый характер, так как доходы, полученные от их взимания, значительно превышали расходы казны на свидетельствование актов и сделок¹⁴.

Таким образом, пошлины в Российской империи в первой четверти XIX в. являлись платежами

за услуги, в основе которых лежало оформление и предоставление государством соответствующих документов. К данной категории пошлин относились крепостные, гербовые и канцелярские пошлины. Они имели схожее значение, которое выражалось в письменном оформлении различных актов и документов. Преимущество крепостной, гербовой и актовой пошлин перед другими налогами и сборами было представлено в необременительности для плательщиков и выгоды для государства. Спрос на акты и документы, требующие письменной формы, постоянно увеличивался, а следовательно, государственная казна от данного источника дохода постоянно пополнялась в основном из-за обложения новых актов и документов, обходясь при этом минимальными затратами на его процесс взимания.

¹³ Миллер Н.В. Изменение в налоговой системе России XIX века // Вестник Омского университета. Сер. : Экономика. 2008. № 2. С. 138.

¹⁴ Финансовая энциклопедия...

Литература

1. Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История — статистика / И.С. Блюх. СПб. : Тип. тов-ва «Обществ. Польза», 1882. Т. II. 324 с.
2. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб. : Наука, 2001. Т. 2. 260 с.
3. Денисов А.Е. Гербовая бумага Российской империи 1699–1917 годов / А.Е. Денисов. М. : Информэлектро, 2003. 140 с.
4. Миллер Н.В. Изменение в налоговой системе России XIX века / Н.В. Миллер // Вестник Омского университета. Сер. : Экономика. 2008. № 2. С. 138–141.
5. Министерство финансов. 1802–1902. СПб. : Изд-е Минфина, 1902. Т. I. 640 с.
6. Толкушкин А.В. История налогов в России / А.В. Толкушкин. М.: Юрист, 2001. 431 с.
7. Финансовая энциклопедия. 1927 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.http://finance.sainfo.ru/>
8. Янжул И.И. Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах / И.И. Янжул ; под ред. А.Н. Козырина. М. : Статут, 2002. 555 с.

References

1. Blioch J.G. Finansy Rossii XIX stoletiya. Istoriya — statistika [Russian Finance in the XIX Century. History — Statistics] / J.G. Blioch. Sankt-Peterburg : Tip. tov-va «Obshchestv. Pol'za» — Saint Petersburg : Printing house of the Common Good partnership, 1882. Vol. II. 324 s.
2. Denisov A.E. Gerbovaya bumaga Rossijskoj Imperii 1699–1917 godov [Stamped Paper of the Russian Empire of 1699 to 1917] / A.E. Denisov. Moskva : Informelektro — Moscow : Informelektro, 2003. 140 s.
3. Finansovaya entsiklopediya [Financial Encyclopedia]. 1927. Available at: <http://www.http://finance.sainfo.ru/>
4. Miller N.V. Izmenenie v nalogovoj sisteme Rossii XIX veka [Changes in the Tax System of the XIX Century Russia] / N.V. Miller // Vestnik Omskogo universiteta. Ser. : Ekonomika — Bulletin of the Omsk University. Series : Economy. 2008. № 2. S. 138–141.
5. Ministerstvo finansov. 1802–1902 [The Ministry of Finance. 1802 to 1902]. Sankt-Peterburg : Izd-e Minfina — Saint Petersburg : Publishing house of the Ministry of Finance, 1902. Vol. I. 640 s.
6. Tolkushkin A.V. Istoriya nalogov v Rossii [History of Taxes in Russia] / A.V. Tolkushkin. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2001. 431 s.
7. Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917 [The Highest and Central State Institutions of Russia. 1801–1917]. Sankt-Peterburg : Nauka — Saint Petersburg : Science, 2001. Vol. 2. 260 s.
8. Yanzhul I.I. Osnovnye nachala finansovoj nauki. Uchenie o gosudarstvennykh dokhodakh / pod red. A.N. Kozyrina [Primary Fundamentals of the Financial Science. State Revenue Doctrine / edited by A.N. Kozyrin] / I.I. Yanzhul. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2002. 555 s.

Деятельность крестьянского поземельного банка в пореформенной России (1884–1895) (на примере Тамбовской губернии). Историко-правовой анализ*

Баев Валерий Григорьевич,

*заведующий кафедрой трудового и предпринимательского права
Юридического института Тамбовского государственного
технического университета,
доктор юридических наук, профессор
vgbaev@gmail.com*

Фролов Сергей Анатольевич,

*доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института Тамбовского государственного
технического университета,
кандидат исторических наук
seif.saf@rambler.ru*

Авторы показывают, что учреждение Крестьянского поземельного банка было вызвано к жизни уничтожением крепостного права в России и последовавшей реформой сельского хозяйства, преследовало цель оказывать крестьянам содействие в приобретении предложенных для продажи земель. Освобожденных крестьян надо было наделить землей и для этой цели обеспечить их возможностью получения земельного кредита на льготных условиях. Авторы исследуют деятельность Крестьянского банка на примере Тамбовской губернии, нормативные акты, лежавшие в основе этой деятельности. Подробному анализу подвергаются итоговые результаты земельной крестьянской ипотеки. Выясняется, что целей преобразования земельных правоотношений Крестьянский банк полностью не достиг, поскольку имевшаяся культура земледелия не приносила высоких урожаев и, соответственно, ограничивала возможности выплаты крестьянами возвратных платежей. Рост недоимок не позволял развивать сельское хозяйство и разорвал сам банк.

Ключевые слова: Крестьянская реформа 1861 г., правовой статус Крестьянского банка, субъекты кредитных правоотношений, недоимки в платежах, Тамбовская губерния.

Activities of the Peasants' Land Bank in the Post-Reform Russia (1884 to 1895) (on the Example of the Tambov Governorate). Historical and Legal Analysis

Baev Valery G.

*Head of the Department of Labor and Entrepreneurial Law of the Law Institute
of the Tambov State Technical University
Doctor of Law
Professor*

Frolov Sergey A.

*Assistant Professor of the Department of Labor and Entrepreneurial Law of the Law Institute
of the Tambov State Technical University
Candidate of Historical Sciences*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тамбовской области в рамках научного проекта № 17-11-68004.

The authors show that the establishment of a Peasant land Bank was brought to life by the destruction of serfdom in Russia and the subsequent reform of agriculture, aimed to provide farmers assistance in acquiring offered for sale of lands. The freed peasants had to give ground and for this purpose to provide them with the possibility of obtaining a land loan is on preferential terms. The authors study the activities of the Peasant Bank on the example of Tambov province, regulations that underlie this activity. Detailed analyzed the final results of the land farm mortgage. It turns out that the goals of transformation of land relations the Bank is not fully reached because the existing culture of the land did not bring high yields and, consequently, limited the possibility of paying farmers chargebacks. The increase in arrears is not allowed to develop agriculture and ruined the Bank.

Key words: Peasant reform of 1861, the legal status of the Peasant Bank, the subjects of credit relations, arrears in payments, Tambov province.

19 февраля 1861 г. был подписан царский Манифест об отмене крепостного права, предоставлявший крестьянам личную свободу и общегражданские права. Они могли владеть движимым и недвижимым имуществом, заключать сделки, выступать в качестве юридических лиц.

Оборотной стороной реформы стало резкое ухудшение земельного обеспечения крестьянства в регионах. В Тамбовской губернии площадь крестьянских наделов уменьшилась на 13,1 %. В разных уездах крестьяне должны были получить 3–3,5 десятины земли на одну мужскую душу. А средний намеченный земельный надел должен составлять 12–14 десятин, что было вполне достаточно для нормального ведения сельского хозяйства в средней полосе России. Большая часть бывших тамбовских крепостных получила именно такие наделы. Но у части крестьян «лишние» по нормам реформы земли были отрезаны, что составило 20 % дореформенных земельных наделов помещичьих крестьян¹.

Профессор С.А. Есиков в этой связи указывал, «что по закону от 24 ноября 1866 г. „О земельном устройстве государственных крестьян“ бывшие государственные крестьяне получили в общинную собственность практически все свои наделы земли, оказавшись в лучших условиях. Размер их наделов был вдвое большим, чем у бывших частновладельческих крестьян. Тем самым противостояние в деревне усиливалось»². Таким образом, «вне зависимости от порядка землепользования в конце XIX в. крестьяне в губерниях Центрального Черноземья по мере увеличения численности населения (основанием чего была благоприятная демографическая ситуация) сталкивались с проблемой малоземелья». В среднем по Тамбовской губернии к середине 1880-х гг. на наличную мужскую душу приходилось 2,5 десятины земли³, хотя по условиям реформы должно быть не менее 3–3,5 десятины.

В борьбе с нарастающим напряжением в деревне правительство предложило (в 1881 г.) внести на рассмотрение Государственного совета проекты по предоставлению для крестьян долгосрочного ипотечного кредита с целью покупки земли при посредничестве банка. Выработка и утверждение «Положения о Крестьянском поземельном банке» затянулись на целый год, до апреля 1882 г.

Правовой статус банка определял ряд нормативных актов: «Положение о Крестьянском поземельном банке»⁴, «Устав Крестьянского поземельного банка»⁵, «Правила действий Крестьянского поземельного банка и его отделений»⁶, «Инструкция о порядке производства торгов на земли, заложенные в Крестьянском поземельном банке»⁷, «Правила о порядке хозяйственного заведования именьями, принадлежащими Крестьянскому поземельному банку, счетоводства и отчетности по ним»⁸.

Основная цель деятельности данного кредитного учреждения — «оказывать крестьянам содействие в приобретении предложенных для продажи земель» — была сформулирована в «Уставе Крестьянского поземельного банка». Детально она определялась как «покупка земли у владельцев возможно более крупными участками и продажа их крестьянам мелкими частями без существенного повышения ее стоимости»⁹.

⁴ Положение о Крестьянском поземельном банке // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1882. Т. 2. № 894.

⁵ Устав Крестьянского поземельного банка // Свод законов. СПб., 1910. Т. 11. С. 1922–1954.

⁶ Правила действий Крестьянского поземельного банка и его отделений. СПб., 1894. 13 с.

⁷ Инструкция о порядке производства торгов на земли, заложенные в Крестьянском поземельном банке. СПб., 1914. 165 с.

⁸ Правила о порядке хозяйственного заведования именьями, принадлежащими Крестьянскому поземельному банку, счетоводства и отчетности по ним. СПб., 1909. 115 с.

⁹ Васильев Я.А. Новгородское отделение Крестьянского поземельного банка и его деятельность (1885–1914) // Новгородский исторический сборник. 2014. № 14. С. 318.

¹ Двужилова И.В. История Тамбовского края середины XIX — начала XX веков. Тамбов, 2010. С. 4.

² Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). Тамбов, 1998. С. 12.

³ Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М. ; Тамбов, 2004. С. 29.

На отделения банка возлагались функции по приему и рассмотрению заявлений о выдаче ссуд, о раздроблении и отчуждении заложенных имений, о договорах и льготах, относящихся к данным имениям. Банк разрабатывал условия оценки имений, расценки на земли, условия сделок по покупке крестьянами земли, выдавал разрешенные ссуды, обеспечивал хозяйственное заведование имениями, принадлежавшими банку, надзирал за поступлениями платежей по ссудам и за исполнением заемщиками обязательств перед банком.

Общее управление осуществлялось Советом банка, управляющим и тремя представителями министра финансов. В Совете председательствовал управляющий банком. На местах Крестьянский банк производил свои операции через отделения, где управляющий и неприменные члены отделения назначались министром финансов. Местное отделение банка кроме управляющего включало в свой состав одного или нескольких неприменных членов, двух членов по избранию губернского земского собрания¹⁰.

Основной операцией Тамбовского отделения являлась, как и в других отделениях Крестьянского поземельного банка, выдача крестьянам ссуд на покупку земли под приобретаемые ими имения. Потенциальные заемщики делились на три категории: сельские общества, состоящие из одного или нескольких селений для покупки земли в общую собственность; товарищества в количестве не менее трех крестьян, покупающих землю в общую собственность или в отдельное частное владение, а также отдельные крестьяне. Размер ссуды устанавливался в законодательном порядке. Наибольший размер не должен был превышать 125 руб. на каждую наличную в сельском обществе или товариществе крестьян душу мужского пола при общинном пользовании либо 500 руб. на каждого отдельного домохозяина при подворном владении¹¹.

Ссуды из Крестьянского банка выдавались, по желанию заемщиков, на 24 года 6 месяцев и на 34 года 6 месяцев. Сельские общества, товарищества из крестьян и отдельные крестьяне, получившие ссуду, обязаны были вносить ежегодно по 8,5 %, если ссуда была взята на 24,5 года, по 7,5 %, если ссуда была взята на 34,5 года. Уплата процентов производилась за каждое истекшее полугодие в сроки, установленные министром финансов. Отсрочка долга без увеличения его суммы, а также перезалог участка с выдачей дополнительной суммы допускались не ранее пяти лет со времени заключения договора займа¹².

¹⁰ Устав Крестьянского поземельного банка // Свод законов. СПб., 1910. Т. 11. С. 1928.

¹¹ Извлечение из Положения о Крестьянском поземельном банке. Тамбов, 1884. С. 1–2.

¹² Там же. С. 3–4.

Исследователи выделяют три этапа в деятельности Крестьянского банка: 1883–1895 гг., 1896–1905 гг., 1906–1916 гг. В первые два были созданы благоприятные условия кредита для общественных и товарищеских покупок, что значительно снизило недостаточность в земельном обеспечении большей части сельского населения. А внесенные в Устав Крестьянского банка ограничения затрудняли или делали непривлекательной покупку земли при его посредстве зажиточными крестьянами-домохозяевами¹³.

Как отмечалось, Крестьянский банк начал функционировать в один из самых напряженных периодов российской истории. Первоначально на территории Европейской России были открыты 11 его отделений. Затем они появились в Волынской, Екатеринославской, Киевской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Саратовской, Тверской, Черниговской губерниях, а несколько позже — на территории Херсонской и Уфимской губерний¹⁴.

В Тамбове отделение Крестьянского поземельного банка открылось 31 января 1884 г. По ряду причин операции отделения велись крайне неравномерно. Особо оживленными стали 1884–1886 гг. В отделение поступило 37 заявлений о ссудах для покупки 12 342 десятин «приторгованной» земли за 1136 427 руб. Выдано было только 18 ссуд на покупку 7031 десятины земли. Ссуда банка составила 582 000 руб.; 55 337 руб. крестьяне доплачивали сами¹⁵. В 1885 г. количество выданных ссуд возросло до 20. Было куплено 4026 десятин земли за 332 801 руб. Из них 284 000 руб. составила ссуда банка и 48 801 руб. — доплата покупателей. В 1886 г. деятельность по выдаче ссуд пошла на убыль: всего 15 ссуд на покупку 2764 десятин земли за 237 063 руб. Заемщики получили 214 700 руб., а остальные 22 363 руб. они выплатили из собственных средств¹⁶.

Сокращение, начиная с 1884 г., объемов производимых операций Крестьянским банком в Тамбовской губернии можно объяснить следующими причинами. Во-первых, в 1884 г. рынок отличался высоким предложением к продаже земли и высоким спросом на покупку земли при посредничестве банка. Это привело к уменьшению запаса земель, требовавших ускоренной распродажи. Во-вторых, в декабре 1885 г. открылось Тамбовское отделение Государственного дворянского земельного банка, что вызвало сокращение предложений к продаже дворянских земель.

¹³ Проскуракова Н.А. Крестьянский поземельный банк (1883–1916 гг.) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 68.

¹⁴ Проскуракова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002. С. 296.

¹⁵ Отчет Крестьянского поземельного банка за 1887 г. СПб., 1889. С. 8–9.

¹⁶ Отчет Крестьянского поземельного банка за 1890 г. СПб., 1891. С. 27–33.

Исследователи видят причину в политике управления банком. Дело в том, что «в первые три года деятельности банка земля предлагалась всем, кто пожелает, а процент ссуды превышал иногда 90 %. Нередко земля выдавалась лицам, либо группе лиц, которая заведомо не готова была платить по ссудам. Министр финансов посчитал, что чем больше ссуда, тем менее крестьянин ею дорожит. Поэтому он пошел по пути увеличения доплат заемщиками. С приходом в 1887 г. нового министра финансов И.А. Вышнеградского политика банка изменилась. Вместо снижения платежей администрация учреждения сократила его деятельность»¹⁷.

2 июля 1887 г. управляющий Крестьянским банком разослал во все отделения секретный циркуляр с предписанием «сдерживать поступление дел, не представляющих особенных выгод для покупателей, и направлять все усилия на получение платежей с недоимщиков, не пренебрегая для этого никакими находящимися в их распоряжении способами»¹⁸.

В итоге к 1888 г. деятельность Крестьянского банка сократилась. Общая сумма ссуд составила лишь 38 % от уровня 1887 г. Негативное воздействие на выплату платежей по ссудам оказывало и падение цены на хлеб, снижение арендных цен на землю¹⁹.

Анализ основных причин накопления недоимок в Тамбовской губернии говорит не только о природном, но и о человеческом факторе. Произведенное в 1884 г. дознание в Нару-Тамбовском сельском обществе Тамбовского уезда показало, что в год покупки у крестьян был очень низкий урожай хлебных злаков. В 1889 г., по данным Уездной земской управы, деревню Нару-Тамбов также постиг низкий урожай озимых и яровых культур. Ситуацию обострила малообеспеченность крестьян, составлявшая менее 0,75 десятины наделной земли на душу.

Правительство разработало разные меры борьбы с задолженниками. 17 октября 1890 г. министр финансов приказал совету Крестьянского банка отстранять от пользования землей крестьян-недоимщиков, бывших владельцев этой земли, и не сдавать им ее в аренду. Исполняя данное предписание, совет банка циркулярным распоряжением от 27 октября 1890 г. предписал всем отделениям банка не сдавать в аренду земельные участки, оставшиеся непроданными, неисправным заемщикам. Администрация банка рассчитывала предупредить легкомысленное отношение крестьян к своим обязанностям по отношению к банку²⁰.

Однако предпринятые меры оказались малоэффективными. Ипотечно-кредитное учреждение столкнулось с необходимостью самому вести хозяйство на земле неисправных заемщиков. С 1887 по 1891 г. в собственность Тамбовского отделения банка поступило 6.547 десятин земли, с общим остатком капитального долга 502 903 руб.²¹

В последующем положение только ухудшалось. Неурожай 1891–1892 гг., постигший 15 губерний Российской империи, тяжело отразился на экономическом благосостоянии земледельческого населения. Предоставленные Положением банка льготы при взносе платежей оказались недостаточными. В результате 31 января 1892 г. император распорядился о дополнительных льготах заемщикам. Тамбовское отделение ходатайствовало перед советом банка о разрешении льгот во взносе недоимок платежей по 116 ссудам²².

Несмотря на сделанное, количество назначенных в продажу земельных участков было высоким. В Тамбовских губернских ведомостях 29 октября 1894 г. объявлялось о продаже 13 участков общим количеством в 3840 десятин земли. При выданной ссуде в размере 338 180 руб. остаток капитального долга составлял 297 499 руб. и недоимки срочных платежей — 106 225 руб.²³

За весь первый период деятельности Тамбовского отделения банка (1884–1895 гг.) было продано с торгов только одно имение в 800 десятин земли. Оставшиеся непроданными участки земли поступали в собственность банка. Всего с 1884 по 1895 гг. за банком в Тамбовской губернии числились 42 имения в количестве 10 637 десятин земли. Если учитывать, что всех ссуд в этот период было выдано 154 под залог 40 069 десятин земли, то выяснится, что почти 27 % всей заложенной земли поступило в собственность банка. По результатам погашения ссуды в 12 900 руб. от залога было освобождено два имения площадью 539 десятин земли²⁴.

Подводя итог первому периоду деятельности Крестьянского банка, можно выявить отличительные особенности, свойственные Тамбовской губернии. Среди заемщиков преобладали товарищества крестьян, которым в период с 1883–1895 гг. было выдано 8546 ссуд (57,3 %) объемом 48,5 млн руб. (58,8 %) под залог 1431,8 тыс. десятин земли (59,4 %) ²⁵. В то время как 62,3 % ссуд, выданных Тамбовским отделением, приходились на покупки крестьян в составе сельских обществ: 31,8 % — на товарищества и 5,9 % — на отдельных крестьян. Если в составе

¹⁷ Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи... С. 301.

¹⁸ Вдовин В.А. Крестьянский поземельный банк (1883–1895 гг.). М., 1959. С. 51–52.

¹⁹ Отчет Крестьянского поземельного банка за 1888 г. СПб., 1889. С. 5.

²⁰ ГАТО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 333. Л. 40.

²¹ Отчет Крестьянского поземельного банка за 1891 г. СПб., 1892. С. 28–29.

²² ГАТО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 330. Л. 9, 113 об.

²³ Там же Д. 385. Л. 2а. об.–2б.

²⁴ Отчет Крестьянского поземельного банка за 1896 г. СПб., 1898. С. 48–49.

²⁵ Проскурякова Н.А. Указ. соч. С. 305.

49 товариществ, купивших 5381 десятину земли, насчитывалось 4550 душ мужского пола, то в составе 96 сельских обществ, купивших 34 577 десятин земли, имелось 32 511 душ. В товарищеских сделках в среднем на одну душу приобреталось по 1,18 десятины земли, а в сельском обществе — 1,06 десятины. Самыми крупными покупателями земли через Крестьянский банк были отдельные домохозяева. В первый период деятельности банка площадь купленной земли на один двор составляла у отдельных домохозяев 12,3 десятины, а на одну душу в Тамбовской губернии приходилось 3,4 десятины земли²⁶.

Таким образом, отчеты Крестьянского банка показывают, что основными покупателями земли в Тамбовской губернии выступали чле-

ны сельских обществ, принадлежавшие к малообеспеченным слоям деревни. Доход от земли, покупаемой такими крестьянами, часто не покрывал платежей по ссудам банка, и избежать недоимок удавалось с трудом. Получается, что банк, с одной стороны, разорял значительную часть своих клиентов, с другой же — ухудшал свое собственное финансовое положение. Видя это, правительство распорядилось предоставить заемщикам дополнительные льготы, которые, правда, не изменили положения к лучшему — недоимки росли. Руководство банка ссылалось на несовершенство законодательной базы, определявшей его деятельность, требовало реформы банка. Однако страна не располагала достаточными профессиональными кадрами, у имевшихся в условиях царского режима не было к тому же подлинной свободы в разрешении аграрного вопроса. За него возьмутся большевики в 1917 г.

²⁶ Отчет Крестьянского поземельного банка за 1896 г... С. 48.

Литература

1. Батурицкий Д.А. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк / Д.А. Батурицкий. М., 1925. 141 с.
2. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века) / В.Б. Безгин. М., Тамбов. 2004. — 304 с.
3. Васильев Я.А. Новгородское отделение Крестьянского поземельного банка и его деятельность (1885–1914) / Я.А. Васильев // Новгородский исторический сборник. 2014. № 14. С. 310–334.
4. Вдовин В.А. Крестьянский поземельный банк (1883–1895 гг.) / В.А. Вдовин. М., 1959. 107 с.
5. Дауэнгауэр О.В. Деятельность Крестьянского поземельного банка на рубеже XIX–XX вв (на материалах Тверской губернии) / О.В. Дауэнгауэр // Финансы и кредит. 2015. № 12. С. 55–66.
6. Двужилова И.В. История Тамбовского края середины XIX — начала XX веков / И.В. Двужилова. Тамбов, 2010. 104 с.
7. Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.) / С.А. Есиков. Тамбов, 1998. 107 с.
8. Кириченко В.Е. Правосубъектность клиентов Крестьянского поземельного банка / В.Е. Кириченко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. : Юридические науки. Т. 21 (60). 2008 . № 2. С. 20–27.
9. Отчет Крестьянского поземельного банка за 1887 г. СПб., 1889.
10. Отчет Крестьянского поземельного банка за 1888 г. СПб., 1889.
11. Отчет Крестьянского поземельного банка за 1890 г. СПб., 1891.
12. Отчет Крестьянского поземельного банка за 1891 г. СПб., 1892.
13. Отчет Крестьянского поземельного банка за 1896 г. СПб., 1898.
14. Правила действий Крестьянского поземельного банка и его отделений. СПб., 1894. 13 с.
15. Правила о порядке хозяйственного заведования имениями, принадлежащими Крестьянскому поземельному банку, счетоводства и отчетности по ним. СПб., 1909. 115 с.
16. Проскурякова Н.А. Крестьянский поземельный банк (1883–1916 гг.) / Н.А. Проскурякова // Отечественная история. 1998. № 3. С. 66–82.
17. Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи / Н.А. Проскурякова. М., 2002. 520 с.

References

1. Baturinsky D.A. Agrarnaya politika tsarskogo pravitel'stva i Krest'yanskij pozemel'nyj bank [The Agricultural Policy of the Tsar's Government and the Peasants' Land Bank] / D.A. Baturinsky. Moskva — Moscow, 1925. 141 s.
2. Bezgin V.B. Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX — nachala XX veka) [Peasant Everyday Routine (Traditions of the Late XIX to the Early XX Century)] / V.B. Bezgin. Moskva ; Tambov — Moscow ; Tambov, 2004. 304 s.
3. Dauengauer O.V. Deyatel'nost' Krest'yanskogo pozemel'nogo banka na rubezhe XIX–XX vv (na materialakh Tverskoj gubernii) [Operations of the Peasants' Land Bank at the Turn of the XIX and the

- XX Centuries (Based on the Files of the Tver Governorate)] / O.V. Dauengauer // *Finansy i kredit — Finance and Credit*. 2015. № 12. S. 55–66.
4. Dvukhzhilova I.V. *Istoriya Tambovskogo kraja serediny XIX — nachala XX vekov* [History of the Tambov Territory in the Middle of the XIX to the Early XX Century] / I.V. Dvukhzhilova. Tambov — Tambov, 2010. 104 s.
 5. Esikov S.A. *Krest'yanskoe khozyajstvo Tambovskoj gubernii v nachale XX veka (1900–1921 gg.)* [Peasant Household of the Tambov Governorate in the Early XX Century (1900 to 1921)] / S.A. Esikov. Tambov — Tambov, 1998. 107 s.
 6. Kirichenko V.E. *Pravosub'ektnost' klientov Krest'yanskogo pozemel'nogo banka* [Legal Capacity of the Clients of the Peasants' Land Bank] / V.E. Kirichenko // *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser. : Yuridicheskie nauki — Scholarly notes of the V.I. Vernadsky Taurida National University. Series : Legal Sciences*. Vol. 21 (60). 2008. № 2. S. 20–27.
 7. *Otchet Krest'yanskogo pozemel'nogo banka za 1887 g.* [Report of the Peasants' Land Bank for the Year 1887]. Sankt-Peterburg — Saint-Petersburg, 1889.
 8. *Otchet Krest'yanskogo pozemel'nogo banka za 1888 g.* [Report of the Peasants' Land Bank for the Year 1888]. Sankt-Peterburg — Saint-Petersburg, 1889.
 9. *Otchet Krest'yanskogo pozemel'nogo banka za 1890 g.* [Report of the Peasants' Land Bank for the Year 1890]. Sankt-Peterburg — Saint-Petersburg, 1891.
 10. *Otchet Krest'yanskogo pozemel'nogo banka za 1891 g.* [Report of the Peasants' Land Bank for the Year 1891]. Sankt-Peterburg — Saint-Petersburg, 1892.
 11. *Otchet Krest'yanskogo pozemel'nogo banka za 1896 g.* [Report of the Peasants' Land Bank for the Year 1896]. Sankt-Peterburg — Saint-Petersburg, 1898.
 12. *Pravila dejstvij Krest'yanskogo pozemel'nogo banka i ego otdelenij* [The Regulation on the Activity of the Peasants' Land Bank and its Branches]. Sankt-Peterburg — Saint-Petersburg, 1894. 13 s.
 13. *Pravila o poryadke khozyajstvennogo zavedovaniya imeniyami, prinadlezhashchimi Krest'yanskomu pozemel'nomu banku, schetovodstva i otchetnosti po nim.* [The Regulation on the Procedure for the Business Management of the Estate Owned by the Peasants' Land Bank, Accounting and Reporting Related Thereto]. Sankt-Peterburg — Saint-Petersburg, 1909. 115 s.
 14. Proskuryakova N.A. *Krest'yanskij pozemel'nyj bank (1883–1916 gg.)* [The Peasants' Land Bank (1883–1916)] / N.A. Proskuryakova // *Otechestvennaya istoriya — National History*. 1998. № 3. S. 66–82.
 15. Proskuryakova N.A. *Zemel'nye banki Rossijskoj imperii* [Land Banks of the Russian Empire] / N.A. Proskuryakova. Moskva — Moscow, 2002. 520 s.
 16. Vasilyev Ya.A. *Novgorodskoe otdelenie Krest'yanskogo pozemel'nogo banka i ego deyatel'nost' (1885–1914)* [The Novgorod Branch of the Peasants' Land Bank and Its Operations (1885 to 1914)] / Ya.A. Vasilyev // *Novgorodskij istoricheskij sbornik — Novgorod Historical Collection*. 2014. № 14. S. 310–334.
 17. Vdovin V.A. *Krest'yanskij pozemel'nyj bank (1883–1895 gg.)* [The Peasants' Land Bank (1883 to 1895)] / V.A. Vdovin. Moskva — Moscow, 1959. 107 s.

Особенности правового регулирования торгового мореплавания в Российской империи

*Ланцева Вероника Юрьевна,
преподаватель кафедры
теории и истории государства и права
Института морского транспортного менеджмента,
экономики и права Государственного морского университета
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
lantseva.v@yandex.ru*

В статье рассматриваются особенности правового регулирования торгового мореплавания в Российской империи. Обосновывается вывод о том, что национальное правовое регулирование торгового мореплавания Российской империи нуждалось в комплексных пересмотре и переработке, попытки которых были предприняты в начале XX в., но осуществиться не успели.

Ключевые слова: морское торговое судно, патент на плавание, морская торговля, торговое мореплавание.

Peculiarities of Legal Regulation of Merchant Shipping in the Russian Empire

Lantseva Veronika Yu.

Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Maritime Transport Management, Economics and Law of the Admiral Ushakov Maritime State University

In the article features of legal regulation of merchant shipping in the Russian Empire are considered. The author substantiates the conclusion that the national legal regulation of merchant shipping of the Russian Empire needed complex revision and processing, attempts which had been made at the beginning of the 20th century, but did not have time to be realized.

Key words: sea merchant vessel, patent for navigation, sea trade, merchant shipping.

Российский торговый флот на протяжении рассматриваемого периода уступал западноевропейским, несмотря на наличие, казалось бы, всех условий для его успешного функционирования. Если в зарубежных государствах приоритет отдавался торговому флоту, а развитие военного имело второстепенное значение как средство для его защиты, то в России, наоборот, государством отдавалось предпочтение военному. При этом Россией на собственных судах перевозилось до 5 % грузов, ежегодные затраты на фрахтование иностранных судов в конце XIX — начале XX в. достигали 100 млн руб., а государственное финансирование развития коммерческого флота составляло ежегодно 3,5 млн руб.¹

Все же государством предпринимались попытки изменения сложившейся ситуации посредством принятия нормативных правовых

актов. Однако следует учитывать, что преобразования нормативного материала отличались стихийностью ввиду того, что инициировались преимущественно потребностями судовладельцев.

В качестве приоритетных направлений национального правового регулирования торгового мореплавания можно выделить:

- 1) развитие отечественного судостроения как средства увеличения количественных и качественных показателей торгового флота;
- 2) стимулирование отечественного морского торгового флота к более эффективному служению национальным интересам России;
- 3) обеспечение торгового флота квалифицированными кадрами из числа подданных Российской империи;
- 4) скорое и справедливое разрешение споров из торгового мореплавания;
- 5) минимизацию имущественных рисков посредством морского страхования;
- 6) увеличение безопасности торгового мореплавания.

¹ Белавенец П.И. Нужен ли нам флот и значение его в истории России. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910. С. 279.

Финансирование судостроения инициировалось участниками внешнеэкономической деятельности из числа российских подданных при поддержке представителей местной власти и Министерства финансов, старавшегося при наличии возможности поддерживать позицию торгового сословия и защищать его интересы. Так, активное участие должностных лиц южного региона России (а именно генерал-губернатора), что не являлось их основным направлением деятельности², своевременное субсидирование частного судостроения по их ходатайству и допущение новых средств обеспечения государственных займов в середине XIX в. привели к активизации судостроения на Черном и Азовском морях и значительному преобладанию судов отечественной постройки. На север России мероприятия, поощряющие данную отрасль, не распространялись, и, как следствие, судостроение находилось в застойном состоянии. К концу XIX в. с переходом от парусного флота к паровому в судостроении во всем государстве произошел упадок в связи с неразвитостью технологии постройки паровых судов, консервативностью судостроителей³ и отсутствием государственного финансирования. Покровительственная политика государства ослабла под давлением торгового сословия в части упрощения импорта как иностранных судов, так и деталей для их построения. В начале XX в. государство возобновило финансирование отрасли, но негативная внешнеполитическая ситуация не позволяет объективно оценить результаты ее стимулирования.

Касательно правового статуса морского торгового судна можно выделить следующие недостатки: не существовало критерия, позволяющего отграничить морские суда от речных; морское судно являлось составной вещью, включавшей непосредственно корпус судна, необходимое оснащение судна и принадлежности, связанные с судном условно, критерий разграничения которых также отсутствовал; незначительные санкции либо полное их отсутствие за нарушение правил о корабельных документах и регистрации морских торговых судов; отсутствие понятия морской ипотеки и, соответственно, применение к морским судам общих правил о залоге движимого имущества, что делало его крайне затруднительным и породило заключение фиктивных сделок с целью обхода закона; неудачное закрепление момента перехода права собственности (передача корабельной крепости); неудовлетворительное функционирование системы регистрации морских

торговых судов. Последняя недоработка имела принципиальное значение, так как корабельные списки были непригодны ни в административных, ни в статистических целях, ни для упорядочения и облегчения сделок с судами и не соответствовала принятым зарубежными государствами системам регистрации морских судов, что могло повлечь недействительность сделок с ними в зарубежных портах.

В данной сфере особенно четко прослеживается активное вмешательство государства как в правовое регулирование, так и в реализацию правоотношений. В той или иной степени участие государственных органов сопутствовало свершению всех юридических фактов. Причем субъектами данных правоотношений выступали не только органы государственной власти на местах (портовые таможи, портовое начальство, коммерческие суды, российские консулы), но и ряд министерств.

В XIX в. в законодательстве четко прослеживается тенденция к стимулированию отечественного морского торгового флота к более эффективному служению национальным интересам России, к закреплению норм, ориентирующих развитие русского торгового мореплавания в интересах российских подданных. Если в XVIII в. иностранные суда свободно могли получить патент на плавание под русским национальным флагом, то с 1797 г. такое право было ограничено необходимостью получения Высочайшего соизволения и обусловлено проживанием либо занятием морской торговли и нахождением капиталов на территории России. С 1863 г. иностранцы более не могли получить патент, но имели право на участие в российских мореходных компаниях, где допускалось даже преобладание их числа. В 1904 г. условием выдачи патента стало полное отсутствие иностранных подданных во всех формах совместной собственности на морские торговые суда.

Наименее удачно реализованным направлением национального правового регулирования торгового мореплавания являлось формирование квалифицированного кадрового состава для комплектования экипажей морских торговых судов. Важнейшей из причин негативного отношения к данной профессии являлся быт моряков в период нахождения на судне и отсутствие социальных гарантий впоследствии. Правовое регулирование статуса членов экипажа отличалось недоработанностью. Российское правительство не учитывало позитивный зарубежный опыт в части решения данной проблемы. Так, английским законодательством закреплялись требования к условиям проживания моряков на судах (государственный контроль за соблюдением норм питания, квадратура жизненного пространства членов экипажа, требования к вентиляции и освещению, отдельные помещения для приема пищи и для санитарных нужд), вопросам здравоохранения (контроль

² Климова Л.В. Полномочия генерал-губернаторов в законодательстве Российской империи во второй половине XIX века // История государства и права. 2015. № 20. С. 58.

³ Михайлов М.А. От корабля к модели. М.: ДОСААФ, 1977. С. 10.

за нахождением на судне установленного перечня медикаментов, необходимость прохождения медицинского осмотра перед каждым рейсом, требования к рациону, учреждение специальных больниц для моряков), социального обеспечения (наличие пенсий, страхования, выплата вдовам, благотворительных учреждений для моряков), безопасности мореплавания⁴ (государственный контроль за состоянием судна при отплытии из порта, отсутствием перегрузки судна).

Успешно же удалось реализовать функционирование системы компетентных органов для скорого и справедливого разрешения споров, вытекавших из торгового мореплавания, коммерческих судов. Их первоначальное территориальное расположение в портовых городах, через которые осуществлялась международная морская торговля, позволяет сделать вывод о создании системы коммерческих судов в первую очередь для разрешения споров из торгового мореплавания. Суды пользовались поддержкой заинтересованных слоев общества (как российских, так и иностранных), содействуя своим авторитетом быстрому и правильному развитию отечественной морской торговли.

Центральное место в правовом регулировании торгового мореплавания занимал договор морской перевозки груза. Однако положения Устава торгового были обобщенными и не учитывали всех нюансов имущественной сторо-

ны правоотношений контрагентов. При этом законодательные предписания носили скорее рекомендательный характер, так как несмотря на определение в законе ряда требований к содержанию договора морской перевозки груза, их отсутствие не влекло каких-либо существенных последствий для сторон, а признание договора недействительным зависело от усмотрения суда, выносившего решение с точки зрения полноты отражения в договоре существа обязательства и взаимных прав и обязанностей сторон. При таких условиях особое значение приобрели разъяснения коммерческих судов и Правительствующего Сената и торговые обычаи. Правовой основой их применения для восполнения пробела в действовавшем законодательстве являлись Устав судопроизводства коммерческих судов и Устав торгового судопроизводства. Выступая текущим регулятором торговых правоотношений, обычай постоянно находился в динамике и трансформировался в соответствии с требованиями юридического быта. Изучение морских торговых обычаев носило фрагментарный характер, сталкиваясь с рядом трудностей. В силу того, что обычай применялся при столкновении интересов участников торгового оборота в суде, при обосновании обычая своих притязаний, доступными для изучения являлись лишь обычаи, отраженные в судебных решениях.

Таким образом, национальное правовое регулирование торгового мореплавания Российской империи нуждалось в комплексных пересмотре и переработке, попытки которой были предприняты в начале XX в., но осуществиться не успели.

⁴ Беляков В.Г. Историко-правовые этапы ограничения и контроля торгового мореплавания // История государства и права. 2012. № 2. С. 18.

Литература

1. Белавенец П.И. Нужен ли нам флот и значение его в истории России / П.И. Белавенец. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910. 318 с.
2. Беляков В.Г. Историко-правовые этапы ограничения и контроля торгового мореплавания / В.Г. Беляков // История государства и права. 2012. № 2. С. 16–18.
3. Климова Л.В. Полномочия генерал-губернаторов в законодательстве Российской империи во второй половине XIX века / Л.В. Климова // История государства и права. 2015. № 20. С. 57–59.
4. Михайлов М.А. От корабля к модели / М.А. Михайлов. М. : ДОСААФ, 1977. 128 с.

References

1. Belavenets P.I. Nuzhen li nam flot i znachenie ego v istorii Rossii [Do We Need a Fleet and Its Meaning in the Russian History] / P.I. Belavenets. Sankt-Peterburg : T-vo R. Golike i A. Vil'borg — Saint Petersburg : the R. Golike and A. Vilborg partnership, 1910. 318 s.
2. Belyakov V.G. Istoriko-pravovye etapy ogranicheniya i kontrolya torgovogo moreplavaniya [Historical and Legal Stages of Limitation and Control of Merchant Shipping] / V.G. Belyakov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2012. № 2. S. 16–18.
3. Klimova L.V. Polnomochiya general-gubernatorov v zakonodatel'stve Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka [Authority of the Governor Generals under the Laws of the Russian Empire in the Second Half of the XIX Century] / L.V. Klimova // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2015. № 20. S. 57–59.
4. Mikhaylov M.A. Ot korablya k modeli [From Ship to Model] / M.A. Mikhaylov. Moskva : DOSAAF — Moscow : Army, Air Force and Navy Volunteer Society, 1977. 128 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2017-23-45-49

Самодостаточность как историко-правовой детерминант некоммерческой природы общественного объединения

Артеменков Владимир Константинович,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
v.artemenkov@mail.ru

В статье анализируется некоммерческая природа общественных объединений, объясняя которую, автор обратился к истории социально-правовой жизни римского общества. Показывается, что в целях времяпрепровождения в личных целях римляне объединялись в различного рода коллегии. К подобным объединениям, прежде всего, относились дружески-застольные коллегии. К ним также можно отнести квартальные и капиталные коллегии в городах, похоронные и домашние коллегии почитания гения господина. Указанные коллегии имели простейшую организационную структуру и представляли собой замкнутое сообщество, которое в наименьшей степени зависело от других субъектов права, представляя собой самодостаточные формирования, предназначенные для совместного времяпрепровождения своих членов.

Самодостаточность общественных объединений детерминирована нематериальной сферой совместного правового бытия коллектива граждан. В то время как в коммерческих объединениях граждан важна не сама по себе межличностная коммуникация (диалог), а получаемый посредством нее финансовый результат. Коммерческая организация всегда ориентирована на получение прибыли, и данный процесс не имеет для нее достаточности.

Ключевые слова: общественное объединение, некоммерческая природа, римские коллегии, самодостаточность, автаркия, благотворительность, публичная сфера, диалогическое (коммуникативное) взаимодействие объединения граждан.

Self-Containment as a Historical and Legal Determinant of Non-Commercial Nature of a Public Association

Artemenkov Vladimir K.
Senior Research Scientist of the Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

The article analyzes non-commercial nature of public associations, explaining which the author referred to the history of legal and social life of Roman society. It is shown that in order pastime for personal reasons the Romans were United into a different kind of Board. Such alliances primarily treated friendly drinking bar. They also include quarterly and kapitalnie Board in the cities, and the funeral home Board of the veneration of the genius of the master. These Board had a simple organizational structure and were a closed community, which are the least dependent on other entities, representing a self-sufficient formation, designed for gatherings of their members.

The self-sufficiency of public associations determined by the intangibles of joint legal existence of the collective citizens. While commercial associations of citizens is important not in itself interpersonal communication (dialogue) and received by its financial result. A commercial organization is profit-oriented and this process is not for her adequacy.

Key words: public association, a non-profit nature, the roman collegium, self-sufficiency, autarky, charity, public sphere, dialogical (communicative) interaction associations of citizens.

В истории и теории права общественные объединения признаются некоммерческими формированиями, для которых извлечение прибыли не является основной целью деятельности¹, но, несмотря на это, они активно занимают пред-

принимательской деятельностью и даже становятся банкротами².

правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2015. С. 10.

² Решение Арбитражных судов о признании несостоятельным (банкротом) и введении конкурсного производства в отношении Городской общественной

¹ Шухов Ф.Г. Общественные объединения как институт гражданского общества: теоретико- и историко-

Представляется, что некоммерческая природа общественных объединений может быть объяснена в ретроспективе исследования социально-правовой жизни любого общества. Мы для примера обратимся к истории римского общества, где существовала дифференциация на труд и отдых.

Так, служение общественно полезным целям во благо *res publica* считалось для римлян трудом, работой (*negotium*), в то время как время препровождение в личных целях было для них отдыхом, досугом (*otium*)³, который они проводили сообща за общей трапезой (*cena*), обсуждая насущные проблемы жизни. В этих целях граждане объединялись в различного рода коллегии. «Применительно к ним римские юристы обычно пользовались выражениями *personae vice funge, privatorum loco haberi*, дабы показать, что нечто, не будучи естественным человеческим лицом, функционирует в гражданской жизни вместо такового лица, обслуживается как таковое лицо. Иногда подобный субъект косвенно или прямо назывался *persona*, т. е. лицо»⁴.

Известный знаток античности Г.С. Кнабе писал, что римские граждане даже завещали часть своих денежных средств на то, чтобы «их односельчане или члены их коллегий устраивали регулярно совместные трапезы»⁵. «Совместная трапеза была неременной чертой тех общинных, коллегияльных, культовых, дружеских организаций и кружков, в которых протекали досуг римского гражданина, а во многом также его общественная и повседневно-практическая деятельность»⁶, «римская сена — всегда форма общения и консолидации малой социальной группы, всегда совместная трапеза членов некоторого относительно устойчивого микрообщества. Такие микрообщности образовывали непосредственную фактуру жизни римлянина»⁷, который всегда принадлежал «какому-либо ограниченному множеству, микрогруппе, обязательно имевшей свой культ и, соответственно,

свои застоля, свои *sacra mensae*»⁸. К подобным объединениям, прежде всего, относились дружески-застольные коллегии. К ним также можно отнести квартальные и компитальные коллегии в городах, похоронные и домашние коллегии почитания гения господина. В последние «входили люди различных профессий как из числа рабов, так и вольноотпущенников. Члены этих коллегий пользовались рядом преимуществ: они участвовали в домашних празднествах, религиозных обрядах, трапезах, и каждый член коллегии, в том числе и раб, мог рассчитывать на погребение в фамильном склепе — колумбарии»⁹.

Указанные коллегии имели простейшую организационную структуру и представляли собой замкнутое сообщество, которое в наименьшей степени зависело от других субъектов права, представляя собой самодостаточные формирования, предназначенные для совместного времяпрепровождения своих членов.

Именно в такой самодостаточности, обусловленной некоммерческим характером деятельности указанных коллективных субъектов права, проявилось их сущностное отличие от хозяйственных предприятий (*societas publicanorum, societates argentariorum*), осуществляющих коммерческую деятельность в целях извлечения прибыли, а этот процесс, как известно, не ограничивается состоянием достаточности и требует дальнейшего прироста капитала. Как метко выразился английский публицист Т.Д. Даннинг, «[к]апитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами»¹⁰.

Следует отметить, что содержание термина «самодостаточность» изучалось еще древними греками в рамках учения об автаркии (греческое *αὐτάρκεια*, от *αὐτός* — «сам» и *ἀρκέω* — «нахожусь в достатке»), причем изначально существовало только прилагательное *αὐτάρκης*,

организации «Молодежный жилой комплекс транспортных строителей» (см.: Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 9 февраля 2011 г. № А45-15098/2010 // СПС «КонсультантПлюс»); Решение Общественной организации «Профессиональный союз московских транспортных строителей» (см.: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30 июля 2012 г. № А40-95595/11 // СПС «КонсультантПлюс»).

³ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд. М., 1976. С. 666–667, 715.

⁴ Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории : учебное пособие. М., 2003. С. 43.

⁵ Кнабе Г.С. Древний Рим — история и повседневность : очерки. М., 1986. С. 139–140.

⁶ Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история. М., 2006. С. 522.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Блаватский В.Д. и др. Античная цивилизация / отв. ред. В.Д. Блаватский. М., 1973. С. 173.

¹⁰ Dunning T.J. Trade's Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention. London : Published by the author, and Sold by M. Harley, № 5, Raquet court, Fleet street, E.C. 1860. P. 35–36. (Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 39 т. 2-е изд. М., 1957. Т. 23. С. 770.)

а *αὐτό-* обозначало не только «само-»¹¹, но и естественность, совместность, совпадение, личную причастность. Позднее прилагательное «автаркийный» становится синонимом для «достаточный». В диалоге «Государства» Платона говорится о происхождении полиса из потребности друг в друге самих по себе неавтаркийных людей. По Аристотелю, полисная автаркия предполагает удовлетворение нужды не только и не столько в необходимом, сколько в прекрасном — духовное единство («согласие») граждан. Автаркия полиса — это зрелость человеческой общности, достигшая своего полного «природного» развития.

История автаркии как идеи представляет собой историю античной антропологии, которая от представления о тотальной зависимости и несамодостаточности человека перешла к мысли о восполнении человека в социуме (полисе), с крушением полиса — к проповеди внутренней свободы от мира, а затем к преодолению человеческой несамодостаточной природы через слияние с самодостаточным божественным началом в созерцании, молитве, вере¹².

Параллельно этой истории шло развитие общественных объединений, снимавших проблему тотальной зависимости и несамодостаточности человека путем его коммуникации (диалога) с другими людьми, восполнявших человека в общности себе подобных, обеспечивающих внутреннюю свободу человека, в том числе через общую веру. Здесь уместно вспомнить древнегреческого стоика Хрисиппа, определившего автаркию как состояние, которое удовлетворяется необходимым и которое способно приводить жизнь к должному¹³.

В то же время самодостаточность общественных объединений не ограничивает цель их деятельности исключительно удовлетворением потребностей конкретной группы объединившихся граждан. С развитием христианства многие общественные объединения стали ставить перед собой более возвышенные цели оказания поддержки не только своим членам, но и иным социально незащищенным категориям населения. Так, наряду с церковными учреждениями появились частные благотворительные учреждения¹⁴. Профессора А.М. Лушников и

М.В. Лушникова связывают первый опыт союзной благотворительности с рыцарскими орденами, имевшими полудуховную, полувоенную организацию. «Например, орден Госпитальеров (впоследствии — Мальтийский орден) вырос на базе странноприимного дома или госпиталя, и первоначальным главным направлением его деятельности было предоставление приюта и ухода за больными и ранеными пилигримами, приезжающими в Святую Землю поклониться Гробу Господню. Впоследствии орден открыл госпитали не только в Палестине и Сирии, но и в ряде европейских городов (Марсель, Бари, Константинополь и др.). К концу XIII в. этот орден имел около 100 госпиталей»¹⁵.

Деятельность указанных общественных объединений находится в плоскости публичной (социальной) сферы, которая расположена, по справедливому утверждению профессора Г.М. Заболотной, вне пространства семьи, между государственной властью и частной жизнью индивидов¹⁶. Немецкий ученый Ю. Хабермас определял публичное пространство как «область социальной жизни, где могут обсуждаться дела, представляющие общий интерес, где различия во мнениях могут регулироваться рациональными аргументами, а не обращениями к устоявшимся догмам и обычаям»¹⁷. Самодостаточность общественных объединений в публичной сфере проявляется в том, что они сами определяют для себя общественный интерес и могут либо рефлексировать его в себе и для себя, удовлетворяя внутренние потребности общества, а могут доводить его до сведения государственно-административных институтов, тем самым воздействуя на них. В особенности это свойственно общественным объединениям, осуществляющим политическую деятельность, когда реальное производство публичной политики доступно только самостоятельным и стратегическим акторам; и те, и другие оказывают реальное влияние на развитие политической системы, руководствуясь при этом собственными целями и следуя собственным самостоятельным стратегиям на основе рефлексии¹⁸. При этом государство, если оно правовое, должно ориентироваться на результаты рефлексии объединений граждан, учитывать их дискурсивные практики.

Как видим, общественное объединение может ограничиться обеспечением интересов ис-

¹¹ Само... — часть ряда сложных слов, фиксирующих силу, качество, форму и обеспечивающих особое бытие людей, природных и социальных систем, существование которых рассматривается на их собственной основе (см.: Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и дом. Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; Минск ; М. : ПАНПРИНТ, 1998. С. 758).

¹² Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2000. Т. 1. С. 43–45.

¹³ Философская энциклопедия : в 5 т. Т. 1 : А — Дидро / ред. кол. Ф.В. Константинов и др. М., 1960. С. 20.

¹⁴ Римское частное право : учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М., 2011. С. 146.

¹⁵ Лушникова М.В., Лушников А.М. Курс права социального обеспечения. 2-е изд., доп. М., 2009. С. 9–10.

¹⁶ Заболотная Г.М. Проблема публичной сферы в современной политической теории // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 4. С. 122.

¹⁷ Habermas J. Critical Debates. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1982. P. 4.

¹⁸ Беляева Н.Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. 2011. № 3. С. 81.

ключительно объединившихся граждан, а может быть открыто для неопределенного круга лиц, разделяющих общую цель их деятельности. В любом случае его предназначение не будет частным, личным или индивидуальным, а будет тем общественным, в основе которого находится «абсолютная свобода» межличностного коммуникативного (диалогичного) взаимодействия, объединившихся граждан. Такая свобода определяет самодостаточность общественных объединений, когда каждый из объединившихся находит в лице другого, а все вместе в лице общности достаток общения (диалог) в общей сфере их жизнедеятельности (культурной, научной, спортивной, политической, религиозной, экономической и т. д.). В этой коммуникации реализуется общая цель, соответствующая интересам каждого из объединившихся граждан.

В то время как основу коммерческих объединений граждан составляет их относительная свобода, обусловленная необходимостью участия в хозяйственном обороте в целях извлечения прибыли. В таких объединениях важна не сама по себе межличностная коммуникация (диалог), а получаемый посредством нее

финансовый результат. Коммерческая организация всегда ориентирована на получение прибыли, и данный процесс для нее не имеет достаточности.

Таким образом, уже в общественной жизни Рима мы встречаем негосударственные, некоммерческие, коллективные, правосубъектные социально-правовые формы человеческого бытия, объединение в которые осуществлялось по добровольному согласию граждан. В исследовательской литературе по истории античности они не имеют общепринятого наименования. Их называют иногда «объединениями» или «сообществами», иногда «ассоциациями», «социальными микроединицами» или «микроколлективами». Г.С. Кнабе назвал их «социальные микрообщности», употребляя наряду с ними «социальные микрогруппы», «социальные микромножества» и т. п.¹⁹ Являясь негосударственными формированиями, они представляют собой общественные объединения, самодостаточность которых обуславливает их некоммерческую природу.

¹⁹ Кнабе Г.С. Избранные труды... С. 313.

Литература

1. Блаватский В.Д. Античная цивилизация / В.Д. Блаватский и др. ; отв. ред. В.Д. Блаватский. М. : Наука, 1973. 270 с.
2. Беляева Н.Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Н.Ю. Беляева // Полис. 2011. № 3. С. 72–87.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. 2-изд. М. : Русский язык, 1976. 1096 с.
4. Заболотная Г.М. Проблема публичной сферы в современной политической теории / Г.М. Заболотная // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 4. С. 121–127.
5. Кнабе Г.С. Древний Рим — история и повседневность : очерки / Г.С. Кнабе. М. : Искусство, 1986. 207 с.
6. Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история / Г.С. Кнабе. М. : РОССПЭН, 2006. 1200 с.
7. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории : учебное пособие / Н.В. Козлова. М. : Статут, 2003. 318 с.
8. Лушникова М.В. Курс права социального обеспечения / М.В. Лушникова, А.М. Лушников ; 2-е изд., доп. М. : Юстицинформ, 2009. 656 с.
9. Маркс К. Сочинения : в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс ; 2-е изд. М. : Политиздат, 1957. Т. 23. 907 с.
10. Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2000. Т. 1. 721 с.
11. Римское частное право : учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М. : Юрайт, 2011. 302 с.
12. Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; Минск ; М. : ПАНПРИНТ, 1998. 1064 с.
13. Философская энциклопедия : в 5 т. Т. 1 : А — Дидро / ред. кол. Ф.В. Константинов и др. М. : Советская энциклопедия, 1960. 504 с.
14. Шухов Ф.Г. Общественные объединения как институт гражданского общества: теоретико-историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / Ф.Г. Шухов. Белгород, 2015. 238 с.
15. Habermas J. Critical Debates / J. Habermas. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1982. 258 p.

References

1. Blavatsky V.D. Antichnaya tsivilizatsiya / otv. red. V.D. Blavatsky [Ancient Civilization / editor-in-chief V.D. Blavatsky] / V.D. Blavatsky et al. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1973. 270 s.

2. Belyaeva N.Yu. Razvitie kontsepta publichnoj politiki: vnimanie «dvizhushchim silam» i upravlyayushchim sub'ektam [Development of the Public Policy Concept: Attention to the Moving Forces and Managing Subjects] / N.Yu. Belyaeva // Polis – Policy. 2011. № 3. S. 72–87.
3. Dvoretzky I.Kh. Latinsko-russkij slovar' / 2-izd [The Latin-Russian Dictionary / 2nd edition] / I.Kh. Dvoretzky. Moskva : Russkij yazyk — Moscow : Russian Language, 1976. 1096 s.
4. Filosofskaya entsiklopediya : v 5 t. T. 1 : A — Diderot / red. kol. F.V. Konstantinov i dr. [The Encyclopedia of Philosophy : in 5 Vol. Vol. 1 : A — Diderot / editorial board F.V. Konstantinov et al.]. Moskva : Sovetskaya entsiklopediya — Moscow : Soviet Encyclopedia, 1960. 504 s.
5. Habermas J. Critical Debates / J. Habermas. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1982. 258 s.
6. Knabe G.S. Drevnij Rim — istoriya i povsednevnost' : ocherki [The Ancient Rome — History and Everyday Life : Sketches] / G.S. Knabe. Moskva : Iskusstvo — Moscow : Art, 1986. 207 s.
7. Knabe G.S. Izbrannye trudy. Teoriya i istoriya [Selected Works. Theory and History] / G.S. Knabe. Moskva : ROSSPEN — Moscow : Russian Political Encyclopedia, 2006. 1200 s.
8. Kozlova N.V. Ponyatie i sushchnost' yuridicheskogo litsa. Ocherk istorii i teorii : uchebnoe posobie [The Legal Entity Notion and Essence. Sketch of History and Theory : Textbook] / N.V. Kozlova. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2003. 318 s.
9. Lushnikova M.V. Kurs prava sotsial'nogo obespecheniya / 2-e izd., dop. [Course of Social Security Law] / M.V. Lushnikova, A.M. Lushnikov ; 2nd edition, enlarged. Moskva : Yustitsinform — Moscow : Justice Inform, 2009. 656 s.
10. Marx K. Sochineniya : v 39 t. / 2-e izd. [Writings : in 39 Vol. ; 2nd edition] / K. Marx, F. Engels. Moskva : Politizdat — Moscow : Publishing House of Political Literature, 1957. Vol. 23. 907 s.
11. Novaya filosofskaya entsiklopediya : v 4 t. [The New Encyclopedia of Philosophy : in 4 Vol.]. Moskva : Mysl' — Moscow : Thought, 2000. Vol. 1. 721 s.
12. Rimskoe chastnoe pravo : uchebnik / pod red. I.B. Novitskogo, I.S. Pereterskogo [The Roman Private Law : Textbook / ed. by I.B. Novitsky, I.S. Peretersky]. Moskva : Yurajt — Moscow : Urait, 2011. 302 s.
13. Shukhov F.G. Obshchestvennye ob'edineniya kak institut grazhdanskogo obshchestva: teoretiko-i istoriko-pravovoe issledovanie : dis. ... kand. yurid. nauk [Public Associations as a Civil Society Institution: Theoretical, Historical and Legal Research : Thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / F.G. Shukhov. Belgorod — Belgorod, 2015. 238 s.
14. Sovremennij filosofskij slovar' / pod obshch. red. V.E. Kemerova. 2-e izd., ispr. i dop. [The Modern Dictionary of Philosophy / editor-in-chief V.E. Kemerov ; 2nd edition, revised and enlarged]. London ; Frankfurt-na-Majne ; Parizh ; Lyuksemburg ; Minsk ; Moskva : PANPRINT — London ; Frankfurt am Main ; Paris ; Luxembourg ; Minsk ; Moscow : PANPRINT, 1998. 1064 s.
15. Zabolotnaya G.M. Problema publichnoj sfery v sovremennoj politicheskoy teorii [The Public Sector Issue in the Modern Political Theory] / G.M. Zabolotnaya // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Tyumen State University. 2004. № 4. S. 121–127.

Историко-правовые аспекты понятия «город»

Таболин Владимир Викторович,

профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления

Государственного университета управления,

доктор юридических наук

tabolin@mail.ru

В статье рассмотрены историко-правовые аспекты определения понятия «город» и его меняющиеся признаки с точки зрения различных гуманитарных наук и за период с XVIII в. по настоящее время.

Ключевые слова: город, история, право, городское право.

Historical and Legal Aspects of the “City” Notion

Tabolin Vladimir V.

Professor of the Department of Public Law and Legal Support of Management of the State University of Management

Doctor of Law

The article considers the historical and legal aspects of the definition of the concept of “city” and its changing features from the point of view of various humanities and from the 18th century to the present.

Key words: city, history, law, city law.

Для изучения различных исторических и современных взглядов ученых на содержание понятия «город» нужен комплексный подход с позиций исторической, правовой, экономической, социологической, географической и других наук. В данной статье мы коснемся только некоторых сторон этого сложного цивилизационного явления¹.

Российским историком В.Н. Татищевым в конце XVIII в. было дано следующее определение города: «Славянский град есть место, укрепленное или без укрепления, в котором многие дома разных чинов, яко военные и гражданские служители, купечество, ремесленники и чернь и подлой народ и все обще называются граждане, состоят под властью начальства, но не токмо тот город именуется, который уезд подсудной имеет, а прочие или крепости или пригороды и остроги»².

Другой известный дореволюционный историк, Д.Я. Самоквасов, в конце XIX в. сформулировал развернутую историческую характеристику понятия города: «Слову *город* в древнерусском языке соответствовало множество значений, по современным нам понятиям,

не имеющих ничего общего, как между собой, так и с нынешним понятие о городе». Он приводит следующую градацию понятия:

а) городом называлась всякая ограда, защищающая данное место от посторонних вторжений;

б) городом называлось всякое укрепление, созданное с целью защиты от неприятеля;

в) городом назывались укрепления более значительных пунктов народного поселения;

г) городом назывались укрепления местности, т. е. защищенные от неприятельских нападений какою-либо оградой, насыпью, рвом, и служившие пунктами народного поселения;

д) городом назывались различные территориальные деления политического или административного характера, в этом смысле слову *город* в древних памятниках соответствуют последовательно понятия земли и волости, княжества и государства, уезда и провинции;

е) городом назывались центры администрации;

ж) городом назывались «пристанища торгова и рукоделия», то есть центры промышленности, основанные правительством, наделенные путем законодательства известными правами и обязанностями и тем превращенные в юридические лица.

Автор пишет: «Указанные до сих пор значения слова *город* могут быть названы *прямыми*, территориальными или местными, в противо-

¹ Таболин В.В. К вопросу о правовой теории города // История государства и права. 2010. № 3. С. 41–43.

² Татищев В.Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский : в 2 ч. СПб., 1793. Ч. 1. С. 261.

положность нижеследующим, *переносным* или личным. От места жительства название города перешло на его обитателей». К таким понятиям Д.Я. Самоквасов относит:

а) понятие о городе как общине, пользовавшейся политической автономией и «тянувшей», по древнему выражению, к данному укрепленному пункту (городу в прямом смысле) как центру политической жизни общины;

б) понятие о городе как общине, члены которой соединены известными связями с данным укрепленным пунктом, как военным, так и административным центром общины;

в) городом называлась совокупность жителей данного укрепленного пункта;

г) городом называлась совокупность лиц служилого сословия, приписанных к данному укрепленному пункту, как военному центру, для его защиты;

д) городом называлась совокупность обитателей данной местности («городские общества»), объявленной городом со стороны правительства, городом в смысле административного и промышленного центра³;

е) городом называлась совокупность лиц так называемого среднего или третьего сословия, обитавших в данном пункте, объявленном городом со стороны правительства, наделенных известными правами и обязанностями и вследствие того получивших значение юридического лица, местной, сословной корпорации⁴.

Социолог В. Зомбарт, определяя город, подчеркивает его продовольственную зависимость от крестьянского труда: «...город представляет собою поселение людей, которые в отношении своего пропитания поставлены в зависимость от продуктов чужого сельскохозяйственного труда»⁵. Известный теоретик М. Вебер утверждал, что «с точки зрения чисто экономического определения, городом можно назвать такое населенное место, обитатели которого в своем большинстве живут не земледельческим трудом, а торговлей и промышленностью»⁶.

Н.П. Анциферов, как яркий представитель «органической теории города», определял его как «место, приспособленное для общежития социальной группы сложного характера, внутренне дифференцированной (сословия, классы, иногда группировки национальные, религиозные), получившей определенную правовую форму»⁷.

Профессор Л.А. Велихов в своей работе, критически проанализировав различные взгляды ученых XIX — начала XX вв. на определение города, называет городом определенную социальную систему, представляющую собой конгломерат людей, объединенных, во-первых, производственным и распределительным моментом и затем потребительным моментом в широком смысле слова. Он приходит к важнейшему выводу — каждой эпохе присуще свое определение города и единого универсального быть не может, так как вместе с развитием города меняются и его сущностные характеристики⁸.

Советский историк В.В. Карлов дает определение исторического города: «К раннефеодальным городам следует относить, прежде всего, те разнохарактерные по происхождению и положению в системе расселения поселения, где сочетались ремесленно-торговые, административные, политические, религиозные и военные функции»⁹.

Археолог А.В. Куза предлагал: «...древнерусским городом можно считать постоянный населенный пункт, в котором с обширных территорий концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась значительная масса прибавочного продукта»¹⁰.

Известный советский историк Б.А. Рыбаков считал, что «типичным следует считать сочетание в городе следующих элементов: крепости, дворов феодалов, ремесленного посада, торговых, административного управления, церкви»¹¹.

Исследуя историографию понятия «город», Я.Е. Водарский выделяет четыре положения:

1. Города — это поселения, которые называются городами в источниках;
2. Города — это обязательно торгово-промышленные поселения, которые могут быть также административными, политическими, культурными и другими центрами, т. е. которые могут быть многофункциональными поселениями;
3. Города — это либо торгово-промышленное поселение, либо военно-административный центр, либо сочетание этих двух поселений, т. е. центр с административными, экономическими и военными функциями;
4. Торгово-промышленное поселение с обязательной городской сословной общиной, т. е.

³ Грамота на права и выгоды городам Российской империи 1785 года. Ст. 58–68 // Полное Собрание законов Российской империи. Т. XII. С. 363–364.

⁴ Самоквасов Д.Я. Древние города России. СПб.: Тип. Замысловского, 1873. С. 33–73.

⁵ Зомбарт В. Современный капитализм. М., 1905. С. 193.

⁶ Вебер М. Город. Пг., 1923. С. 7.

⁷ Анциферов Н.П. Пути изучения города, как социального организма. Опыт комплексного подхода. А., 1926. С. 28.

⁸ Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства: в 2 ч. М.; Л., 1928. С. 80.

⁹ Карлов В.В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город: (проблемы градообразования). Вып. 3. М., 1980. С. 83.

¹⁰ Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город: (исследования и материалы). Вып. 6. М., 1983. С. 14.

¹¹ Рыбаков Б.А. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 1. С. 536.

для периода до 1775 г. с общиной посадских людей, а после — с общинами купцов и мещан.

Я.Е. Водарский пишет: «...город был одновременно экономической и юридической категорией, а процесс горообразования состоял в постепенном изменении экономической функции деревни, сопровождавшимся еще более замедленным изменением ее юридического статуса. Город становится городом в научном понимании этого термина после того, как его экономическое состояние получало юридическое оформление...».

Он выделяет три критерия (признака) города: торгово-промышленные занятия жителей, наличие общины и определенный минимум населения. При этом подчеркивает, что только наличие одновременно двух первых критериев позволяет отнести поселение к числу городов. Наличие торгово-промышленных занятий населения без общины образует поселение городского типа, а общины без торгово-промышленных занятий населения — сельское поселение.

Решающим критерием для определения города должна быть социально-экономическая характеристика: город отличается от деревни тем, что он представляет собой населенный пункт, в котором главным занятием жителей является неземледельческое производство и торговля, а административные и военные функции могут и отсутствовать. При этом его община и не входящие в нее жители имеют определенные права и обязанности, закрепленные князем или государством¹².

Социологи, географы и экономисты, давая определение города, выделяют свои критерии: численность или плотность населения, тип занятия населения, административные функции или исторически сложившийся статус города¹³, как особое социально-пространственное образование наряду с деревнями, селами, поселками и другими локальными ареалами существования людей¹⁴.

Географ-урбанист Ю.А. Пивоваров подчеркивает, что большинство определений города «фиксируют различные стороны одного главного явления: город концентрирует население с преобладанием несельскохозяйственной деятельности, обеспечивая более эффективное производство и более разнообразные виды деятельности и общения по сравнению с окружа-

ющей его сельской местностью»¹⁵. Однако профессор Г.М. Лаппо справедливо считал, что «город — не только экономический центр, сосредоточие промышленности и место производства духовных ценностей. Это, прежде всего люди, населяющие город, составляющие особую территориальную общность»¹⁶.

В современной научной литературе существует несколько теорий, связанных с определением понятия «город».

Количественная теория — сводит понятие города к наличию в нем определенного количества жителей. Все особенности городского хозяйства объясняются только аккумуляцией большого количества людей на малой территории.

Политико-административная теория определяет понятие города с правовой точки зрения. Под городом понимается поселение с определенной территорией, которому государственной властью присвоены особые административные права или «имеющие отличное от деревни правовое положение».

Социальная теория делает упор на внутреннюю общественную структуру. Город есть место, приспособленное для общежития социальной группы сложного характера, внутренне дифференцированной и имеющей определенную правовую форму.

Экономическая теория предполагает, что проблема города во всех своих частях тесно связана с экономическими отношениями, без анализа которых она не может быть разрешена. Для экономической теории характерны следующие определения города:

- а) город — есть поселение людей, практикующих интенсивное разделение труда;
- б) город является большим поселением людей, которое пользуется для своего содержания произведениями чужого земледельческого труда;
- в) город — поселение с сильной дифференциацией занятий, преимущественно промышленных торговых и кредитных;
- г) город — неизбежное длительное скопление людей в местах обрабатывающей промышленности и торговли, вызываемое машинной техникой производства (коллективным фабричным производством), концентрацией капиталов (торгового, промышленного и финансового) и пролетаризацией крестьянства (марксистская теория);

д) городом называется поселение, жители которого занимаются или торговлей, или оказанием услуг, или обрабатывающей промышлен-

¹² Водарский Я.Е. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М.: Институт российской истории РАН, 2006. С. 6–10, 13.

¹³ Перцик Е.Н. Города мира: география мировой урбанизации: учебное пособие. М.: Международные отношения, 1999. 380 с.

¹⁴ Зеленев Л.А. Социология города: учебное пособие. М.: ВЛАДОС, 2000. С. 31; Белоусова Г.А. Проблемы современной социологии города // Актуальные проблемы современной науки. 2005. № 6. С. 100–102.

¹⁵ Пивоваров Ю.А. Основы геоурбанистики: урбанизация и городские системы: учебное пособие. М.: ВЛАДОС, 1999. С. 16.

¹⁶ Лаппо Г.М. География городов: учебное пособие. М.: ВЛАДОС, 1997. С. 6–7.

ностью, составляющими их главное, основное занятие, а не побочный промысел.

Социально-экономическая теория определяет город как обособленную территориальную социально-экономическую воспроизводственную самоорганизующуюся систему.

Обобщая различные взгляды, можно сформулировать определение города с позиций современного муниципального права: **город — населенный пункт, в котором боль-**

шинство населения занято в сфере сельскохозяйственного производства, где в пределах установленной территории, с целью обеспечения необходимого уровня жизнедеятельности населения, реализуется государственная власть и местное самоуправление в интересах городского сообщества на основании законодательства и устава города, определяющих его правовой статус.

Литература

1. Анциферов Н.П. Пути изучения города, как социального организма. Опыт комплексного подхода / Н.П. Анциферов. Л., 1926. 151 с.
2. Белоусова Г.А. Проблемы современной социологии города / Г.А. Белоусова // Актуальные проблемы современной науки. 2005. № 6. С. 100–102.
3. Вебер М. Город / М. Вебер. Пг., 1923.
4. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства : в 2 ч. / Л.А. Велихов. М. ; Л., 1928. 480 с.
5. Водарский Я.Е. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты) / Я.Е. Водарский. М. : Институт российской истории РАН, 2006. 415 с.
6. Зеленев Л.А. Социология города : учебное пособие / Л.А. Зеленев. М. : ВЛАДОС, 2000. 181 с.
7. Зомбарт В. Современный капитализм / В. Зомбарт. М., 1905. 487 с.
8. Карлов В.В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии / В.В. Карлов // Русский город: (проблемы градообразования). Вып. 3. М., 1980.
9. Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. / А.В. Куза // Русский город: (исследования и материалы). Вып. 6. М., 1983.
10. Лаппо Г.М. География городов : учебное пособие / Г.М. Лаппо. М. : ВЛАДОС, 1997. 480 с.
11. Перцик Е.Н. Города мира: география мировой урбанизации : учебное пособие / Е.Н. Перцик. М. : Международные отношения, 1999. 384 с.
12. Пивоваров Ю.Л. Основы георбанистики: урбанизация и городские системы: учебное пособие / Ю.Л. Пивоваров. М. : ВЛАДОС, 1999. 231 с.
13. Рыбаков Б.А. История СССР с древнейших времен до наших дней / Б.А. Рыбаков. М., 1966. Т. 1. 719 с.
14. Самоквасов Д.Я. Древние города России / Д.Я. Самоквасов. СПб. : Тип. Замысловского, 1873. 25 с.
15. Таболин В.В. К вопросу о правовой теории города / В.В. Таболин // История государства и права. 2010. № 3. С. 41–43.
16. Татищев В.Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский : в 2 ч. / В.Н. Татищев. СПб., 1793. 218 с.

References

1. Antsiferov N.P. Puti izucheniya goroda, kak sotsial'nogo organizma. Opyt kompleksnogo podkhoda [Ways to Study a City as a Social Organism. Experience of a Comprehensive Approach] / N.P. Antsiferov. Leningrad — Leningrad, 1926. 151 s.
2. Belousova G.A. Problemy sovremennoj sotsiologii goroda [Issues of the Modern Urban Sociology] / G.A. Belousova // Aktual'nye problemy sovremennoj nauki — Relevant Issues of Modern Science. 2005. № 6. S. 100–102.
3. Karlov V.V. K voprosu o ponyatii rannefeodal'nogo goroda i ego tipov v otechestvennoj istoriografii [On the Notion of an Early Feudal City and Its Types in the National Historiography] / V.V. Karlov // Russkij gorod: (problemy gradoobrazovaniya). Vyp. 3 — The Russian City: (City Forming Issues). Is. 3. Moskva — Moscow, 1980.
4. Kuza A.V. Sotsial'no-istoricheskaya tipologiya drevnerusskikh gorodov X–XIII vv. [A Social and Historical Typology of the Old Russian Cities of the X to XIII Centuries] / A.V. Kuza // Russkij gorod: (issledovaniya i materialy). Vyp. 6 — Russian City: (Research and Materials). Issue 6]. Moskva — Moscow, 1983.
5. Lappo G.M. Geografiya gorodov : uchebnoe posobie [Urban Geography : Textbook] / G.M. Lappo. Moskva — VLADOS — Moscow : VLADOS, 1997. 480 s.

6. Pertsik E.N. Goroda mira: geografiya mirovoj urbanizatsii : uchebnoe posobie [World Cities: World Urbanization Geography : Textbook] / E.N. Pertsik. Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya — Moscow : International Relations, 1999. 384 s.
7. Pivovarov Yu.L. Osnovy geourbanistiki: urbanizatsiya i gorodskie sistemy : uchebnoe posobie [Urban Geography Fundamentals: Urbanization and Urban Systems : Textbook] / Yu.L. Pivovarov. Moskva : VLADOS — Moscow : VLADOS, 1999. 231 s.
8. Rybakov B.A. Istoriya SSSR s drevnejshikh vremen do nashikh dnei [History of the USSR from the Earliest Times to the Present Day] / B.A. Rybakov. Moskva — Moscow, 1966. Vol. 1. 719 s.
9. Samokvasov D.Ya. Drevnie goroda Rossii [The Ancient Russian Cities] / D.Ya. Samokvasov. Sankt-Peterburg : Tip. Zamyslovskogo — Saint Petersburg : The Zamyslovsky's printing house, 1873. 25 s.
10. Sombart W. Sovremennyy kapitalizm [Modern Capitalism] / W. Sombart. Moskva — Moscow, 1905. 487 s.
11. Tabolin V.V. K voprosu o pravovoj teorii goroda [On the Legal Theory of a City] / V.V. Tabolin // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2010. № 3. S. 41–43.
12. Tatishchev V.N. Leksikon rossijskij istoricheskij, geograficheskij, politicheskij i grazhdanskij : v 2 ch. [Russian Historical, Geographical, Political and Civil Vocabulary : in 2 Parts] / V.N. Tatishchev. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1793. 218 s.
13. Velikhov L.A. Osnovy gorodskogo khozyajstva. Obshchee uchenie o gorode, ego upravlenii, finansakh i metodakh khozyajstva : v 2 ch. [Urban Economy Fundamentals: General Doctrine of a City, Its Management, Finance and Economy Methods : in 2 Parts] / L.A. Velikhov. Moskva ; Leningrad — Moscow ; Leningrad, 1928. 480 s.
14. Vodarsky Ya.E. Issledovaniya po istorii russkogo goroda (fakty, obobshcheniya, aspekty) [Research on the History of a Russian City (Facts, Generalization, Aspects)] / Ya.E. Vodarsky. Moskva : Institut rossijskoj istorii RAN — Moscow : The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2006. 415 s.
15. Weber M. Gorod [City] / M. Weber. Petrograd — Petrograd, 1923.
16. Zelenov L.A. Sotsiologiya goroda : uchebnoe posobie [Urban Sociology : Textbook] / L.A. Zelenov. Moskva : VLADOS — Moscow : VLADOS, 2000. 181 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2017-23-55-59

Введение Городового положения 1870 г. в Вологодской губернии: опыт взаимодействия государственной власти и городского общественного управления

Когай Ирина Сергеевна,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Вологодского института права и экономики ФСИН России,

кандидат исторических наук, доцент

koirs@yandex.ru

В статье рассмотрены основные направления и проблемы совместной деятельности Вологодского губернского по городским делам присутствия и городских дум по созданию нового городского самоуправления в 1870–1873 гг.

Ключевые слова: *Городская реформа, городское общественное управление, городское самоуправление, губернское по городским делам присутствие, Вологодская губерния.*

Adoption of the Municipal Statute of 1870 in the Vologda Governorate: Experience of Interaction between the State Authority and the City Public Administration

Kogay Irina S.

Assistant Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and

Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

Candidate of Historical Sciences

Assistant Professor

The paper discusses the main directions of joint activities of the Vologda province for municipal Affairs presence and city councils to create a new municipal public management in 1870–1873.

Key words: *urban reform, urban public administration, the city government, provincial office for municipal Affairs presence, Vologda province.*

Историография городского общественно-го управления России в последнее время дополняется исследованиями актуальной проблемы взаимодействия государства и городского самоуправления, как в масштабах страны, так и в отдельных регионах¹. География данной статьи

включает города, входящие в настоящий момент в Вологодскую (Вологда, Великий Устюг, Верховажский посад, Грязовец, Кадников, Тотма, Никольск), Архангельскую (Сольвычегодск, Яренск, Вельск, Красноборск), Кировскую (Лальск) области; г. Устьсысольск (Сыктывкар) является столицей Республики Коми.

В Вологодской губернии в 1871 г. было 13 городов, население которых составляло 42 813 человек (всего 4 % жителей губернии). Самыми крупными были Вологда (16 972 человека),

¹ Галкин П.В. Организация работы городского самоуправления в пореформенный период и административный надзор (по материалам Московского губернского по городским делам присутствия) // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 5. С. 35–38; Камынин В.Д., Храмов А.Б. Административный надзор за деятельностью органов местного самоуправления городов Западной Сибири в конце XIX — начале XX века // История государства и права. 2015. № 8. С. 8–12; Сметанникова И.К. Деятельность губернского по городским и земским делам присутствия // Проблемы отечествен-

ной истории. М., 1999. Вып. 5. С. 32–40; Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX веков. Самара : Издательство Самарского университета, 2007. 202 с. URL: <http://rushist.ssu.samara.ru/books1/tjurin.pdf> (дата обращения: 03.10.2017); и др.

Устюг (7839), Устьсысольск (3600), а, например, в Никольске проживало 1757 человек, Сольвычегодске — 1306, Верховажском посаде — всего 579. Накануне реформы в Вологде, Грязовце, Сольвычегодске, Устюге, Устьсысольске, Яренске работали городские думы; в Вельске, Верховажском посаде, Кадникове, Красноборске, Лальске, Никольске, Тотьме действовало упрощенное самоуправление (избирались только городские старосты и словесные судьи). Состав дум был весьма небольшим: в Вологде — городской голова и 8 гласных, Устюге — 4, Сольвычегодске — 2 и т. д. Гласными во всех городах были только купцы и мещане².

По Городовому положению от 16 июня 1870 г. создавалась новая структура общественного управления: избирательные собрания, думы и управы, которые в пределах предоставленной им власти объявлялись самостоятельными. В ст. 1 закона определялся принцип взаимоотношений городских органов и царской администрации: «...попечение и распоряжения по городскому хозяйству и благоустройству предоставляются городскому общественному управлению, а надзор за законным сего исполнением — губернатору». На местах учреждались новые органы — губернские по городским делам присутствия, которые разбирали все спорные вопросы, жалобы и заявления на городские органы. Последние получали право подавать жалобы на губернатора и другие власти непосредственно в Правительственный Сенат.

Бессословным стал принцип формирования городского самоуправления. Если земские выборы проводились по сословному цензу, то городские — по имущественному (три разряда: крупные, средние и мелкие налогоплательщики), что было оправдано: жестко разделить горожан по условиям было уже затруднительно. Детально регламентировалась законом процедура выборов городских органов; жалобы на нарушения могли подаваться в городскую управу и разрешаться самими думами. Однако жалобы на нарушение «вообще установленного для выборов порядка» городской голова был обязан представлять губернатору и на рассмотрение присутствия. Губернатор и губернское присутствие (подчиненные министерству внутренних дел) играли главную роль в регулировании взаимоотношений между коронной администрацией и городским обществом.

Постановлением Комитета министров от 31 июня 1870 г. губернаторам было поручено при помощи по городским делам присутствий контролировать и участвовать в организации общественного управления в городах империи³. В первую очередь новые органы создава-

лись в губернских городах и областных центрах, в остальных — в сроки, сообразные с местными условиями и по усмотрению МВД.

Создание городского самоуправления встречало много сложностей и тонкостей, что диктовало необходимость сотрудничества правительства и городских органов. Государственный Совет, Сенат, МВД и т. п. принимали специальные определения, разъяснения, циркуляры, буквально постатейно объясняя существо закона, практически всегда на конкретных примерах различных городов империи. Они печатались в «Правительственном вестнике» и сборниках, рассылались в губернские правления, в городские думы и управы.

Городовое положение в Вологодской губернии вводилось в 1871–1873 гг. Механизм создания новых городских органов был следующий: городское общество и дума возбуждали через губернатора ходатайство перед правительством о введении Городового положения; губернатор передавал его в МВД со своим заключением; МВД специальным циркуляром давало разрешение на введение нового управления в городе (городах); губернатор уведомлял городскую думу, что на введение Городового положения «препятствий не встречается».

Проводилась активная совместная работа городских органов и губернской администрации. Вологодское губернское по городским делам присутствие было создано в августе 1870 г., в соответствии с законом в него входили губернатор, вице-губернатор, управляющий казенной палатой, председатель губернской земской управы, губернский прокурор, Вологодский городской голова.

Весомую часть вопросов, вынесенных на заседания, составляют утверждение списков избирателей, правильность их распределения на разряды, законность выборов, что означало объемную и скрупулезную работу губернской администрации. Характерной чертой работы присутствия является глубокая юридическая и по существу проработка решаемых вопросов. Любое «определение» было обосновано нормами Городового положения, других законодательных актов, разъяснениями государственных органов. В свою очередь, от городских дум и управ присутствие требовало такой же аргументации своих решений.

Первым в губернии Городовое положение вводилось в Вологде. В список избирателей, подготовленный городской думой, вошли 1312 человек, разделенные на три разряда: I — 52 человека (платили налогов в доход города 7761,94 1/2 руб.), II — 183 (7747,35 руб.), III — 1077 (7829,46 1/2 руб.). Социальный состав избирателей первых двух разрядов был практически одинаковым: купцы (преобладали в I разряде), мещане, чиновники, почетные граждане, помещики и дворяне (в основном во II разряде), крестьяне. В III разряд преимущественно входили мещане, а также

² Памятная книжка Вологодский губернии. На 1870 г. Вологда: Тип. Волог. губ. правл., 1870. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/memo/book/1870vol.pdf> (дата обращения: 20.10.2017).

³ Тюрин В.А. Указ. соч. С. 42.

чиновники, священники, крестьяне. 30 октября 1870 г. присутствие назначило срок открытия избирательных собраний в Вологде (26 ноября) и поручило городской думе «безотлагательно распорядиться» извещением избирателей. В соответствии с численностью избирателей в думу избирали 66 гласных; к выборам не допускались лица, имеющие недоимки по городским сборам.

Решением думы избирательные собрания по разрядам были назначены на 26, 27 и 28 ноября в 6 часов вечера. По выборным листам об избрании гласных выясняется число избирателей, воспользовавшихся правом голоса: их удручающе мало. Соответственно разрядам — 29 (56 %), 59 (32 %), 43 (4 %) человек. В результате жалобы об участии в выборах и избрании в гласные 2 человек, не имеющих право голоса, присутствие 12 декабря признало выборы по I и II разрядам недействительными, несмотря на «мнение» городского головы. На новые избирательные собрания 28–29 декабря, кроме объявления в губернских Ведомостях, рассылались особые «от господина Городского Головы пригласительные билеты». Однако и в этих выборах участвовало всего лишь 29 и 51 человек⁴. Результаты выборов были утверждены, новых жалоб не последовало, и 7 января 1871 г. Вологодская городская дума была торжественно открыта. Городской голова и гласные приняли присягу, в которой они клялись: «...хочу и должен... верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови» интересам царствующего дома, относиться «...к инструкциям, к регламентам, к указам надлежащим образом, по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяге не поступать»⁵.

На основе опыта создания и работы городских органов в губернском центре в 1872 г. были открыты городские думы в Грязовце, Устюге, Тотьме, Никольске, Устьсыольске, в 1873 г. — Кадникове, Красноборске, Сольвычегодске и т. д.

Как бы детально ни был проработан закон, на практике возникали вопросы и проблемы, требующие гибкости и оперативной совместной работы правительства, губернской администрации и городских дум.

Большая работа проводилась по составлению (думами) и утверждению (присутствием) списков избирателей. Довольно часто они отправлялись в городские думы для уточнений и исправлений. Для примера, на заседании 3 августа 1871 г. присутствие рассматривало список избирателей г. Устюга, в который были включены 300 владельцев недвижимых имуществ. Присутствие указало, что необходимы уточнения об уплате ими налогов, исключение лиц духовно-

го звания (освобожденных от налогов «навсегда по приговору общества»). Представляет интерес стилистика решений: «...список препроводить обратно в думу для дополнения и исправления с тем, чтобы вновь составленный список был представлен к начальнику губернии непременно в настоящем августе месяце». Тотемской городской думе, не включивший в список 7 человек (названы поименно), было предписано доставить сведения в присутствие «непрерывно первоотходящею почтою»⁶.

Статья 25 Городового положения позволяла по ходатайству городской думы и разрешению МВД разделение избирателей на 2 разряда «по малочисленности избирателей или однородности их состава». 9 из 13 городов губернии (Устюг, Устьсыольск, Грязовец, Кадников, Никольск и др.) ходатайствовали о введении «обыкновенного» (не упрощенного) управления и разделении избирателей на 2 разряда «по малочисленности населения». Губернское правление просило присутствие давать заключение по каждому городу. Решения были разными. Так, в списке избирателей г. Лаьска было лишь 73 человека, Кадникова — 172, и потому было признано возможным поддержать ходатайства этих городов, как и Грязовца, Никольска, Верховажского посада, Красноборска. А, например, Устьсыольску, где в списке значилось 547 избирателей, присутствие «приказало» разделить их на 3 разряда, так как деление на 2 разряда «допускаемо только в крайнем случае»⁷. В марте 1873 г. присутствие не изъявило согласие на введение Городового положения в г. Вельске. Городское общество ходатайствовало об этом, но «по недостатку доходов» просило о выделении ему пособия от Верховажского посада и земства на выполнение воинского постоя, содержание тюремного замка и полиции. Отказ был аргументирован формулировкой: «...по неимению на это в виду закона»⁸. Что касается введения полного городского управления, то по рекомендации МВД решение о форме управления предлагалось «на определение новой городской думы». Таким образом, все города губернии, кроме Вельска, получили право создать новые городские органы.

В процессе составления списков из-за сложности разделения избирателей некоторые города вновь возвращались к делению их на 3 разряда. К примеру, в сентябре 1873 г. выяснилось, что в г. Никольске 178 избирателей уплачивали налогов 640 руб. в год, а разделены на разряды были неравномерно: I — 13 (314,95 руб.), II — 32 (254,25 руб.), III — 133 (70,80 руб.). Кроме того, в III разряд были включены 33 человека, плативших с недвижимых имуществ менее

⁴ КАУ Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 476. Оп. 1. Д. 494. Л. 3–77, 84, 86, 111–114, 127, 140–145.

⁵ Вологодские губернские ведомости. 1899. 10 марта.

⁶ ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 494. Л. 1–4.

⁷ ГАВО. Ф. 1210. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 11, 14, 15, 41, 43, 51, 53, 64.

⁸ Там же. Ед. хр. 2. Л. 65.

Город	Число жителей	Получивших избирательное право		Число мужчин	Получивших избирательное право, %
		абс.	%		
Вологда	16 972	1312	7,7	8713	15
Устюг	7839	688	8,7	3719	18,5
Устьсысольск	3600	547	15,1	1703	32,1
Грязовец	2161	92	4,3	936	9,8
Никольск	1757	145	8,2	897	16,2
Кадников	1581	172	10,8	708	24,3
Сольвычегодск	1306	151	11,6	606	24,9
Красноборск	646	128	19,8	311	41
Верховажский посад	579	77	13,2	267	28,8
Лальск	551	70	12,7	257	28,4

20 коп. в год. Никольской думе указывается, что по закону (Устав о податях и пошлинах, ст. 2, п. 3) освобождаются от налога имущества, с которых следует сбора менее 25 коп. в год, и занесение в список этих лиц лишено законных оснований. В уточненном списке (заседание 26 октября 1873 г.) осталось 145 избирателей, разделенных на разряды: 7 — 12 — 126. Возникает другая проблема: каждый разряд должен выбрать по равному числу гласных (по 10), и число избирателей должно превышать число избираемых, и, значит, избирательное собрание по I разряду не могло состояться. Аналогичная ситуация складывалась и в Сольвычегодске (8 — 14 — 129), Кадникове (15 — 158), Красноборске (11 — 117). По рекомендации МВД было решено допустить неравномерное распределение суммы налогов, чтобы изменить число избирателей в разрядах. Так, в новых списках Красноборской думы 20 избирателей I разряда платили 266,93 руб., 108 избирателей II разряда — 101,32 руб., и присутствие их утвердило. В декабре 1873 г. губернатор передал в присутствие ходатайство Верховажской думы, которая, опасаясь вновь неправильного составления списка и «лишней через то переписки», просила разрешения разделить избирателей на 3 разряда, «не принимая при том в расчет суммы», так как при делении на 2 разряда число избирателей I разряда не увеличивается. Ходатайство это удовлетворили, решив довериться городской думе и ее мнению⁹. В научной литературе отмечается, что такая проблема существовала в большинстве городов страны. Видимо, в данном случае можно говорить о несовершенстве избирательного закона, которое преодолевалось практической работой в центре и на местах.

Средний процент городских жителей, получивших избирательные права, составил 5,6 % в

10 самых крупных городах России и 6,6 % в городах с населением 20–35 тыс. жителей, то есть, по выводу автора, был ничтожно малым¹⁰. Данные по Вологодской губернии приведены в следующей таблице¹¹.

Обратим внимание, что процент избирателей в целом выше, чем по России, при этом доля избирателей возрастает по мере уменьшения численности населения в городах. Исследователи объясняют это тем, что в небольших городах был выше удельный вес жителей, имевших недвижимую собственность и живущих в своих домах. Показательным является соотношение избирателей к мужскому населению, поскольку только у них были избирательные права. Как видно, процент избирателей увеличивается в 2 и более раза, и это позволяет делать более объективные оценки Городской реформы.

Присутствие контролировало ход выборов и утверждало их результаты. Приходилось указывать городским думах, что выборы следует производить в порядке, указанном в ст. 30–42 Городового положения; что согласно ст. 86 в члены управы и другие должности могут выбираться лица не только из купеческого и мещанского сословий; что по ст. 31 выборы должны производиться закрытой баллотировкой и т. п.¹² Думы должны были присылать в присутствие журналы собраний избирателей, баллотировочные листы о выборах гласных, журналы заседаний дум и управ. Эти документы тщательно изучались, и нарушения рассматривались на заседаниях. Присутствие могло отменить выборы и

¹⁰ Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX века. Правительственная политика. Л. : Наука, 1984. С. 60.

¹¹ Памятная книжка Вологодской губернии на 1873 г.; ГАВО. Ф. 1210. Оп. 1. Ед. хр. 2, 4, 38; Там же. Ф. 475. Ед. хр. 494. Отсутствуют данные по городам Вельску, Тотьме, Яренску.

¹² ГАВО. Ф. 1210. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 49.

предложить думе «сделать соответствующие распоряжения» к новым выборам. Так, в январе 1871 г. не были признаны законными выборы в Устюгскую думу: она должна была состоять из 42 гласных (избраны 47); не совпадало количество гласных, участвовавших в выборах управы; при выборах городского головы и управы присутствовали уездный исправник и стряпчий («не вменено им в обязанность») и др.¹³ Присутствие также признало неправильными выборы по I и II разрядам в Устьсысольске и предложило городской думе создать избирательные собрания для нового голосования¹⁴.

¹³ Там же. Ед. хр. 2. Л. 12–13.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 4. Л. 9–13.

Деятельность по наблюдению за законностью действий городских органов со стороны губернатора и присутствия означала на практике общее руководство и управление ими. Это было не только оправданным, но и необходимым, особенно на этапе введения в действие нового закона, когда администрация не только пресекала нарушения законов, но и учила законности городские органы. Отсутствие опытных кадров в городском управлении, их правовая и управленческая неграмотность диктовали плотную опеку над ними правительственных органов и жесткую регламентацию их деятельности. При этом нельзя не отметить обоюдное стремление к сотрудничеству, что позволило выработать практические механизмы и методы реализации Городового положения.

Литература

1. Галкин П.В. Организация работы городского самоуправления в пореформенный период и административный надзор (по материалам Московского губернского по городским делам присутствия) / П.В. Галкин // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 5. С. 35–38.
2. Камынин В.Д. Административный надзор за деятельностью органов местного самоуправления городов Западной Сибири в конце XIX — начале XX века / В.Д. Камынин, А.Б. Храмов // История государства и права. 2015. № 8. С. 8–12.
3. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX века. Правительственная политика / В.А. Нардова. Л. : Наука, 1984. 227 с.
4. Памятная книжка Вологодский губернии. На 1870 г. Вологда : Тип. Волог. губ. правл., 1870 г. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/memo/book/1870vol.pdf> (дата обращения: 20.10.2017).
5. Сметанникова И.К. Деятельность губернского по городским и земским делам присутствия / И.К. Сметанникова // Проблемы отечественной истории. М., 1999. Вып. 5. С. 32–40.
6. Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX веков / В.А. Тюрин. Самара : Издательство Самарского университета, 2007. 202 с. URL: <http://rushist.ssu.samara.ru/books1/tjurin.pdf> (дата обращения: 03.10.2017).

References

1. Galkin P.V. Organizatsiya raboty gorodskogo samoupravleniya v poreformennyj period i administrativnyj nadzor (po materialam Moskovskogo gubernskogo po gorodskim delam prisutstviya) [Arrangement of the City Government Activities in the Post-Reform Period and Administrative Supervision (Based on the Files of the Moscow Governorate Body for City Affairs)] / P.V. Galkin // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie — State Authority and Local Self-Government. 2012. № 5. S. 35–38.
2. Kamynin V.D. Administrativnyj nadzor za deyatel'nost'yu organov mestnogo samoupravleniya gorodov Zapadnoj Sibiri v kontse XIX — nachale XX veka [Administrative Supervision over the Activities of Local Self-Government Bodies of the Western Siberia Cities in the Late XIX to the Early XX Century] / V.D. Kamynin, A.B. Khramtsov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2015. № 8. S. 8–12.
3. Nardova V.A. Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60-kh — nachale 90-kh godov XIX veka. Pravitel'stvennaya politika [City Government in Russia in the 60's to the Early 90's of the XIX Century. Government Policy] / V.A. Nardova. Leningrad : Nauka — Leningrad : Science, 1984. 227 s.
4. Pamyatnaya knizhka Vologodskij gubernii. Na 1870 g. [Memorial Book of the Vologda Governorate. Celebrating Vologda's 1870 Anniversary]. Vologda : Tip. Volog. gub. pravl. — Vologda : Printing House of the Vologda Governorate Administration 1870. Available at: <http://www.booksite.ru/fulltext/memo/book/1870vol.pdf> (reference date: October 20, 2017).
5. Smetannikova I.K. Deyatel'nost' gubernskogo po gorodskim i zemskim delam prisutstviya [Activities of the Governorate Body for City and Zemstvo Affairs] / I.K. Smetannikova // Problemy otechestvennoj istorii — Issues of National History. Moskva — Moscow, 1999. Is. 5. S. 32–40.
6. Tyurin V.A. Vlast' i gorodskoe samoupravlenie v Srednem Povolzh'e: opyt vzaimodejstviya na rubezhe XIX–XX vekov [Authority and City Government on the Middle Volga Territory: Experience of Interaction at the Turn of the XIX and the XX Centuries] / V.A. Tyurin. Samara : Izdatel'stvo Samarskogo universiteta — Samara : Publishing house of the Samara University, 2007. 202 s. Available at: <http://rushist.ssu.samara.ru/books1/tjurin.pdf> (reference date: October 3, 2017).

Мир грядущего будущего: преодоление системного кризиса современности и место России в новой системе глобальных мировых экономико-правовых отношений (аналитический обзор материалов XVII Международных Лихачевских научных чтений «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» (Санкт-Петербург, 18–20 мая 2017 г.))*

Ромашов Роман Анатольевич,

*профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
romashov_tgp@mail.ru*

Пасешникова Лариса Алексеевна,

*первый проректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, кандидат юридических наук, профессор
info@gup.ru*

Ковалев Виктор Александрович,

*доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, кандидат исторических наук
kaf_teor@gup.ru*

В рамках состоявшихся на базе Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов XVII Международных Лихачевских научных чтений были рассмотрены проблемные вопросы, касающиеся восприятия и оценки проблемных аспектов соотношения и взаимодействия цивилизаций и культур в современном глобальном мире. Наряду с диалоговыми формами межкультурных коммуникаций были обозначены наиболее масштабные вызовы и угрозы, обуславливающие углубление международной напряженности и усиление межнациональной и межгосударственной конфронтации. В прозвучавших выступлениях основной акцент был сделан на профилактике потенциальных конфликтов, а также на поиске действенных путей и средств их эффективного разрешения.

Ключевые слова: цивилизация, национальная культура, правовая культура, глобализация, диалог культур, партнерство цивилизаций, многополярный мир, межкультурные коммуникации, альтернативное будущее, страх как инструмент социального развития, социальные и юридические конфликты, общечеловеческие ценности.

The World of the Future: Overcoming a Systemic Crisis of Modern Times, and the Role of Russia in the New System of Global World Economic and Legal Relations (Analytical Review of Materials of the XVII International Likhachev Scientific Readings Global World: Systemic Shifts, Challenges and Contours of the Future, Saint Petersburg: the St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, May 18 to 20, 2017)

Romashov Roman A.

*Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement of the St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences
Doctor of Law
Professor
Honored Scientist of the Russian Federation*

* При реализации проекта «XVII Международные Лихачевские научные чтения» используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 68-рп и на основании конкурса, проведенного Общероссийской общественной организацией «Российский союз ректоров».

Paseshnikova Larisa A.

*First Vice-Rector of the St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences
Candidate of Legal Sciences
Professor*

Kovalev Viktor A.

*Assistant Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement
of the St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences
Candidate of Historical Sciences*

Challenging issues relating to the comprehension and assessment of disputable aspects of the correlation and interaction between civilizations and cultures in the modern global world have been reviewed at the XVII International Likhachev Scientific Readings held at the St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences. The major challenges and threats predetermining the aggravation of international tension and growth of international and interstate confrontation have been outlined together with the dialogue forms of cross-cultural communications. The speakers have primarily emphasized the prevention of potential conflicts and search of active ways and measures for the efficient conflict resolution.

Key words: *civilization, national culture, legal culture, globalization, dialogue between cultures, partnership between civilizations, multipolar world, cross-cultural communications, alternative future, fear as social development institution, social and legal conflicts, universal human values.*

Прошедшие на базе Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов XVII Международные Лихачевские научные чтения «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» в полной мере отражают те направления и тенденции, под влиянием которых развивается современный мир.

Глобализационные процессы, которые еще недавно воспринимались в преимущественном контексте «диалога культур и партнерства цивилизаций», в последнее время обозначили вызовы и угрозы, заставляющие вернуться к таким форматам отношений между государствами, народами, культурами, как «национальное противостояние», «культурное отторжение», «силовое воздействие», «межгосударственная конфронтация», «холодная война». Человеческий мир в очередной раз демонстрирует хрупкость добрососедских отношений и реальность «перестройки отношений партнеров в противников».

Участники XVII Лихачевских чтений в своих выступлениях постарались не только проанализировать закономерности состояния и развития современной человеческой цивилизации, но и наметить реальные пути оптимизации в сфере внутригосударственных и международных коммуникаций.

Объектом рассмотрения участников пленарного заседания являлись разнообразные сюжеты, связанные с проблематикой обеспечения международной безопасности, выделения новых форм и направлений международного сотрудничества, конструирования экономических моделей устойчивого развития в современных условиях, переосмысления базовой терминологии, идей и философских оснований человеческой деятельности в условиях системного кризиса современного мира.

Лейтмотив пленарной части научного форума был задан выступлением *директора Центра изучения государственного управления и обще-*

ственной политики Карлтонского университета (Канада), доктора философии, профессора политологии П. Дуткевича. Отмечалось, что перспектива применения военной мощи в ответ на внешнюю угрозу стала гораздо более осязаемой в последние несколько лет. В условиях глобальной неопределенности, отсутствия власти, тотального недоверия к политико-правовым институтам страх становится одной из ведущих эмоций современного человека. Быстроразвивающийся технически и материально и идейно стремительно обновляющийся современный мир создает условия для развития различных страхов как у индивидуума, так и на уровне целых обществ. Если кратковременный страх может послужить импульсом к объединению и защитной реакции общества, то длительный диффузный страх перерастает в состояние тревоги, подавленности, что выливается в социальную стагнацию. В таких условиях общество начинает искать более или менее определенного врага и предпринимает попытки вернуться в стабильное прошлое, отсюда резкий рост правого популизма по всему миру. Популизм проявляется, во-первых, в недоверии населения к элитам, во-вторых, в кризисе нормативной составляющей общественной системы, наконец, в-третьих, в оформлении идеи нового мира как альтернативы существующему «несправедливому» порядку. Все эти разные проявления популизма объединяет то, что они отрицают рациональные способы поведения и отвергают объективность наличной ситуации. Глобализация, которая привела к унификации норм, достигла своего предела — грядет новое расслоение мира, в том числе и по нормативному основанию.

Профессор университета Генуи, иностранный член РАН, доктор философии Э. Агауци, применяя системный структурный анализ к феномену нарастающей мобильности в рамках современной «мировой деревни», продемон-

стрировал модель перспективного успешного взаимодействия различных социальных и этнических групп в рамках современной мировой системы. Согласно выдвинутому им тезису, основой подобного взаимодействия должен стать плюрализм, понимаемый как разнообразие взаимодействующих структурных элементов, коренным образом отличающийся от релятивизма и скептицизма постмодернистского мира.

Почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, доктор права Ч. Варга сфокусировал свое исследование на системном эффекте техногенной революции и ее значении. По его мнению, лавинообразное развитие и внедрение новых технологий создает целый ряд вызовов, с которыми сталкивается мировое сообщество, в том числе и юридическое. Причем спектр этих вызовов простирается от узкоспециализированных, таких как выработка законодательного оформления новых практик или реакции на новые виды преступлений, до общечеловеческих, таких как создание новых моральных принципов и новой парадигмы социального порядка на различных уровнях и в условиях плюралистического разнообразия объектов и субъектов права.

Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России Г.А. Гаджиев обратился к проблеме абсолютизации правовых принципов в современном международном праве. Заочный диспут между Юргеном Хабермасом и Джоном Роллзом, посвященный причинам международного правового кризиса и соотношения права и справедливости в международных отношениях, по мнению докладчика, может быть решен через признание правовых принципов как потенциально сопоставимых объектов.

Свое продолжение тема международных отношений в условиях глобализирующегося мира получила в выступлении *экс-министра образования Республики Польша (1996–1997) доктора социологии Е. Вятра*. Он обозначил две точки напряжения, структурирующие современное поле международной политики. По мнению докладчика, это проблема идеологизации международных отношений, ведущая к их поляризации и структурированию пространства международных отношений как бинарного, а также проблема распространения радикального исламизма. Решением проблемы поляризации, по мнению автора, должна стать деидеологизация международных отношений, которая должна привести к демифологизации и рационализации их на основе национальных интересов.

В отличие от исследователей, использующих цивилизационный подход к анализу международных отношений в концептуальных рамках, заданных «Столкновением цивилизаций» С. Хантингтона, *экс-президент Киргизской Республики (1990–2005), иностранный член РАН, доктор технических наук, профессор А. Акаев* использовал для анализа перспектив развития

международных отношений концепцию диалога и партнерства цивилизаций как основы для устойчивого развития многополярного мироустройства. Согласно выдвинутому им тезису, первая половина XXI в. будет характеризоваться появлением новых цивилизаций на мировой арене (в частности, за счет разделения исламского мира на 3–6 цивилизаций). Формирование устойчивого развития и диалога требует, по мнению докладчика, усиленного сотрудничества научного и политического мирового сообщества с целью формирования управляемого политического и правового всемирного геополитического пространства как среды устойчивого развития на основе цивилизационного диалога.

Сходные идеи были высказаны в докладе *директора института Европы РАН, члена-корреспондента РАН, доктора политических наук, профессора А.А. Громько*. Представив в качестве основы продуктивного международного сотрудничества концепцию конструктивного полицентризма, докладчик сосредоточил свое внимание на причинах современного кризиса в международных отношениях и путях выхода из него. По мнению докладчика, кризис не является чем-либо предопределенным исторически или неизбежным и неразрешимым цивилизационным противоречием. Решение кризиса лежит в политической плоскости и состоит в переводе конфликтных отношений между государствами в русло структурной конкуренции, то есть вполне разрешимо в рамках современной мир-системы.

Философские основания кризиса цивилизаций стали объектом анализа со стороны *научного руководителя Института философии РАН, академика РАН, доктора философских наук, профессора А.А. Гусейнова*. Символическим образом современного кризиса цивилизации, по мнению докладчика, являются «часы Судного дня» размещенные на обложке Bulletin of Atomic Scientists. Гуманистический идеал прогресса и «лучшего» будущего оказался в современной цивилизации заменен на страх перед будущим. При этом отказ от будущего и концепция «конца истории», в частности в социально-экономической сфере, не могут быть восприняты сознанием, сформированным в рамках идеи прогресса, характерной для цивилизации модерна. Отсутствие идеала справедливого общества неизбежно порождает ощущение кризиса и идеализацию прошлого.

Вопросы цивилизационного развития и его философских оснований получили развитие в выступлении *руководителя секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академика РАН, доктора философских наук, профессора В.С. Степина*. Кризис техногенной цивилизации, согласно базовым тезисам его доклада, предопределил пересмотр базовых концептов, таких как «природа», «время» и «власть». В рамках техногенной цивилизации кризис предопределен конфликтом между восприятием этих базовых кон-

цептов — так, восприятие времени как прогресса с необходимостью ведет к утилитарному отношению к природе и, как следствие, к возможной экологической катастрофе.

В совместном докладе *ректора СПбГУП, члена-корреспондента РАН, доктора культурологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки России А.С. Запесоцкого и профессора кафедры экономики предприятия и предпринимательства СПбГУ, доктора экономических наук Е.Ф. Чеберко* рассматривались вопросы трансформации экономических отношений в условиях цивилизационного кризиса. По мнению докладчиков, современный цивилизационный кризис порожден наступившей в конце XX в. безальтернативностью капитализма и сопровождавшими установление этой гегемонии тенденциями: коммерциализацией политики и демократических институтов, превращением денег из средства обмена в средство производства и т.д. Противопоставление двух антагонистических систем, по мнению авторов, должно быть заменено моделью конвергенции плановой и рыночной экономик.

Взаимосвязь между мир-экономической системой и международным правом стала объектом анализа в докладе *главного научного сотрудника Института государства и права РАН, академика РАН, доктора юридических наук, профессора А.Г. Лисицына-Светланова*. Докладчик отметил как тенденцию регионализацию международных экономических правопорядков, соответствующую постепенному отходу от универсалистских глобальных моделей экономики и права. В качестве возможного пути развития международного права является установление правовых режимов в рамках двусторонних и многосторонних экономических и военно-политических союзов, основанных не на идеологической близости, а на совпадающих национальных интересах.

Тема взаимосвязанности международных экономических и правовых процессов получила дальнейшее развитие в выступлении *президента Международной организации прогресса (Вена, Австрия) доктора философии Г. Кёхлера*. Выделив ряд проблем международного права, прежде всего, его несоответствие требованиям теории права: отсутствие санкции за нарушение действующего, а не декларативного принципа разделения властей, разделения норм права и морали, исследователь выдвинул тезисы о возможных путях укрепления международных правовых режимов. Наиболее эффективными, по мнению докладчика, становится «глобальное управление», понимаемое как горизонтальная координация между равными участниками международных процессов.

В качестве ключевого вопроса современной системы международного порядка *старший советник по вопросам финансов и развития Южного центра (Женева, Швейцария) доктор экономики М. Монтес* предложил рассматривать проблему соблюдения прав человека. Распространение по всему миру «золотого стандар-

та» политических прав человека, вне всяких сомнений, является позитивной стороной либерализма, однако распространение экономических практик и внедрение в международное и национальное законодательство принципов либерального экономического хозяйствования и торговли несет угрозу для экономических и некоторых личных прав человека (таких, например, как право на здоровье). Автор подчеркнул необходимость развития международного правового регулирования финансовой и экономической деятельности с целью преодоления диспропорции между деятельностью мировых финансовых институтов и межгосударственных объединений в этой сфере.

Вызовы, которые несет международному праву развитие современных высоких технологий, стали объектом анализа в докладе *директора Центрального экономико-математического института РАН, академика РАН, доктора физико-математических наук, профессора В.А. Макарова*. По мнению ученого, новые технологии, прежде всего возможности сети Интернет, создают ряд ситуаций, требующих новых форм правового регулирования, таких, как использование технологии блокчейн, криптовалют, баз данных. Кроме того, интернет-технологии меняют иерархию социальных регуляторов. Так, например, все большее значение приобретает категория доверия, как необходимая основа взаимодействия индивидов и организаций в сети.

Предметную область секционного заседания составили: проблемные аспекты правового регулирования мирового и национального рынка; тенденции мирового развития в направлениях универсализма и партикуляризма; формы и методы соотношения и взаимодействия гражданского общества, правового государства и рыночной экономики в контексте глобализирующегося мира; вероятностные перспективы экономико-правового развития России, а также инструментальные основания обретения нашей страной достойного места в мире будущего.

Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист России И.А. Честнов в своем выступлении обратился к переходу в юридической науке от классической картезианской модели субъект-объектного взаимодействия к субъект-субъектной модели, основанной на принципе дополнительного описания, с точки зрения действующего субъекта (включенного наблюдателя). В рамках такого подхода ярко проявляется селективная функция права, позволяющая придавать конкретно-правовую форму внешним (политическим, экономическим, культурным) факторам, воздействующим на правовую систему.

Член Конституционного совета Республики Казахстан, доктор юридических наук В.А. Малиновский в тезисах своего выступления обратился к проблеме межконфессионального и меж-

этнического диалога и представил вниманию собравшихся уникальный опыт Республики Казахстан — создание Ассамблеи народов Казахстана, объединяющей представителей более 100 народов и конфессий. Особое положение данному институту придает его конституционный статус и объединение государственных и негосударственных организаций. Этот уникальный опыт привлекает внимание соседних стран, в том числе и Российской Федерации.

Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки России Р.А. Ромашов в своем выступлении обратил внимание на выдвинутый в пленарном докладе профессора П. Дуткевича тезис о страхе как системном факторе современной политики. Отмечалось, что при переходе к постсоветской модели системный страх отечественной политики трансформировался в бессистемный. Акцентируя внимание на несопоставимости российской и западно-европейской политико-правовых систем, профессор Ромашов подчеркнул, что системные различия не препятствуют организации межсистемного диалога. Вместе с тем выступающим был выдвинут тезис о мировом коммуникационном кризисе, в ходе которого описательные модели политико-правовых систем подменяются оценочными, что ведет к идеализации одних политико-правовых систем и «демонизации» других. Следствием подобного противопоставления является поляризация международных отношений и усиление международной напряженности. Возвращаясь к образу, представленному в докладе профессора А.А. Гусейнова, докладчик подчеркнул, что смещение стрелок «часов Судного дня» зависит от степени готовности участников международного процесса предпринять усилия по деидеологизации международной политики и направлению ее в правовое русло.

Заведующий кафедрой истории государства и права Самарской государственной областной академии кандидат юридических наук В.В. Токарев в своем выступлении также обратился к поднятой профессором Дуткевичем теме. Указав на значительную популярность неомарксизма в западной, как юридической, так и политической, мысли, он продемонстрировал новые интерпретации понятия «отчуждение», позволяющие установить связь между экономической и политической проблематикой, а также выявить важную проблему отчуждения человека от его прав, особенно экономических.

К проблеме правовых принципов и их значения обратился в своем выступлении *заведующий кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ А.А. Ливеровский*. Докладчик подчеркнул давность традиции применения правовых принципов как гибких регуляторов,

восходящую еще к традиционным этно-религиозным обществам. При этом в качестве возможного инструмента преодоления негативных кризисных явлений в сфере права докладчик выделил роль конституционных принципов, а в качестве метода — конституционализацию общественных отношений.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук Е.А. Петрова представила доклад, посвященный проблеме соотношения объективных и объективно-субъективных процессов в современном международном праве. Основная возможность влиять на ход правовых изменений, происходящих на объективной основе, — установление рамок процесса через определение принципов, основанных на историко-культурном контексте. В качестве примера было рассмотрено изменение содержания принципа ООН права наций на самоопределение в условиях деколонизации и в условиях нарастания сепаратистских тенденций

Доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП кандидат исторических наук В.А. Ковалев в своем выступлении обратился к проблеме несоизмеримости правовых систем. С применением методов когнитивной антропологической школы и понятий «эссенциализма» и «эпохализма» как форм реакции культурной системы на внешнее воздействие он продемонстрировал, что содержащийся в правовом дискурсе системы терминологический аппарат зачастую является формой реакции на глобальные процессы, в том числе и в сфере юридической терминологии. Национальная правовая система, являясь частью системы культурной, активно реагирует на попытки введения в ее символическую систему привнесенных образов, вырабатывая различные формы реакции от адаптации до перестройки своей «сети символов» в антагонистическом ключе.

Подводя итоги и обобщая высказанные в ходе выступлений точки зрения, модераторы секционного заседания отметили, что вопросы определения места и роли национального права в системе формирующегося наднационального права требуют своего дальнейшего обсуждения. Любой народ является частью международного сообщества и в таком понимании выступает в качестве носителя общечеловеческих ценностей, получающих нормативное закрепление в актах и принципах международного права. Вместе с тем страны и народы, образующие глобальную мировую цивилизацию, претендуют на собственную национальную идентичность. Формирование многополярного мира происходит в условиях усиления глобализационных вызовов и многочисленных угроз, обуславливающих в достаточной степени пессимистические прогнозы относительно перспектив будущего человеческой цивилизации. От того, насколько человеческое сообщество способно противостоять этим угрозам, зависит его сохранение и дальнейшее цивилизационно-культурное развитие.